ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА.

(Вмѣсто предисловія).

ЛѢТОМЪ 1882 г., когда я гостилъ у своего дяди, члена адмиралтействъ-совѣта Константина Александровича Манна, въ Павловскѣ, онъ впервые сообщилъ мнѣ, что въ его бумагахъ имѣются написанныя имъ воспоминанія, и при этомъ на случай какихъ-либо неожиданностей, казавшихся ему возможными при ненадежномъ состояніи его здоровья, взялъ съ меня слово, что я черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти напечатаю эти воспоминанія. Посвящая меня въ дальнѣйшія подробности настоящаго дѣла, дядя объяснилъ, что воспоминанія имъ писались уже давно по поводу отдѣльныхъ наиболѣе яркихъ моментовъ въ его жизни, по что за послѣднее время онъ принялъ рѣшеніе собрать ихъ воедино въ хронологическомъ порядкѣ, заполнивъ образовавшіеся у него при отрывочномъ изложеніи пробѣлы и поведя разсказъ съ ранняго своего дѣтства. Однако судьба судила иначе: въ декабрѣ того же года дяди не стало, и перешедшія въ мое распоряженіе согласно его волѣ записки представляютъ собою связное изложеніе лишь до 1850 года, все же позднѣйшее носитъ эпизодическій характеръ или является просто дневникомъ, въ которомъ отмѣчалось безъ разбора все, что останавливало на себѣ вниманіе покойнаго изъ области какъ общественной жизни, такъ и частной.

Въ текущемъ году со времени кончины моего дяди прошло уже не 25, а 34 года, но и такой продолжительный срокъ оказался еще недостаточнымъ для того. чтобы записки его могли быть напечатаны

полностью: въ нихъ, правда, въ немногочисленныхъ случаяхъ, но все-таки попадаются описанія событій и характеристики лицъ, оглашеніе которыхъ нынѣ должно быть признано и неудобнымъ, и несвоевременнымъ. Не желая, между тѣмъ, откладывать исполненіе своего обѣщанія на болѣе продолжительное время, такъ какъ, говоря словами поэта: omnia sunt homini tenui pendentia filo, я рѣшилъ приступить къ печатанію записокъ теперь же и, по отпечатаніи, передать оригиналъ на храненіе въ рукописное отдѣленіе императорской публичной библіотеки, дабы любознательный историкъ морского вѣдомства при встрѣтившихся сомнѣніяхъ могъ всегда провѣрить, правильно ли мною понятъ крайне неразборчивый почеркъ покойнаго, а равно ознакомиться съ содержаніемъ тѣхъ мѣстъ, отъ опубликованія которыхъ, какъ я упомянулъ выше, я вынужденъ былъ отказаться.

Отношеніе мое къ подлиннику было самое консервативное. Оригиналъ мною воспроизведенъ чуть ли не фотографически, и мое вмѣшательство ограничивается лишь тѣми мѣстами, гдѣ задуманный, напр., покойнымъ въ началѣ періода оборотъ остался не доконченнымъ, или же выбранная имъ конструкція представляетъ собою явное нарушеніе грамматическихъ правилъ. Кромѣ того, тамъ, гдѣ сообщаемыя дядею свѣдѣнія, преимущественно изъ сферы семейной, находятся въ противорѣчіи съ тѣмъ, что я слышалъ по тому же предмету отъ моего отца, Ипполита Александровича Манна, или же нуждаются нынѣ въ дополненіи подробностями, приведеніе которыхъ содѣйствуетъ лучшему уразумѣнію описываемаго событія и его послѣдствій въ настоящее время, я позволилъ себѣ дѣлать оговорки въ особыхъ примѣчаніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что быстро наступившая кончина дяди помѣшала ему перечесть и проредактировать написанное; она же остановила начатое имъ связное изложеніе на полдорогѣ.

Мемуары, какъ мы знаемъ, заключаютъ въ себѣ повѣствованія о событіяхъ, въ которыхъ сами авторы принималъ участіе, или которыя стали имъ извѣстны отъ очевидцевъ; они представляютъ собою историческій матеріалъ первостепенной важности тѣмъ болѣе, что многое, не нашедшее себѣ мѣста въ офиціальныхъ документахъ, можетъ быть замѣчено и передано потомству въ запискахъ современниковъ и очевидцевъ, и это въ особенности примѣнимо къ явленіямъ умственнаго развитія общества и частной жизни въ описываемое въ мемуарахъ время. Съ этой точки зрѣнія воспоминанія моего дяди имѣютъ неоспоримый интересъ. Что же касается вопроса о степени пристрастія авторовъ мемуаровъ въ описаніи или оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ событій или лицъ, который необходимо учесть при пользованіи такого рода источниками, то и въ этомъ отношеніи печатаемыя ниже воспоминанія заслуживаютъ полнаго довѣрія: прямота, безкорыстіе и критическій умъ автора, а также суровая

требовательность къ своей работѣ, сведшая его преждевременно въ могилу, могутъ служить достаточной гарантіей достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Нѣтъ человѣка, сколько-нибудь выдающагося изъ толпы, у котораго не было бы завистниковъ и враговъ. Такіе недоброжелатели существовали, и, можетъ быть, теперь еще существуютъ у моего дяди, въ виду быстро сдѣланной имъ блестящей карьеры и того выдающагося значенія, коимъ онъ пользовался въ морскомъ вѣдомствѣ. Тѣмъ не менѣе и подобныя лица, которыя мнѣ извѣстны и которыхъ я, однако, не называю, и тѣ не рѣшались упрекнуть моего дядю въ какомъ-либо безчестномъ поступкѣ или въ столь распространенномъ въ наши дни непотизмѣ и лицепріятіи: онъ самъ умѣлъ работать и умѣлъ цѣнить работу своихъ подчиненныхъ, причемъ, отстаивая ихъ интересы, не разъ рисковалъ своею служебной карьерой. Этимъ объясняется добрая память, которую онъ оставилъ по себѣ въ канцеляріи морского министерства, когда былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта. Слѣды его плодотворной дѣятельности сказались сверхъ того и въ администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и если его преемники не сумѣли или не захотѣли сберечь полученное отъ него наслѣдіе, въ этомъ онъ неповиненъ. Исторія отдастъ ему должное.

А. Маннъ.

I.

Первые годы жизни.—А. Х. и Т. И. Манны.—Жизнь во Владимирѣ на Клязьмѣ.—Переѣздъ въ Москву.—Смерть А. Х. Манна и бѣдственное положеніе его семьи.—Дѣятельность Т. И. Маннъ.

Въ 1830 году 28 марта былъ тотъ злосчастный день, когда я появился на свѣтъ Божій. Если бы до этого событія спросили меня, желаю ли я появиться на свѣтъ, то, безъ сомнѣнія, я категорически отвѣтилъ бы: «нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!» По всей вѣроятности, я руководствовался бы при такомъ отрицательномъ рѣшеніи слѣдующими соображеніями. Я задалъ бы себѣ такіе вопросы: «для кого я нуженъ и что меня ожидаетъ на свѣтѣ?» и отвѣчалъ бы: «никому, рѣшительно никому я не нуженъ, и ожидаютъ меня— лишенія, бѣдность и нескончаемый трудъ». Въ самомъ дѣлѣ, я былъ четвертымъ ребенкомъ въ бѣдной чиновничьей семьѣ въ губернскомъ городѣ Владимирѣ на Клязьмѣ. Въ семьѣ уже были сыновья и дочь. Могли ли радоваться при такихъ обстоятельствахъ мои родители появленію лишней обузы? Отецъ мой, Александръ Христіановичъ Маннъ, былъ сыномъ шкипера шведскаго коммерческаго судна; онъ рано лишился отца, и его мать, Ульяна Андреевна, поступила бонной, или попросту нянькой въ семейство барона Боде.

При содѣйствіи послѣдняго отецъ мой былъ опредѣленъ въ лѣсной корпусъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга, гдѣ и окончилъ курсъ. Такимъ образомъ онъ вышелъ изъ зависимаго состоянія нѣмецкаго бюргера[1]), или, въ случаѣ перемѣны родины, русскаго ремесленника, снискивающаго честнымъ трудомъ, добросовѣстностью и аккуратностью своей работы хорошій кусокъ хлѣба себѣ и семейству, онъ получилъ званіе, что называется, чиновника изъ нѣмцевъ, т. е. получилъ право на то, чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться не какимъ-нибудь зажиточнымъ сапожникомъ или столяромъ, а русскимъ дворяниномъ (въ то время даже чинъ коллежскаго асессора давалъ потомственное дворянство), у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, который живетъ однимъ жалованьемъ и скудными подачками отъ правительства и дополняетъ недостатки своего содержанія болѣе или менѣе безгрѣшными поборами, т. е. мелкими взятками. Командированный по дѣламъ службы въ Тулу, Александръ Христіановичъ влюбился тамъ въ дочь чиновника мѣстнаго оружейнаго завода, Ивана Анисимовича Жураковскаго, происходившаго изъ старинной дворянской, но весьма обѣднѣвшей фамиліи Полтавской губерніи, Татьяну Ивановну. Красивое личико и прекрасный музыкальный талантъ Татьяны Ивановны, игравшей съ большимъ чувствомъ и смысломъ концерты Гуммеля и Фильда, плѣнили мечтательнаго Александра Христіановича, и онъ предложилъ ей руку и сердце. Долго раздумывать ни родителямъ, ни невѣстѣ не приходилось. У Ивана Анисимовича были три дочери, все невѣсты, и самыя скудныя средства къ существованію. Александръ Христіановичъ былъ красивъ собою, молодъ, и предложеніе было принято, хотя нельзя было не видѣть, что между женихомъ и невѣстой не было того сродства и единства душъ, которое такъ необходимо въ бракѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть общаго между мечтательнымъ, увлекающимся, читающимъ нѣмецкихъ поэтовъ худощавымъ лютераниномъ и воспитанной въ глуши деревни и губернскаго города, дышащей здоровьемъ дворянской православной дѣвушкой?

По заключеніи брака молодому нужно было подумать, чѣмъ жить съ семействомъ, и вотъ отецъ мой бросаетъ свою лѣсную спеціальность и дѣлается виннымъ приставомъ въ губернскомъ городѣ

---

[1]) Это мѣсто «Воспоминаній» К. А. Манна, которое можетъ подать поводъ къ предположеніямъ относительно нѣмецкаго происхожденія моего дѣда, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что я по этому предмету слышалъ отъ моего покойнаго отца Ипполита Александровича Манна, извѣстнаго русскаго литератора и автора цѣлаго ряда драматическихъ произведеній, пользовавшихся въ свое время выдающимся успѣхомъ какъ на казенной сценѣ, такъ и на частной. Мой отецъ мнѣ неоднократно говорилъ, что мы происходимъ отъ англичанъ, и что наши предки въ царствованіе Екатерины Великой переселились въ Россію изъ Лондона. Смѣю думать, что мой отецъ, какъ старшій въ семьѣ, притомъ стоявшій гораздо ближе къ моему дѣду, чѣмъ младшій братъ, Константинъ, являлся въ данномъ случаѣ болѣе освѣдомленнымъ. А. М.

Владимирѣ на Клязьмѣ, т. е. принимаетъ мѣсто, соединенное съ окладомъ нищенскимъ, но все-таки дающимъ опредѣленное постоянное содержаніе и имѣющее нѣкоторые побочные доходы. Началась губернская жизнь со всею своею обычною обстановкою: вечеринками и закусками, визитами и сплетнями, родинами и крестинами. Домъ моихъ родителей считался пріятнымъ и гостепріимнымъ домомъ въ городѣ. Хозяйка принимала радушно и отлично усвоила себѣ секреты приготовленія наливокъ и всякихъ печеній, соленій и вареній. Хозяинъ, т. е. мой отецъ, сроднившись со всѣми привычками, со всею обстановкою хлѣбосольства русской губернской жизни, не оставилъ и своихъ нѣмецкихъ склонностей. Пикники, фейерверки, музыкальныя и разныя другія вещи, соединенныя съ болѣе или менѣе значительными расходами, и неразлучный со всѣмъ этимъ пуншъ расширяли репертуаръ обыкновенной губернской жизни, истощали небольшія домашнія средства, наполняли домъ чужими посѣтителями и превращали жизнь моей матушки въ тяжелую работу. Сами губернаторы, графъ Апраксинъ и грекъ Курута, удостаивали быть въ маленькомъ полунѣмецкомъ домикѣ. У матушки съ перваго же года замужества пошли дѣти, на ея рукахъ лежало все хозяйство, относительно котораго ея мужъ былъ очень требователенъ.

Первыя пять лѣтъ моей жизни, проведенныя мною въ богоспасаемомъ городѣ Владимирѣ на Клязьмѣ, не могутъ быть, само собою разумѣется, обильны воспоминаніями. Но чудная вещь эта фотографическая машинка, которая въ ребяческомъ возрастѣ отпечатлѣваетъ у насъ въ памяти разныя впечатлѣнія. Напримѣръ, понятно, что я могъ помнить что-нибудь изъ страшнаго пожара во Владимирѣ, когда меня съ братьями и сестрой возили куда-то на другой конецъ города по улицѣ, окаймленной грудами раскаленныхъ угольевъ (мы, впрочемъ, не погорѣли). Тутъ могло быть сильное впечатлѣніе. Но почему изъ множества различныхъ предметовъ, окружавшихъ меня, я запомнилъ только красивые сафьянные сапоги старика Невьянта, нашего сосѣда, въ которыхъ онъ сидѣлъ у воротъ на завалинкѣ; почему изъ всего сада я помню лишь проходъ въ садъ къ сосѣду протопопу, устроенный чрезъ пень срубленнаго дерева; изъ всѣхъ окрестностей только осыпавшуюся дорожку на земляномъ городскомъ валѣ; изо всѣхъ дней только одинъ, когда матушку ожидали изъ церкви отъ говѣнья, а на столѣ къ обѣду былъ приготовленъ виноградъ, красиво уложенный солеными вишнями? Потомъ мои воспоминанія уже переносятъ меня на дорогу между Владимиромъ и Москвой, посреди луговъ, поросшихъ высокой травой. Я стою среди коляски. Матушка, тетка, бабушка, няня Матрена Борисовна—все вокругъ меня и всѣ надо мной смѣются. Что я сдѣлалъ, не знаю, но вижу ихъ, какъ теперь. Вотъ и всѣ мои воспоминанія этихъ первыхъ лѣтъ.

Между тѣмъ въ судьбѣ нашего семейства произошелъ огромный переворотъ. Отецъ лишился покойнаго мѣста, кажется, вслѣдствіе передачи казенной продажи вина въ откупа и со всѣми чадами и домочадцами двинулся искать счастья и средствъ къ жизни въ Москву. А чадъ и домочадцевъ во время переселенія было много. Насъ, дѣтей, оказалось уже шестеро, тетушка и бабушка были также здѣсь, да еще присоединился учитель изъ семинаристовъ, Никифоръ Прокофьевичъ Левитскій, вдовецъ съ маленькой дочкой Ольгой. Онъ училъ моихъ старшихъ братьевъ, а тетушка Софья Ивановна ловила его въ свои сѣти. Онъ былъ неловокъ, дуренъ собой, безпрестанно харкалъ и плевалъ, но былъ человѣкъ умный, знающій и добрый. Вопросъ о бракѣ въ принципѣ былъ уже рѣшенъ, и Никифоръ Прокофьевичъ ѣхалъ въ Москву, чтобы также искать тамъ какого-нибудь мѣста и затѣмъ жениться. Итакъ, вся эта многочисленная семья съ нянъками и мамками двигалась въ двухъ экипажахъ въ Москву, гдѣ отецъ уже нанялъ квартиру на площади у Сухаревой башни, по обыкновенію квартиру не по средствамъ, сравнительно дорогую и большую. Сквозь сумракъ отдаленнаго прошлаго вижу опять: мы пріѣхали въ Москву. Рыдванъ разгружается передъ крыльцомъ; половина его населенія уже на лѣстницѣ, половина еще внизу. Таскаютъ узлы, корзинки, ящики. Вдругъ раздается около экипажа пронзительный дѣтскій крикъ. Оказалось, что няньки и мамки, занятыя узлами, позабыли о своей питомицѣ, моей сестрѣ: послѣдняя забралась къ лошадямъ, и одна изъ нихъ ее лягнула. Къ счастью, все обошлось благополучно... Затѣмъ передо мною зимній, морозный день 5 января 1836 года. Въ сопровожденіи няни, Матрены Борисовны, я выхожу изъ полутемнаго коридора въ переднюю. Дверь отцовскаго кабинета отворяется, и на порогѣ появляется его худая, высокая фигура. Это единственное сохранившееся у меня представленіе его образа. Кровь фонтаномъ бьетъ у него изо рта, и онъ, облокотившись рукою о притолку, дѣлаетъ рукою знакъ, чтобы ему помогли. Няня подымаетъ тревогу, его поддерживаютъ, приносятъ тазъ. Отецъ слабѣетъ, медленно опускается на руки окружающихъ и черезъ нѣсколько минутъ испускаетъ послѣдній духъ. Горловая чахотка, развивавшаяся уже нѣсколько лѣтъ, подкосила его вскорѣ по переселеніи въ Москву.

Положеніе матушки было ужасное. Не успѣвъ найти никакого казеннаго мѣста, отецъ кое-какъ перебивался въ Москвѣ уроками игры на фортепьяно. Это занятіе давало до такой степени скудныя средства, что послѣ его смерти во всемъ домѣ нашлась только одна такъ называемая въ то время «бѣленькая», т. е. ассигнація въ 25 рублей. На похороны кое у кого прихватили взаймы, но существовать многочисленному семейству рѣшительно было нечѣмъ. Нашлись добрые люди, устроили лотерею въ пользу «бѣднаго семейства». Въ лотерею пошло охотничье ружье отца съ перевязью, вышитою

когда-то матушкою бисеромъ, ящикъ подъ стекломъ собственноручной работы отца съ высушенными бабочками, имъ же собранными, и еще какія-то мелкія вещицы. Но это принесло только нѣсколько десятковъ рублей, дало возможность съѣхать съ дорогой квартиры и заткнуть кое-какія настоятельнѣйшія нужды. Средствъ было такъ мало, что, найдя крошечную дешевую квартиру въ другомъ концѣ города, матушка могла дать въ задатокъ только два двугривенныхъ.

И вотъ на многія и многія лѣта началось для всего семейства вообще и для каждаго его члена въ частности время непроглядной нужды, время заискиванія покровительства, время приниженія человѣческаго достоинства предъ взглядами богатыхъ и сильныхъ. Нужно было прокормить шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, дать имъ кровъ, одѣть ихъ и, наконецъ, воспитать—и все это на рукахъ тридцатилѣтней женщины, не имѣвшей ничего за собою, кромѣ музыкальнаго таланта. Матушка принялась за дѣло съ величайшею энергіею и выказала большой характеръ. Черезъ день или два послѣ похоронъ отъ семейства отдѣлилась тетушка Софья Ивановна. Въ виду затруднительности обстоятельствъ семейства пришлось ускорить ея свадьбу, и она съ мужемъ и падчерицей переѣхала на особую квартиру. Вскорѣ Левитскій получилъ мѣсто по почтовому вѣдомству, мѣсто цензора иностранныхъ газетъ, на которомъ и оставался весь свой вѣкъ, болѣе 35 лѣтъ. Матушка съ нами, мелкотою, и со свекровью перебралась на другую окраину города, на Пречистенку, въ Денежный переулокъ, въ домъ священника церкви Покрова въ Левшинѣ, въ крошечную квартирку изъ 4 комнатъ, и обошла тѣ немногіе дома, гдѣ давалъ уроки покойный мужъ, съ просьбою оставить за ней эти уроки. Просьба ея была исполнена, и вотъ мы получили хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба. Но этихъ средствъ было крайне недостаточно даже для пропитанія семейства; о воспитаніи же нечего было и думать. Поэтому матушка начала хлопотать о помѣщеніи насъ въ разныя казенныя заведенія.

Старшему брату, Ипполиту, въ это время было 11 лѣтъ; онъ вышелъ уже изъ возраста, въ которомъ тогда принимали въ заведенія казеннокоштными. При томъ онъ былъ хорошо подготовленъ еще при жизни отца Левитскимъ и потому безъ затрудненія былъ опредѣленъ въ 1-ю гимназію приходящимъ. Одаренный живымъ умомъ и блестящими способностями, прилежный и благонравный, онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ класса и получилъ уроки, грошевые, но обезпечивавшіе его одежду, книги и разные мелкіе расходы. Его содержаніе съ перваго же времени почти ничего не стоило матушкѣ, кромѣ угла и куска хлѣба. При той страшной бѣдности, въ которой находилось семейство, немногіе рубли, зарабатывавшіеся братомъ самостоятельнымъ трудомъ, имѣли большое нравственное вліяніе какъ на него, такъ и на отношенія его

къ семейству. Онъ занялъ въ семьѣ почти независимое господствующее положеніе, привыкъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, которому другіе должны подчиняться. Эти первыя впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе и на дальнѣйшее развитіе его характера въ направленіи самоувѣренности.

Второй братъ, Николай, былъ живымъ портретомъ Василія Анисимовича Жураковскаго, дяди матушки, лихого кутилы и рубаки, охотника до краснаго словца. Василій Анисимовичъ очень много бурлилъ въ своей бурной жизни и, состоя на военной службѣ, пріобрѣлъ себѣ знаменитость въ окружающемъ губернскомъ муравейникѣ тѣмъ, что какъ-то подъ пьяную руку высѣкъ исправника. Его за это судили и разжаловали. Братъ Николай былъ по природѣ очень добрый и простой малый, но получилъ отъ своего двоюроднаго дѣда въ наслѣдство не только наружность, но и бурныя его наклонности. Онъ былъ какимъ-то образомъ опредѣленъ въ такъ называемую Кремлевскую рисовальную школу и очень скоро началъ свои многоразличныя и своеобразныя похожденія, доставившія много горя матушкѣ.

Всѣхъ тяжелѣе была участь сестры Александры. Сперва ее пріютило знакомое по Владимиру семейство Гамбургеровъ, само имѣвшее также очень ограниченныя средства, а потомъ отдали въ казеннокоштныя воспитанницы въ училище при московскомъ воспитательномъ домѣ. Но такъ какъ туда принимались только незаконнорожденныя, то матушку уговорили допустить обманъ, объявивъ, что отдаваемая ею дѣвочка незаконнорожденная. Ее отдали за такимъ-то нумеромъ подъ именемъ мѣщанки Ивановой. Что должна была испытывать бѣдная матушка, отрекаясь отъ своего дѣтища, и какъ велика была нужда, чтобы заставить честную женщину принять на себя такое клеймо. И клеймо это было не только нравственное, но и выразилось въ вещественномъ знакѣ. Дѣвочкѣ дали какую-то костяшку съ нумеромъ, который и долженъ былъ обозначать ея общественное положеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда дѣла матушки поправились, она рѣшилась взять дочь обратно домой, до окончанія ею курса наукъ въ училищѣ. Ей выдали обратно и костяшку съ нумеромъ. Съ негодованіемъ швырнула она костяшку на полъ, войдя въ квартиру. Я поднялъ ее, чтобы посмотрѣть, что это такое. «Оставь,—строго сказала она мнѣ.—Это позоръ твоей матери. Проклятые не пощадили даже добраго имени женщины». Въ училищѣ учили прекрасно, и сестра обязана этому заведенію твердыми основами своего образованія, которыя помогли ей впослѣдствіи издательскою дѣятельностью вывести свое собственное семейство изъ труднаго положенія. Но содержаніе было спартанское. Грубая и крайне недостаточная пища, грубая одежда, такое же обращеніе. Для примѣра укажу, что дѣвочекъ заставляли каждый вечеръ передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, спрыскивать про-

стыни на своихъ постеляхъ и распяливать ихъ булавками на тюфякахъ, которые были набиты соломою и имѣли для красы видъ круглыхъ валиковъ, чтобы онѣ не дѣлали морщинъ и складокъ. А такъ какъ воспитанницы не умѣли прыскать, то онѣ просто поливали простыни и такъ на мокромъ и спали. Впрочемъ, чаще приходилось спать на голомъ полу, такъ какъ удержаться всю ночь на верхушкѣ круглаго тюфячка было невозможно, и сонныя дѣвочки то и дѣло скатывались на полъ. Начальница училища Цеймернъ, пользовавшаяся за образцовую чистоту и порядокъ въ училищѣ, которые находилъ всегда императоръ Николай I, когда пріѣзжалъ въ воспитательный домъ, особеннымъ его расположеніемъ, загнала своимъ безсердечнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ многихъ изъ нихъ въ могилу. Бѣдная сестра выдержала страшную горячку вскорѣ послѣ поступленія въ училище.

Другая сестра, малютка Анна, умерла отъ крупа черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти отца. Затѣмъ оставались я и меньшой братъ Клавдій въ возрастѣ, когда еще никуда нельзя было сдать насъ. Однако и меня, и меньшого братъ записали кандидатами въ Александринскій сиротскій институтъ или въ такъ называвшееся въ просторѣчіи «холерное заведеніе». Но очереди надлежало еще ожидать годы, а до поступленія въ училище насъ приходилось содержать дома.

Число уроковъ у матушки мало-по-малу начало увеличиваться. Ей помогло то обстоятельство, что двухъ ея ученицъ родители отдали въ Екатерининскій институтъ и выговорили, чтобы дѣвочки продолжали брать уроки музыки у моей матушки. Такимъ образомъ матушка сдѣлалась извѣстна въ институтѣ, и къ ней начали поступать тамъ одна ученица за другой. Но какъ матушкѣ приходилось ухаживать за классными дамами, по большей части старыми дѣвами, какъ переносить ихъ капризы! Плата въ институтѣ полагалась очень ограниченная, но ученицъ было много, и матушка была занята съ ранняго утра до поздней ночи. Рано поутру къ ней пріѣзжалъ калиберный извозчикъ, какихъ теперь уже не существуетъ, боковыя дрожки, называвшіяся въ просторѣчіи «гитарой», экипажъ поразительно неудобный, но находившійся во всеобщемъ употребленіи, безъ всякой покрышки, на который надо было садиться бокомъ и на которомъ держаться, балансируя. И вотъ во всякую погоду по страшной московской мостовой матушка мыкалась по Москвѣ, представляющей, какъ извѣстно, дистанцію огромнаго размѣра. Только въ 9 или 10 часу вечера, когда мы уже спали, возвращалась она домой, усталая и голодная, наскоро обѣдала, выпивала чашку чаю и, какъ убитая, засыпала, иногда даже не имѣя силъ раздѣться. И на другой день опять то же самое. Мы съ братомъ на полу въ крошечной столовой, гдѣ происходилъ этотъ обѣдъ-ужинъ матушки, и сквозь сонъ я иногда видѣлъ ее вмѣстѣ со старшимъ

моимъ братомъ и которымъ-нибудь изъ его товарищей-гимназистовъ, всего чаще съ Кожанчиковымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ книгопродавцемъ и издателемъ.

Такъ шла наша жизнь изо дня въ день. Мы съ братомъ Клавдіемъ оставались совершенно безъ надзора. Бабушка Ульяна Андреевна, которая могла бы быть намъ такъ полезна, прожила у насъ очень недолго, постоянно дѣлала сцены матушкѣ и наконецъ, бросивъ внучатъ, исчезла куда-то. Впослѣдствіи она умерла въ Набилковской богадѣльнѣ, перейдя передъ смертью въ православіе. Мы оставались съ одной кухаркой и съ утра до вечера бѣгали по церковному двору, довольно обширному, но тогда казавшемуся мнѣ громаднымъ. Это былъ теократическій періодъ моей жизни. Я посѣщалъ всѣ церковныя службы и очень ими интересовался, а похороны такъ были цѣлымъ событіемъ. Вмѣстѣ съ другими мальчишками я непремѣнно протискивался впередъ, чтобы посмотрѣть лицо покойника, убранство гроба, покровъ. Внучка стараго священника Луки Ивановича, дѣти дьячка, понамаря составляли нашу компанію. Изрѣдка къ намъ, младшимъ братьямъ, присоединялся братъ Николай, чтобы побѣгать въ лошадки или устроить экспедицію въ садъ къ священнику, вынувъ изъ садовой рѣшетки колья, чтобы поживиться смородиной или малиной. Для обученія меня грамотѣ былъ взятъ чрезъ нѣкоторое время товарищъ брата, гимназистъ Николай Григорьевичъ Керцелли, уже взрослый малый, но крайне ограниченный и, вѣроятно, выбранный не за педагогическія достоинства, но за крайнюю дешевизну. Черезъ 45 лѣтъ, когда онъ, отыскавъ меня, обратился ко мнѣ за пособіемъ, онъ писалъ мнѣ крайне безграмотное письмо. Чему же могъ онъ научить меня, когда былъ гимназистомъ? У меня рѣшительно не сохранилось никакихъ воспоминаній объ его урокахъ; воспоминаніе мое, относящееся къ этому времени и соединенное съ его образомъ, связывается со случаемъ, когда я былъ въ послѣдній разъ въ моей жизни высѣченъ. Въ августѣ 1839 года императоръ Николай I во главѣ гвардіи переносилъ закладку храма Спасителя въ Москвѣ съ Воробьевыхъ горъ къ Каменному мосту. Погода была отвратительная, и дождь лилъ какъ изъ ведра. Процессія двигалась очень близко отъ того мѣста, гдѣ мы жили, и я непремѣнно хотѣлъ бѣжать съ товарищами къ ближайшему углу Пречистенки, чтобы посмотрѣть церемонію. Матушка меня не пустила (день былъ воскресный, и она была дома), и я страшно раскапризничался. Результатъ былъ тотъ, что она меня выпорола. Извѣстно, что положеніе сѣкомыхъ не на лавкѣ, къ тому приспособленной, какъ въ казенныхъ училищахъ, а при домашней обстановкѣ, наскоро, не изъ удобныхъ: ихъ помѣщаютъ головою внизъ съ видомъ на какой-нибудь темный уголъ. Я оралъ страшно; когда же меня послѣ операціи выпустили и я открылъ глаза, первое, что я увидѣлъ, былъ Керцелли, смотрѣвшій на

экзекуцію въ полурастворенную дверь изъ сосѣдней комнаты старшихъ братьевъ. Кромѣ этого впечатлѣнія, у ученика ничего и не осталось объ учителѣ, но это впечатлѣніе очень живо до сихъ поръ. Уроки французскаго языка оставили во мнѣ большее воспоминаніе. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ мнѣ въ первыхъ шагахъ на поприщѣ образованія и государственной службы, находятся нѣсколько, судьба которыхъ глубоко трагическая. Вотъ одно изъ этихъ лицъ; о другихъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

II.

Семья Вороновыхъ.—Хлопоты о воспитаніи дѣтей.—Начальница Екатерининскаго института Пѣвцова.—Скандальный бракъ ея сына съ Агреневой.—Связь молодой Пѣвцовой съ кн. Д. В. Голицынымъ.—Поступленіе автора «Воспоминаній» въ Лазаревскій институтъ.

Когда моя матушка находилась еще въ Тулѣ, она была очень дружна съ дочерью начальника Тульскаго оружейнаго завода, генерала Воронова. Домъ Вороновыхъ былъ открытый и пріятный въ городѣ. Екатерина Ѳедоровна была единственная дочь генерала, очень интересная собой. На ея воспитаніе родители ничего не жалѣли, и она была постоянно окружена всякимъ баловствомъ и со стороны домашнихъ, и со стороны общества. Старый генералъ умеръ, и это обстоятельство сильно уменьшило денежныя средства семьи. Мать Екатерины Ѳедоровны, женщина очень непрактичная, должна была прекратить пиры и пріемы, и это очень ей не нравилось. Въ это время на тульскомъ небосклонѣ появился молодой человѣкъ, по фамиліи Рашковичъ, уроженецъ одной изъ южныхъ губерній, красивый, ловкій, любезный и бросавшій деньги цѣлыми горстями. О немъ заговорилъ весь городъ, всѣ приглашали его нарасхватъ, объ его богатствахъ разсказывались чудеса, сложились легенды. Екатерина Ѳедоровна ему приглянулась, и онъ началъ за ней ухаживать. Мать была въ восторгѣ, что для Катеньки находится такой богатый женихъ, и она начала всѣми способами содѣйствовать такому браку. «Ты будешь опять ѣздить въ каретахъ, мы заплатимъ долги», твердила она дочери, и не успѣли опомниться, какъ сыграли свадьбу. Чрезъ нѣсколько недѣль оказалось, что Рашковичъ наглый обманщикъ, что онъ приказчикъ Выксинскаго завода Шевелевыхъ, тратившій деньги, выданныя ему хозяиномъ на закупки. Рашковича арестовали и судили, а Екатерину Ѳедоровну это такъ поразило, что она лишилась разсудка. Припадки сумасшествія у нея доходили иногда до степени бѣшенства, и въ такія минуты ее приковывали къ стѣнѣ: милое средство къ излеченію сумасшествія въ то просвѣщенное время. Въ концѣ 30-хъ годовъ ея умственныя способности уже совершенно возстановились. Она была уже вдовою съ двумя маленькими дочерьми и жила въ Москвѣ, ради Христа

компаньонкою у старой генеральши Герардъ: играла съ ней въ пикетъ и нянчила многочисленныхъ ея собакъ, разныхъ мосекъ и болонокъ. Старуха была взыскательная и капризная, но добрая и даже по завѣщанію отказала дочерямъ Екатерины Ѳедоровны какія-то крохи. По просьбѣ матушки Екатерина Ѳедоровна недолгое время давала мнѣ уроки французскаго языка, конечно, даромъ. Она была ко мнѣ всегда очень ласкова и иногда послѣ урока оставляла меня обѣдать у генеральши. До сихъ поръ помню, какую отличную бѣлую малину со сливками здѣсь одинъ разъ подавали

Настала очередь поступленія нашего въ Александринскій сиротскій институтъ. Но, увы, эта вожделѣнная очередь настала уже тогда, когда мнѣ минуло 9 лѣтъ и два или три мѣсяца. А по закону въ институтъ принимались только дѣти, имѣющія не болѣе 9 лѣтъ. Поэтому меня обошли въ кандидатскомъ спискѣ и приняли одного только младшаго брата, Клавдія.

Матушка была очень огорчена этой неудачей; просила, хлопотала, чтобы простили мнѣ эти немногіе мѣсяцы, но безъ успѣха, и я остался «не пристроеннымъ». «Какой ты у меня безталанный!— не разъ говорила мнѣ матушка, смотря на меня съ сожалѣніемъ:— съ однимъ тобой все неудачи. Куда я теперь тебя дѣну?» Дѣйствительно, я представлялъ въ то время довольно печальный видъ: худой, безъ кровинки въ лицѣ, тихій, плаксивый, я не выказывалъ ни особыхъ способностей, ни талантовъ. За мной требовалось очень мало надзора, да его вовсе и не имѣли. Никто никогда не занимался моимъ воспитаніемъ, никто никогда не училъ меня, какъ войти, какъ поклониться, какъ держать себя въ чужихъ людяхъ. На мой костюмъ такъ мало обращали вниманія, что даже по пріѣздѣ въ Петербургъ нѣкоторое время я обѣдалъ обыкновенно въ халатѣ, а ѣсть съ вилки, а не съ ножа меня научилъ только Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ, когда я началъ часто обѣдать у его матушки. Не въ лучшемъ положеніи находился ходъ моего образованія. Керцелли самъ былъ такъ безграмотенъ, что едва ли могъ что-нибудь путемъ растолковать мнѣ. Такое отсутствіе всякаго обученія относили къ ограниченности моихъ способностей и считали общій гимназическій курсъ для меня труднымъ. Во всякомъ случаѣ для поступленія въ гимназію надо было меня подготовить, слѣдовательно, платить деньги, потомъ опять содержать во все продолженіе курса, стало быть, опять платить деньги, а гдѣ было ихъ взять, когда каждая копейка имѣла уже другое употребленіе? То ли дѣло казенное заведеніе. Ни заботы, ни расходовъ. Матушка продолжала просить и хлопотать, чтобы хоть куда-нибудь меня у нея взяли. А между тѣмъ недѣля шла за недѣлей, и невозмутимость моего домашняго праздношатайства разнообразилась лишь поѣздками вмѣстѣ съ матушкой по воскресеньямъ въ воспитательный домъ и холерное заведеніе для посѣщенія сестры и брата. Впрочемъ, въ началѣ

1839 года я впервые испыталъ удовольствіе, которое потомъ въ жизни доставило мнѣ такъ много отрадныхъ часовъ. Одна дама, въ семействѣ которой матушка давала уроки, пригласила матушку пріѣхать къ ней въ ложу въ театръ и взять съ собою кого-нибудь изъ дѣтей. Матушка взяла брата Николая, а тотъ присталъ къ ней, чтобы она взяла и меня. Такимъ образомъ я въ первый разъ попалъ въ театръ. Давали оперу Верстовскаго, имѣвшую въ то время громадный успѣхъ «Аскольдову могилу» съ знаменитымъ теноромъ-самоучкой Бантышевымъ въ роли Торопки.

Но вотъ, наконецъ, нашлись благодѣтели и для моей, столь мало интересной личности, да еще гдѣ — въ глубинѣ Азіи! Правда, благодѣтели поневолѣ, по все-таки благодѣтели. Тутъ опять у меня возникаютъ воспоминанія о личности, имѣвшей трагическую судьбу.

Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Но какъ алмазъ, вправленный въ олово, такъ сіялъ посреди семейства Модераха (начальника Пермской губ. въ 1805 году) вторая дочь его, Софья Карловна, выданная за генералъ-лейтенанта Аггея Степановича Пѣвцова, инспектора пѣхотной дивизіи и шефа Екатеринбургскаго полка, который въ томъ городѣ и стоялъ на квартирахъ. Мужъ поѣхалъ осматривать полки, а жену покамѣстъ отправилъ къ родителямъ. Она была двадцати трехъ лѣтъ; столь милаго личика и столь пристойнаго, умнаго кокетства трудно было найти... Чудесная сія женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, коихъ дотолѣ я видѣлъ; свободно выражалась на иностранныхъ языкахъ, наслаждалась всѣми цвѣтами литературы, и въ преддверіи Азіи, читая журналы, знала все, что происходитъ въ Европѣ».

Этотъ «алмазъ, вправленный въ олово», овдовѣвъ и сдѣлавшись начальницей Екатерининскаго института въ Москвѣ, оказался не только умной и ловкой, но и практической женщиной и большой деспоткой. Она очень искусно умѣла отводить глаза императору Николая I, щеголяя при его посѣщеніяхъ института образцовымъ, невозможнымъ для обыкновенной жизни впѣшнимъ порядкомъ... Я много слышалъ отъ матушки объ этомъ деспотѣ въ юбкѣ, такъ какъ матушка имѣла много ученицъ въ институтѣ. Расположеніе императора Николая I было такъ непоколебимо къ Софьи Карловнѣ, что онъ не лишилъ ея своего довѣрія даже тогда, когда въ институтѣ случился очень большой скандалъ.

Въ институтъ помѣстили на особое попеченіе Софьи Карловны дочь-сироту однихъ очень богатыхъ родителей, Елизавету Виссаріоновну Агреньеву. Она, хотя училась въ институтѣ, но все свободное отъ классовъ время проводила у начальницы и обѣдала также у нея. У Софьи Карловны былъ сынъ, юнкеръ, жившій при матери, и вскорѣ между молодымъ человѣкомъ и богатой воспитанницей начальницы завязался интрижка. Агреньева была такимъ

лакомымъ кусочкомъ для сына практичной Софьи Карловны, что, какъ злые языки потомъ разсказывали, сама начальница института осталась здѣсь не безъ грѣха и содѣйствовала развитію возникавшей страсти. Какъ бы то ни было, въ одинъ не прекрасный, но темный вечеръ юнкеръ увезъ питомицу матери изъ института и съ ней обвѣнчался. Мать была въ отчаяніи, писала въ С.-Петербургъ раздирающія душу письма и... осталась на своемъ мѣстѣ, а молодые начали, было, жить да поживать, да дѣтей наживать, но это продолжалось не долго. Изъ Елизаветы Виссаріоновны вышла очень красивая, любезная, веселая, умная и добрая дама, изъ ея супруга— очень ограниченный и сильно кутящій солдатъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ супруги не только жили какъ кошка съ собакой, но на всю Москву разыгрывался между ними очень скандальный процессъ. Въ это время въ Москвѣ главнокомандующимъ или военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ императора Николая I и вслѣдствіе этого бывшій всесильнымъ въ первопрестольной столицѣ. Онъ гдѣ-то встрѣтилъ Пѣвцову, и молодая женщина рѣшительно свела съ ума старпка. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ ея прихоти. Матушка давала уроки двумъ дочерямъ Пѣвцовой и часто видѣла у нея князя Голицына. Елизавета Виссаріоновна передала ему горе моей матушки относительно безталаннаго ея сына Константина. «Не знаю, чѣмъ вамъ помочь?—сказалъ матушкѣ одинъ разъ князь, проходя черезъ залу во время урока.— Развѣ дать вамъ письмо къ армянамъ? Они не посмѣютъ мнѣ отказать». Подъ именемъ армянъ онъ разумѣлъ Христофора Якимовича и Ивана Якимовича Лазаревыхъ, попечителей института восточныхъ языковъ, основаннаго ихъ предкомъ и содержимаго преимущественно на ихъ средства. И письмо было дано, но на первый разъ не произвело надлежащаго дѣйствія. Лазаревы отклонили ходатайство подъ предлогомъ неимѣнія свободныхъ вакансій и, по-моему, отклонили совершенно справедливо. Дѣйствительно, какой интересъ могли они имѣть къ судьбѣ какого-то неизвѣстнаго имъ мальчика изъ нѣмцевъ, когда у нихъ было много своихъ нуждавшихся соплеменниковъ. Отказъ задѣлъ самолюбіе князя, и онъ вторично написалъ письмо уже въ болѣе строгихъ выраженіяхъ. Спорить долѣе съ старикомъ уже было небезопасно, и вотъ съ величайшею неохотою «армяне» согласились сдѣлаться моими благодѣтелями, принять меня въ институтъ, но съ тѣмъ, чтобы одежда и книги были не ихъ, а матушкины.

Перечтя написанное, я остался недоволенъ тономъ изложенія: я какъ будто не чувствую благодѣянія со стороны тѣхъ лицъ, благодаря которымъ я получилъ хоть какое-нибудь образованіе. Нѣтъ, я имъ очень благодаренъ; я описываю только такъ, какъ это дѣйствительно было, и думаю, что во время императора Николая I никакое

названіе не подходило такъ близко къ московскому военному генералъ-губернатору, пользовавшемуся его расположеніемъ, какъ названіе сатрапа. Да, вѣроятно, если бы тѣнь князя Голицына прочла это мѣсто моихъ воспоминаній, то осталась бы довольна' и князь съ самодовольствіемъ покрутилъ бы усъ. Относительно Лазаревыхъ повторяю безъ задней мысли, что они были правы, тысячу разъ правы, открещиваясь отъ меня обѣими руками и при поступленіи моемъ въ институтъ, и потомъ во все продолженіе курса' какъ о семъ скажу въ своемъ мѣстѣ. Навязывать меня имъ значило попросту хозяйничать у нихъ въ карманѣ. Елизавета Виссаріоновна?.. Но ей я не могу не быть благодаренъ. Тогда какъ князь Голицынъ и Лазаревы были благодѣтелями поневолѣ, она хлопотала обо мнѣ по добротѣ сердечной. Ей просто было жаль бѣдной женщины, обремененной семействомъ. Матушка всегда вспоминала о ней съ полнымъ сочувствіемъ и восхваляла ея доброту. А между тѣмъ какая печальная судьба ее постигла!

Елизавету Виссаріоновну не удовлетворялъ сомнительный почетъ быть наложницей московскаго сатрапа: она пожелала сдѣлаться княгинею Голицыною, когда князь въ началѣ 1841 года овдовѣлъ. Но у нея былъ мужъ, и тутъ-то начата была операція юридическаго изобличенія Пѣвцова въ прелюбодѣяніи. При кутящихъ наклонностяхъ супруга и содѣйствіи полиціи не трудно было достигнуть цѣли: Пѣвцова подпоили, свели съ какой-то женщиной и накрыли со свидѣтелями на мѣстѣ преступленія, въ банѣ. Составленный со всѣми требуемыми условіями актъ нарушенія супружеской вѣрности послали въ синодъ съ просьбой оскорбленной супруги о разводѣ. Разводъ былъ полученъ. Еще одинъ шагъ, и честолюбіе молодой женщины было бы удовлетворено, какъ вдругъ она чувствуетъ признаки беременности, само собой разумѣется, не отъ князя. Во что бы то ни стало надо было скрыть такое обстоятельство, явившееся такъ некстати. Въ Москвѣ скрыть было невозможно, и Елизавета Виссаріоновна рѣшается ѣхать за границу, подъ предлогомъ леченія. Тамъ, въ Берлинѣ, какой-то шарлатанъ согласился дать ей капли для вытравленія плода. Она приняла ихъ и чрезъ нѣсколько недѣль умерла въ страшныхъ мученіяхъ, ослѣпнувъ передъ смертью. Старый князь, вмѣсто красивой, веселой невѣсты, встрѣтилъ въ Москвѣ ея гробъ. Онъ былъ въ отчаяніи.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА [1].

III.

Происхожденіе богатства Лазаревыхъ.—Основаніе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.—Заботы о немъ Лазаревыхъ.—Поступленіе въ институтъ автора воспоминаній.—Положеніе образовательной части въ институтѣ.—И. И. Давыдовъ, П. П. Риманъ.—Учительскій персоналъ.—Ѳ. Л. Морошкинъ, П. М. Перевлѣсскій, В. П. Гривцовъ.—Результаты пребыванія автора въ институтѣ.—Семейныя затрудненія.

ИЗВѢСТНО, что большое состояніе Лазаревыхъ находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ русскимъ правительствомъ третьяго въ мірѣ по необыкновенной величинѣ своей (194¾ карата) алмаза, одного изъ чудесъ минеральнаго царства, служащаго украшеніемъ императорскаго скипетра. Алмазъ этотъ былъ поднесенъ императрицѣ Екатеринѣ ея фаворитомъ, княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ и былъ пріобрѣтенъ покупкою у тогдашняго придворнаго банкира (впослѣдствіи графа, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и командора) Ивана Лазаревича Лазарева. Относительно же способа появленія этой необычайной драгоцѣнности въ Россіи сложились легенды. Одни утверждали, будто алмазъ выкраденъ изъ казнохранительницы Надиръ-шаха; другіе—будто онъ пріобрѣтенъ былъ Лазаревымъ за безцѣнокъ отъ какого-то не знавшаго ему цѣны человѣка; третьи—будто какой-то кавказскій житель, по порученію Лазарева, врѣзалъ драгоцѣнный камень себѣ въ ногу и въ такомъ видѣ перенесъ его изъ Индіи черезъ Кавказскія горы и доставилъ въ Петербургъ.

---

[1]) Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. CXVII, стр. 43.

Одинъ изъ воспитанниковъ института восточныхъ языковъ, впослѣдствіи инспекторъ его, уроженецъ Индіи, человѣкъ весьма образованный и серьезный, Николай Осиповичъ Эминъ сообщилъ въ 1866 году въ «Русскій Архивъ» современныя подлинныя бумаги, разъясняющія это дѣло.

Подлинное донесеніе астраханскаго мѣщанина Гилянчева тамошнему губернатору И. И. Якобію 1778 года свидѣтельствуетъ, что тесть его, Гилянчева, армянинъ Григорій Сафразъ, родомъ жулфинецъ (въ Индіи), переѣхавшій въ Россію изъ Голландіи, купилъ «рѣдкую въ свѣтѣ вещь, алмазный камень дорогой цѣны». Сафразъ считался астрахапскимъ купцомъ, а Иванъ и Якимъ Лазаревы были родные его племянники. Камень этотъ въ 1767 году былъ положенъ на сохраненіе въ голландскомъ банкѣ, и потомъ въ 1772 году проданъ племяннику Ивану Лазареву за сто двадцать пять тысячъ рублей, а въ 1774 году перепроданъ князю Орлову за четыреста тысячъ рублей съ уплатой въ семилѣтніе сроки.

Основателемъ института восточныхъ языковъ гг. Лазаревыхъ былъ графъ Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ. У него возникла мысль учредить учебное заведеніе для армянъ въ Москвѣ, и онъ, умирая, оставилъ своему младшему брату, Якиму Лазаревичу, средства для выполненія этой воли, именно двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. Учебное заведеніе, открытое въ 1815 году, по первоначальной мысли учредителей, предназначалось для тридцати безплатныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ армянъ и состояло изъ четырехкласснаго училища. Первоначальное число воспитанниковъ съ двадцатыхъ годовъ начало значительно увеличиваться своекоштными пансіонерами и приходящими. Вообще надо отдать справедливость либерализму Лазаревыхъ. Они учреждаютъ училище не гдѣ-нибудь на окраинахъ Россіи, поближе къ своимъ, но въ центрѣ государства, въ Москвѣ, гдѣ есть университетъ, изученіе русскаго языка они дѣлаютъ основою всего образованія, причемъ вскорѣ уже начинаютъ принимать пансіонеровъ безъ различія націй и вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ, никакого фанатизма, никакихъ узкихъ племенныхъ взглядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хлопочутъ всѣми силами, чтобы сдѣлать институтъ равноправнымъ съ гимназіями, чтобы онъ подготовлялъ къ университету, чтобы ему предоставлены были права и преимущества учебныхъ заведеній второго разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было испрошеніе въ 1824 году высочайшаго соизволенія на подчиненіе института главному начальству всесильнаго графа Аракчеева. Послѣ этого главное завѣдываніе институтомъ переходило преемственно къ главноначальствующимъ третьимъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Благодаря этому могущественному покровительству, институтъ въ 1837 году получилъ права и преимущества учебныхъ заве-

деній второго разряда. Съ этого времени до слѣдующаго преобразованія, послѣдовавшаго въ 1848 году, когда институтъ былъ сдѣланъ лицеемъ для изученія восточныхъ языковъ, т. е. въ тотъ періодъ, когда я тамъ воспитывался, это было заведеніе съ программою общаго гимназическаго курса, усиленнаго для желающихъ преподаваніемъ персидскаго и турецкаго языковъ (армянскій языкъ былъ обязателенъ только для однихъ армянъ). Пожертвованія фамиліи Лазаревыхъ были очень велики и простирались въ первое пятидесятилѣтіе института, за которое я имѣю свѣдѣнія, до 862 тысячъ рублей.

Въ одинъ воскресный день августа 1839 года меня повезли въ армянскій институтъ. Матушка выбрала праздничный день подъ тѣмъ предлогомъ, что будто я въ воскресенье нѣсколько попривыкну и въ понедѣльникъ могу уже приняться за ученіе. Но «умыселъ другой тутъ былъ». Понедѣльникъ былъ уже рабочій день, и матушка съ утра должна была ѣхать на уроки; воскресенье же было свободно, и она могла забросить меня въ институтъ на пути изъ воспитательнаго дома въ холерное заведеніе. На калибернаго извозчика въ этотъ разъ помѣстились бокомъ лицами въ противоположныя стороны матушка и еще какая-то толстая Анна Алексѣевна, что-то вродѣ приживалки временъ владимирскаго періода съ узломъ. Меня также куда-то между ними приткнули. Въ институтѣ уже пообѣдали, и толстый нѣмецъ, Карлъ Андреевичъ Гуттендорфъ, типичный булочникъ, храпѣлъ на диванѣ въ пріемной, когда меня туда ввели. Меня передали съ рукъ на руки, и я страшно разрыдался, когда дверь затворилась за матушкой и я остался въ первый разъ въ жизни въ совершенно незнакомомъ домѣ, посреди незнакомыхъ людей. Гуттендорфъ, послѣобѣденный сонъ котораго такъ непріятно нарушили, и который, повидимому, хотѣлъ продолжать его, передразнилъ меня, какъ я плачу, и, увидавъ, что черезъ коридоръ проходитъ одинъ изъ воспитанниковъ, велѣлъ ему отвести меня въ садъ. Я зашагалъ, всхлипывая, внизъ по чугунной лѣстницѣ и черезъ темный широкій коридоръ. Садъ поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ. Въ сущности очень небольшой и плохо содержимый, онъ послѣ церковнаго двора показался мнѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. А тутъ посреди его я увидалъ еще какую-то пирамиду съ золотымъ шаромъ на вершинѣ: небольшой четырехгранный столбъ съ надписями на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ черными буквами въ память основателей института и со стихами въ честь ихъ. Эти вирши на русскомъ и армянскомъ языкахъ еще долгое время составляли для меня предметъ благоговѣнія: какіе, должно быть, это великіе люди, что памятникъ имъ поставленъ! Въ саду было пусто, потому что большинство воспитанниковъ по случаю праздничнаго дня было распущено по домамъ, а въ заведеніи оставались только тѣ, у которыхъ не было ни рода, ни племени. Въ одномъ углу

играли въ лапту. Занятіе было интересное, но воспитанники говорили на какомъ-то незнакомомъ мнѣ языкѣ. Другіе ходили парочками, о чемъ-то разсуждали и осматривали новичка съ ногъ до головы. Я вошелъ вглубь одной аллеи и очутился въ той половинѣ сада, которая была предназначена, какъ я не замедлилъ узнать, для взрослыхъ, для учениковъ высшихъ классовъ, какъ особая привилегія лѣтъ и познаній. Здѣсь я увидѣлъ нѣсколькихъ Голіафовъ, но крайней мѣрѣ по сравненію со мною, потому что я долженъ былъ въ то время представлять очень невзрачную фигурку: худой, тщедушный, блѣдный, въ какомъ-то подобіи казакина съ густо собранными сборками вокругъ таліи, передѣланномъ изъ стараго байковаго салопа матушки. Я дошелъ до угловой бесѣдки, гдѣ нѣсколько такихъ Голіафовъ о чемъ-то бесѣдовали.

— Ты, щенокъ, какъ сюда попалъ?—обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ.

Названіе показалось мнѣ обиднымъ, и я что-то отвѣтилъ. Возраженіемъ былъ сильный тумакъ, и я въ зашеи былъ выгнанъ изъ рая съ приговоркой, что я лучше буду помнить запретъ не ходить въ эту часть сада. Я еще не успѣлъ опомниться отъ такого неожиданнаго приключенія, какъ услышалъ сзади меня чей-то голосъ:

— А у тебя спину изорвали.

Я обернулся и увидѣлъ одного воспитанника изъ армянъ, который и началъ мнѣ на спинѣ прилаживать вырванный уголокъ матеріи, но, повидимому, это ему не удавалось, да притомъ гнилая матерія такъ и лѣзла во всѣ стороны. Самъ я, разумѣется, ничего не могъ видѣть у себя на спинѣ, но, какъ кажется, зрѣлище было интересное, потому что другіе мальчуганы также столпились вокругъ меня. Результатъ былъ тотъ, что я перезнакомился почти со всѣми воспитанниками изъ малолѣтняго отдѣленія. Объ этомъ эпизодѣ я вспомнилъ много лѣтъ спустя. Въ Александринскомъ театрѣ давали одну изъ оперетокъ Оффенбаха. На сценѣ фигурировалъ какой-то швейцарскій адмиралъ-самозванецъ въ чужомъ мундирѣ, который у него лопнулъ на спинѣ по шву. Финалъ оперетки заключался въ томъ, что всѣ остальныя лица пѣли очень мелодично и печально, произнося постоянно: «А у васъ, адмиралъ, спина разорвана». «Я это уже гдѣ-то вндѣлъ,—ломалъ я себѣ голову:—гдѣ это?» И вдругъ воспоминаніе дальняго дѣтства осѣнило меня.

Я такъ и не увидѣлъ въ этотъ день своей спины. Но, должно быть, она представляла что-нибудь очень замѣчательное, потому что всѣ прибывавшіе вечеромъ изъ дому въ институтъ обращали вниманіе на мою спину и, тыкая пальцемъ въ моемъ направленіи, произносили что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— У него спина разорвана?

Наконецъ вечеромъ же за ужиномъ обратилъ вниманіе на мою спину и дежурный надзиратель.

— Какъ это угораздило тебя такъ разорвать себѣ спину?—спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ, что упалъ, т. е. солгалъ, и это былъ первый актъ моей общественной жизни. До сихъ поръ я совершенно до нея не прикасался, я не выходилъ изъ семейства. Это былъ первый день моей жизни въ обществѣ, внѣ семейства. Никто меня не училъ, что жаловаться на товарищей начальству стыдно; напротивъ того, дома меня учили, что лгать и совѣстно, и грѣшно, а между тѣмъ, солгавъ, я поступилъ и противъ уваженія къ начальству, и противъ заповѣди, чтобы только выгородить какого-то сорванца, отдувшаго меня ни за что, ни про что. Безъ сомнѣнія, въ эту минуту я руководствовался не какими-нибудь логическими соображеніями, это было просто результатомъ врожденнаго человѣку чувства недовѣрія къ «власти», желанія самому распоряжаться самимъ сбоею. Являясь у насъ въ зародышѣ при первомъ сознаніи и развиваясь потомъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, оно образуетъ характеръ и обусловливаетъ весь прогрессъ человѣчества. Хороши были бы мы, если бы безусловно исполняли все то, чему учили насъ «старшіе», хоть въ тотъ періодъ времени, когда мнѣ приходилось учиться въ институтѣ...

Наверху, въ спальнѣ, меня нашелъ дядька Григорій, которому матушка поручила мою особу за какое-то ежемѣсячное вознагражденіе. Оказалось, что толстая Анна Алексѣевна была взята для того, чтобы устроить мою постель и уложить въ сундукъ подъ кроватью бѣлье. Меня, какъ сверхштатнаго, помѣстили куда-то за перегородку вмѣстѣ съ дежурнымъ надзирателемъ. На другой день я наконецъ увидѣлъ свою спину: она была въ такомъ положеніи, что Григорію пришлось провозиться чуть ли не часъ времени, чтобы привести ее въ сколько-нибудь приличный видъ. Потасовка, данная мнѣ такъ несправедливо въ первый день моего поступленія въ институтъ, или какія другія обстоятельства, которыхъ не помню, снискали мнѣ особое расположеніе одного изъ Голіаѳовъ, по фамиліи Турбина. Онъ подзывалъ меня къ себѣ или подходилъ ко мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, и никто послѣ этого уже не трогалъ меня пальцемъ. Но для самого его причинять мнѣ боль, повидимому, было удовольствіемъ, и на моихъ плечахъ и рукахъ почти не сходили синяки. Черезъ годъ онъ окончилъ курсъ, и я потомъ никогда не встрѣчалъ его въ жизни.

Въ институтѣ Лазаревыхъ я пробылъ до 1846 года, и этотъ періодъ времени въ отношеніи хода въ немъ образованія можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: до 1843 года и послѣ. Въ первой половинѣ ходъ образованія въ институтѣ былъ изъ рукъ вонъ плохъ; съ 1843 года онъ значительно улучшился, но все-таки до степени удовлетворительности никогда не достигалъ. Нѣсколько причинъ обусловливало такое положеніе вещей. Прежде всего надо сказать

что въ началѣ сороковыхъ годовъ это заведеніе окончательно еще не сформировалось, Оно только недавно получило права казенныхъ учебныхъ заведеній второго разряда, но пріемы и обстановка образованія оставались пока прежніе—частнаго пансіона для инородцевъ. Такъ какъ курсъ продолжался только четыре года, то образованію нельзя было дать серьезную подкладку, а между тѣмъ право держать экзаменъ въ университетъ или получить чинъ по окончаніи курса въ институтѣ привлекало сюда маменькиныхъ сынковъ изъ русскихъ, сынковъ, для которыхъ семилѣтній гимназическій курсъ казался тяжелымъ. При помощи разныхъ дополнительныхъ уроковъ у профессоровъ или протекціи кое-какъ удавалось втиснуть малаго въ университетъ или добывали ему чрезъ институтъ первый чинъ и тѣмъ заканчивали его образованіе. Вообще при опредѣленіи въ институтъ имѣлось въ виду не пріобрѣтеніе образованія, а достиженіе какой-нибудь практической цѣли, скорѣйшее полученіе какихъ-либо правъ. Подборъ учителей былъ крайне неудовлетворительный. Должность инспектора исправлялъ очень умный и ученый профессоръ московскаго университета, очень извѣстный въ то время Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, но онъ не жилъ въ институтѣ, а только пріѣзжалъ отъ времени до времени, чтобы наблюдать за ходомъ ученія. Могъ ли имѣть большое вліяніе его надзоръ при такихъ условіяхъ? Во главѣ же института находился старый артиллерійскій генералъ-майоръ Петръ Петровичъ Риманъ, рѣшительно не имѣвшій никакого понятія объ образованіи. Да онъ, кажется, и не занимался имъ, а ограничивался наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ, карательными мѣрами и хозяйствомъ. Въ классахъ онъ совсѣмъ не бывалъ и только вечеромъ послѣ ужина, когда мы ложились спать, онъ неизмѣнно проходилъ по спальнямъ, наблюдая преимущественно за тѣмъ, чтобы рубашки были надѣты задомъ напередъ, т. е. завязаны сзади. Кто научилъ его такъ носить рубашку, не знаю, но нарушеніе такого правила обыкновенно вызывало цѣлую бурю. Его харканье раздавалось на весь институтъ, какъ только онъ выходилъ изъ своей квартиры, и мы, заслышавъ этотъ трубный для насъ звукъ, начинали перекликаться: «Мецъ, мецъ, мецъ!» (по-армянски господинъ). Это служило предостерегательнымъ знакомъ, чтобы приготовиться къ пріему начальства, и все получало благопристойный видъ. Если присоединить ко всему этому еще очень несовершенные пріемы образованія вообще въ то время, крайнюю неудовлетворительность учебниковъ, то надо удивляться, какъ мы могли вынести изъ такой школы тѣ небольшія свѣдѣнія, которыя у насъ оказались. Когда посмотрю на моихъ племянниковъ, какъ раціонально, основательно и послѣдовательно, шагъ за шагомъ, развиваютъ ихъ теперь въ гимназіяхъ, и посравню, какъ учили меня, «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Для примѣра разскажу, какъ мы учились русскому языку, преподаваніе котораго должно было имѣть особое значеніе въ институтѣ, такъ какъ тамъ на половину были инородцы. Въ первомъ и во второмъ классѣ мы ограничивались зубреніемъ наизусть грамматики, зубреніемъ отрывковъ изъ хрестоматіи и переписываніемъ этихъ отрывковъ въ тетради. Этимологическихъ разборовъ—никакихъ, кажется, потому, что самъ учитель былъ въ этомъ нетвердъ. Учителемъ былъ очень дряхлый старикъ, сѣдой, сморщенный, согбенный, по фамиліи Смирновъ. Разъ какъ-то онъ подзываетъ меня къ себѣ къ каѳедрѣ.

— Когда можно зайти къ вашему брату, гимназисту? Мнѣ нужно спросить его кое о чемъ, касающемся гимназіи.

Я отвѣчалъ, что въ воскресенье.

— Ну, такъ скажите ему, что я приду къ вамъ въ будущее воскресенье, въ двѣнадцатомъ часу.

Я передалъ брату. Смирновъ явился, переговорилъ и ушелъ. На другой день въ классѣ онъ очень сердитымъ голосомъ опять потребовалъ меня къ каѳедрѣ и задалъ мнѣ такую головомойку:

— Что это твои родители, повидимому, не знаютъ первыхъ правилъ вѣжливости! Какъ! Наставникъ ихъ сына приходитъ къ нимъ въ домъ, и они ничего! Хоть поставили бы водочки! Что же ты думаешь: я приходилъ, чтобы справляться у твоего брата? Великая мнѣ невидаль твой братъ! Я могъ бы справиться и въ гимназіи. Ты, если бы былъ умный мальчикъ, а не дуракъ, сказалъ бы родителямъ: поставьте Александру Васильевичу хорошенькую закусочку, угощеніе; онъ будетъ ко мнѣ добрѣе. Такъ вотъ, погоди же! Когда шкуру-то спустятъ съ тебя за мои нули, вспомнишь пословицу: «Сухая ложка ротъ деретъ».

Впрочемъ, я не помню, чтобы онъ мнѣ мстилъ за мою недогадливость. Онъ, кажется, былъ человѣкъ добрый. Но этотъ эпизодъ можетъ служить мѣриломъ какъ обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи наставниковъ того времени, такъ и степени ихъ нравственнаго развитія.

Не помню, чтобы въ первыхъ классахъ я училъ синтаксисъ, но очень хорошо помню, что въ третьемъ классѣ я уже изучалъ риторику. Ничего нельзя себѣ представить болѣе противоположнаго Смирнову, какъ второй мой учитель россійской словесности. Это былъ Семенъ Егоровичъ Раичъ, переводчикъ въ стихахъ Виргиліевыхъ «Георгикъ», Тассова «Освобожденнаго Іерусалима» и Аріостова «Неистоваго Орланда». Отличный знатокъ классической древней и иностранной словесности, поэтъ, онъ постоянно витalъ мыслью гдѣ-то далеко за стѣнами класса, вѣроятно, даже не на землѣ, а на небѣ. Крайне деликатный, тщедушный, маленькій, съ слабымъ голосомъ, онъ совершенно не годился быть наставникомъ необузданной толпы невоспитанныхъ мальчищекъ, какими мы

тогда были. Зато мы его просто въ грошъ не ставили. Онъ требовалъ одного зубренія риторики Кошанскаго, но мы вовсе не готовили уроковъ, замѣтивъ, что онъ рѣшительно не обращаетъ никакого вниманія на отвѣты и ставитъ обыкновенно хорошіе баллы. Были такіе фокусники, которые отвѣчали даже не урокъ, а какой-то наборъ фразъ, въ которыхъ по временамъ слышались только термины изъ риторики. Другіе просто читали по книгѣ у него подъ носомъ. Въ одной изъ современныхъ эпиграммъ Раичъ названъ «Божья коровка». Это въ высшей степени справедливо.

Не болѣе поучительны были уроки исторіи. Учитель Добровольскій имѣлъ очень почтенную наружность и Анну на шеѣ, но, кромѣ весьма плохого учебника того времени Кайданова, не допускалъ никакихъ авторитетовъ въ своемъ предметѣ. Онъ зналъ этотъ учебникъ наизусть слово въ слово, буквально безъ преувеличенія, и безгранично наслаждался, когда какой-нибудь искусный зубрило изъ учениковъ такъ же сдавалъ ему заданный урокъ. Зажмуривъ глаза отъ наслажденія, онъ упивался гармоніею кайдановской прозы, отбивалъ тактъ рукой и приговаривалъ съ добродушнѣйшею улыбкою: «Satis pro peccatis» или «Ça va, ça va».

Относительно собственно воспитательной части надо отдать справедливость, что въ это суровое время неумѣренныхъ жестокихъ наказаній институтъ Лазаревыхъ составлялъ исключеніе. Это не значитъ, чтобы розга не признавалась и здѣсь лучшимъ карательнымъ и исправительнымъ средствомъ въ воспитаніи. Къ этому благодѣтельному средству прибѣгали въ институтѣ такъ охотно, что, я хорошо помню, одинъ изъ моихъ товарищей по классу, сдѣлавъ расписаніе дней и часовъ для разныхъ уроковъ и занятій на всю недѣлю и наклеивъ его у себя въ столѣ, помѣстилъ въ этомъ расписаніи въ субботу отъ пяти до шести часовъ «посѣканцію», тоже какъ предметъ преподаванія. Но въ институтѣ пороли какъ-то отечески, по-домашнему, не доводили это наказаніе до степени пытки, истязанія наказуемаго до ожесточенія, какъ въ другихъ современныхъ казенныхъ заведеніяхъ. По воспитательной части въ институтѣ было соблюдено все, что требовалось педагогіей того времени, т. е. были набраны надзиратели, французы и нѣмцы, преимущественно ex-солдаты de la grande armée Наполеона, оставшіеся въ Россіи съ 1812 года и занимавшіеся здѣсь воспитаніемъ русскаго юношества за нищенское вознагражденіе. Что полезнаго могли они передать намъ въ отношеніи общежитія или нравственности, не знаю, точно такъ же, какъ и надзиратели изъ армянъ, которые дополняли комплектъ французовъ и нѣмцевъ. По предмету же знанія нашего иностранныхъ языковъ выходило на повѣрку такъ, что не они научали учениковъ говорить по-французски и по-нѣмецки, но ученики общими силами вбивали имъ въ память самыя необходимыя русскія разговорныя фразы, которыми

эти бывшіе наши завоеватели и обходились, какъ умѣли. Допущеніе въ институтѣ разговора на русскомъ языкѣ было необходимо уже и потому, что въ числѣ воспитанниковъ находились армяне, которымъ была несравненно важнѣе практика въ русскомъ языкѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ или французскомъ, и, безъ сомнѣнія, допущеніе насъ, русскихъ, въ армянскій институтъ обусловливалось отчасти тѣмъ соображеніемъ, что мы поможемъ армянамъ выучиться по-русски.

Годъ проходилъ за годомъ. По вечерамъ въ субботу или наканунѣ праздника матушка за мной аккуратно присылала кухарку, чтобы проводить меня домой, и я былъ несказанно счастливъ до слѣдующаго вечера, хотя дома не представлялось мнѣ никакого веселія. Вся прелесть положенія заключалась въ свободѣ и отсутствіи начальства. Я учился такъ себѣ, не болѣе, какъ посредственно, но меня переводили изъ класса въ классъ очень исправно и относились къ моимъ отвѣтамъ на экзаменахъ крайне снисходительно. Задерживать меня въ классѣ значило обременять гг. Лазаревыхъ продолженіемъ на годъ ихъ вынужденнаго благодѣянія. Такимъ образомъ черезъ три года, когда мнѣ едва минуло тринадцать лѣтъ, я очутился въ четвертомъ, т. е. въ высшемъ классѣ и черезъ годъ долженъ былъ держать экзаменъ въ университетъ, а такъ какъ въ послѣдній принимались юноши не моложе шестнадцати лѣтъ, да я притомъ былъ такъ слабъ въ наукахъ, что не могъ надѣяться выдержать вступительный экзаменъ, то для матушки опять начались со мною хлопоты. Но въ 1844 году въ институтѣ произошелъ большой переворотъ, который имѣлъ самое благотворное вліяніе какъ на это заведеніе, такъ и на меня лично.

Не знаю, подъ чьимъ вліяніемъ и по чьей рекомендаціи въ этомъ году назначенъ былъ директоромъ института профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права рѣчи Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, умный и практичный человѣкъ, прекрасный профессоръ, авторъ извѣстнаго сочиненія «О владѣніи» и «Объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича», произнесенной на университетскомъ актѣ и считавшейся классическою. Со вступленіемъ его въ институтъ къ четыремъ классамъ былъ прибавленъ еще пятый, высшій, набраны очень хорошіе учителя, учебныя занятія получили правильное и серьезное направленіе, обращено вниманіе на нравственную сторону воспитанниковъ, на развитіе въ нихъ благороднаго соревнованія, самолюбія, чувства чести. Съ великою благодарностью вспоминаю я объ этомъ достойномъ человѣкѣ, хотя, долженъ сказать, общій характеръ его отношеній къ воспитанникамъ былъ таковъ, что вызывалъ со стороны послѣднихъ не чувство любви, но чувство уваженія и страха. Этимъ чувствомъ окружается у меня и теперь его высокая строгая фигура въ отдаленномъ прошломъ, на разстояніи трехъ слишкомъ десятковъ лѣтъ. Матушка

обратилась къ нему за совѣтомъ, что со мною дѣлать. Мнѣ необходимо было остаться въ институтѣ еще три года. Объ успѣхѣ ходатайства у гг. Лазаревыхъ относительно продолженія срока благодѣянія на прежнемъ основаніи нечего было и думать, такъ какъ князь Голицынъ и Пѣвцова были уже въ могилѣ. Морошкинъ посовѣтовалъ матушкѣ просить, чтобы мнѣ разрѣшено было лишніе годы оставаться въ институтѣ на правахъ вольноприходящихъ. Лазаревы согласились, и два послѣдніе годы я каждый день во всякую погоду маршировалъ съ Никитскаго бульвара, гдѣ мы тогда жили, на Мясницкую и обратно, т. е. дѣлалъ никакъ не менѣе десяти верстъ въ день и всегда пѣшкомъ.

Основываясь на собственномъ опытѣ, могу вывести заключеніе, что шесть лѣтъ совершенно достаточно даже для посредственныхъ способностей, чтобы подготовиться къ поступленію въ университетъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы въ первыхъ низшихъ классахъ образованіе производилось какъ можно болѣе раціонально и основательно, чтобы мальчикъ воспринималъ не памятью, но сознательно, для чего ему въ этомъ возрастѣ весьма важно содѣйствіе репетиторовъ. На правильно и прочно построенномъ фундаментѣ легко строить самое зданіе. Мое образованіе сложилось по совершенно противоположной системѣ, если въ немъ искать какую-нибудь систему. Только со вступленіемъ Морошкина въ должность начальника института и по установленіи правильнаго хода образованія началъ я сознательно относиться къ наукамъ, но это было уже время не положенія основъ гимназическаго курса, но время завершенія его. Я съ жаромъ принялся за работу подъ руководствомъ новыхъ наставниковъ, сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ въ классѣ, но, не имѣя твердыхъ основъ въ знаніи, долженъ былъ прибѣгать къ собственнымъ оригинальнымъ пріемамъ. Имѣй я блестящую память, я сдѣлался бы, по всей вѣроятности, зубрилой. Но, къ счастью, память моя никогда не выдѣлялась особенно, и я долженъ былъ пускать въ ходъ сообразительность и силу мышленія. Такъ, не зная твердо четырехъ правилъ ариѳметики, я дѣлалъ даже умноженіе и дѣленіе не на основаніи таблицы умноженія и правилъ дѣленія, но по какой-то особенной системѣ умозаключеній. Если бы къ этой цифрѣ прибавить столько-то, то вышла бы круглая сумма; если же вычесть изъ этой суммы столько-то, то должно получиться столько-то. Всю эту сложную операцію я дѣлалъ вмѣсто того, чтобы, напримѣръ, произвести въ умѣ $6 \times 7 = 42$. Въ наукахъ я выучился улавливать суть дѣла, отбрасывая все, что имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Мои отвѣты всегда были сухи, кратки, но очень логичны и потому производили на учителей отличное впечатлѣніе, совершенно закрывая передъ ними малую основательность моихъ знаній. Такой анализъ, такая постоянная и усиленная работа мысли къ разрѣшенію задачъ, давно уже рѣшенныхъ

и составляющихъ общее достояніе всѣхъ, знакомыхъ съ азбукою науки, чрезвычайно изощряла мою мыслительную способность. Я началъ очень много читать и навострился въ орографіи путемъ чисто механическимъ, привычкою. Въ числѣ почтенныхъ и уважаемыхъ наставниковъ, которые начали намъ тогда преподавать, двое:учитель латинскаго языка Арсеній Ивановичъ Меншиковъ и учитель математики Михаилъ Ѳедоровичъ Спасскій, были въ то же время профессорами въ московскомъ университетѣ. Но особенно дороги въ моемъ воспоминаніи: Петръ Мироновичъ Перевлѣсскій, учитель русской словесности, и Василій Павловичъ Гривцовъ, учитель исторіи. Къ обоимъ у меня сохранилось не только чувство благодарности и уваженія, но чувство любви и сердечной привязанности, особенно къ послѣднему. Мое чувство къ Гривцову очень походило на то, которое въ женскихъ институтахъ называютъ «обожаніемъ». Присутствовать на его урокахъ и слушать его разсказы было для меня, и не для одного меня, истиннымъ наслажденіемъ, а получить отъ него похвалу—большою наградою.

Петръ Мироновичъ Перевлѣсскій, сынъ дьякона Рязанской губерніи, села Перевлѣса, отъ котораго получилъ фамилію, воспитанникъ рязанской семинаріи и московскаго университета, въ 1839 году былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ рязанскую гимназію, а съ 1843 года переѣхалъ въ Москву, гдѣ и оставался до 1852 года, когда перешелъ профессоромъ въ лицей. Отличный знатокъ русскаго языка и словесности, онъ оставилъ послѣ себя видный слѣдъ въ нашей педагогической литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ руководствъ по части изученія русскаго и славянскаго языковъ и изданіемъ избранныхъ сочиненій Ломоносова, Тредьяковскаго, Кантемира, Фонвизина, стихотвореній Н. Языкова и памятниковъ старо-славянскаго языка. Какъ человѣкъ еще молодой и современно образованный, онъ началъ къ намъ относиться не путемъ принужденія и страха, а старался затронуть наше самолюбіе, возбудить наше сознаніе, обращаясь къ намъ не какъ къ кускамъ мяса для тычковъ и розогъ, но какъ къ человѣческимъ созданіямъ, хотя еще несовершеннолѣтнимъ, но тѣмъ не менѣе могущимъ уже разсуждать и чувствовать. Для насъ эти пріемы, а равно требованіе не зубренія, а сознательнаго отношенія къ предмету и ясныя съ его стороны толкованія были совершенною новостью, и воспитанники стали къ нему въ очень дружескія отношенія. Ко мнѣ онъ съ перваго же времени началъ относиться очень ласково, и близость нашего общенія еще болѣе скрѣпилась тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ приходящій полупансіонеръ, я каждый день въ пять часовъ послѣ уроковъ долженъ былъ шагать домой въ тѣ же страны, гдѣ и онъ жилъ, и онъ иногда подвозилъ меня, или въ хорошую погоду мы совершали путь домой вмѣстѣ пѣшкомъ. По праздникамъ я довольно часто заходилъ къ нему. Онъ началъ называть меня

уменьшительнымъ именемъ и эту привычку сохранилъ и впослѣдствіи, когда мы сошлись съ нимъ въ Петербургѣ, когда я былъ уже на службѣ. Наши дружескія отношенія не прекращались во все время, пока смерть не похитила его въ самомъ разгарѣ его педагогической дѣятельности. Неудачная женитьба подѣйствовала на его здоровье такъ разрушительно, что онъ лишился разсудка и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого несчастья умеръ въ 1866 году.

Василій Павловичъ Гривцовъ былъ значительно старше Перевлѣсскаго по лѣтамъ, но также принадлежалъ къ новой школѣ преподавателей. Онъ привлекалъ насъ къ себѣ безпредѣльною своею добротою, задушевностью отношеній и увлекалъ замѣчательнымъ даромъ разсказа. Онъ просто переносилъ слушателей въ изображаемую имъ эпоху, заставлялъ биться сердце отъ сочувствія къ добру, отъ негодованія къ злу, отъ страха предъ опасностями того или другого историческаго героя. Въ разсказахъ Гривцова историческіе герои являлись передъ нами не въ видѣ какихъ-нибудь манекеновъ, покрытыхъ архивной пылью, но въ видѣ живыхъ лицъ, и, сколько могу теперь сообразить, почтенный наставникъ въ этихъ увлекательныхъ изображеніяхъ подвиговъ поборниковъ свободы и правды и противопоставленіи ихъ злоупотребленіямъ власти и произвола бросалъ полною рукою сѣмена добра и гражданственности въ юныя сердца жадныхъ слушателей. Подобная живая рѣчь всегда необходима въ преподаваніи, но не надо забывать, что это происходило... когда всякая свободная мысль преслѣдовалась, какъ государственное преступленіе, когда цензура тщательно гасила каждый лучъ политическаго свѣта, когда доносы составляли основу управленія. Чтобы представить тогдашнее положеніе науки, скажу, напримѣръ, что даже противъ невиннаго, тщательно процензированнаго и уже изданнаго учебника русской исторіи Устрялова предъявлялись министру слѣдующія обвиненія: въ учебникѣ стоитъ «Владиміръ Святой», а не «Святой Владиміръ»; тамъ разсказано, какъ царь Алексѣй Михайловичъ «для спасенія своего любимца (Морозова) самъ вышелъ къ народу и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ», слѣдовало бы эту слабость исключить изъ книги учебной; сказано: «Разинъ распустилъ молву, что идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ»,—слѣдовало бы объ этой подробности сказать въ общихъ выраженіяхъ: дать народу выгоды и т. д... Гривцовъ далъ намъ не этотъ казенный учебникъ, но «Разсказы для дѣтей изъ русской исторіи» Ишимовой, руководя нами въ пользованіи этою, собственно дѣтскою, книгою при помощи своихъ устныхъ разсказовъ. Устраненіе правительственнаго учебника не только предохранило насъ отъ усвоенія казенныхъ взглядовъ на отечественную исторію, но и вкоренило въ насъ любовь къ ней.

Онъ былъ потомъ нѣкоторое время директоромъ ярославскаго лицея.

Миръ праху обоихъ васъ, дорогія для меня лица! Вамъ я обязанъ пробужденіемъ той любви къ правдѣ и знанію, которыя доставили мнѣ такую поддержку въ нравственномъ отношеніи и вмѣстѣ съ искусствомъ и литературою такъ много усладили въ жизни...

Таковъ былъ ходъ моего образованія въ институтѣ. Дома я не находилъ никакой поддержки въ отношеніи приготовленія уроковъ, никакого надзора или руководства. Матушка продолжала давать уроки съ ранняго утра до поздней ночи, слѣдовательно, отсутствовала изъ дому, и, хотя денежныя обстоятельства съ каждымъ годомъ все улучшались, мы продолжали жить болѣе чѣмъ скромно. Ужасное положеніе, въ которомъ она осталась послѣ смерти мужа съ кучею малолѣтнихъ дѣтей и изъ котораго она выпуталась только при помощи самопожертвованія и страшнаго, тяжелаго труда, и боязнь очутиться опять въ такомъ положеніи при какой-нибудь серьезной невзгодѣ развили въ ней бережливость, доходившую до скупости. Она разсчитывала каждую копейку и начала откладывать излишки на черный день. Наше семейство почти никого не принимало и рѣшительно нигдѣ не бывало; по праздникамъ, и то не всегда, мои визиты ограничивались посѣщеніемъ сестры и младшаго брата въ воспитательномъ домѣ и холерномъ заведеніи да бесѣдами со старой няней Матреной Борисовной, превратившейся въ очень неискусную нашу кухарку, безпредѣльно меня любившей и баловавшей. Мы переѣхали на другую квартиру, на Никитскій бульваръ, въ домъ Владимирова, но новое наше помѣщеніе отличалось только болѣе центральнымъ положеніемъ въ городѣ, въ отношеніи же тѣсноты и некомфортабельности не разнилось отъ прежняго. Такимъ образомъ я считалъ праздникомъ праздникъ, когда изрѣдка, преимущественно на святкахъ или на масленицѣ, мы подымались всей семьей въ театръ, чтобы посмотрѣть балетъ или послушать оперу. Силою этихъ раннихъ впечатлѣній, мнѣ кажется, объясняется та страсть къ театру, которую я пріобрѣлъ на всю жизнь. Русская опера, гаснувшая съ каждымъ годомъ, замѣнилась въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ нѣмецкою, которая была прислана изъ Петербурга. Благодаря ей, я познакомился съ тѣми грандіозными, образцовыми произведеніями оперной музыки, которыя даются до сихъ поръ (1881 годъ) на всѣхъ оперныхъ сценахъ: съ «Робертомъ» Мейербера, «Жидовкой» Галеви, «Фенеллой» Обера, «Карломъ Смѣлымъ» (Вильгельмомъ Теллемъ) Россини. Исполненіе было очень хорошо: басъ Ферзингъ отличался превосходнымъ голосомъ, теноръ Голландъ прекрасно игралъ, Нейрейтеръ была прекрасная пѣвица. Балетъ со столь любимой въ то время танцов-

щицей Санковской также шелъ прекрасно, особенно помню: «Сильфиду», «Дѣву Дуная» и «Возстаніе въ Сералѣ». Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ нѣмецкая опера смѣнилась итальянскою, и я услышалъ оперы: «Лючію», «Лукрецію», «Пуританъ», «Сонамбулу», также при удовлетворительномъ исполненіи. Теноръ Сальви и контральто Віетти были замѣчательные артисты. Все это было для меня новостью, и страсть моя къ театру сильно во мнѣ укоренялась, но на удовлетвореніе ея у меня было очень мало средствъ. Матушка очень рѣдко брала ложу въ театръ, а карманныхъ денегъ у меня вовсе не имѣлось. Иногда только успѣвалъ я сколачивать нѣсколько гривенъ изъ экономіи отъ тѣхъ денегъ, которыя выдавались мнѣ въ дни совершенно исключительной дурной погоды на извозчика для проѣзда въ институтъ. Бѣжишь, бывало, подъ снѣгомъ и дождемъ, чтобы выгадать какой-нибудь двугривенный. Иногда скапливалось столько, что я могъ участвовать въ ложѣ, которую по субботамъ мы брали въ складчину чуть не цѣлымъ классомъ. Но какое громадное удовольствіе доставляло все это, какъ мы интересовались всѣмъ этимъ, какъ въ теченіе всей недѣли боялись, чтобы какая-нибудь дурная отмѣтка не лишила право воспользоваться субботнимъ вечеромъ! Нѣтъ, положительно, сколько вредно излишнее количество театральныхъ развлеченій для молодого возраста, столько полезно умѣренное пользованіе. Поскольку неумѣренность въ этомъ отношеніи порождаетъ пресыщеніе и равнодушіе, настолько полезно и благодѣтельно дѣйствуетъ благоразумное введеніе ихъ въ систему воспитанія, въ особенности при условіи предоставленія выбора ихъ самому юношѣ, чрезъ назначеніе ему карманныхъ денегъ, чтобы онъ могъ пользоваться этими развлеченіями въ компаніи съ товарищами. Лучше всякихъ наказаній и страховъ этотъ способъ содѣйствуетъ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя имѣетъ въ виду воспитаніе.

Трудовая жизнь, которую вела матушка и, вслѣдствіе этого, отчужденіе нашего семейства отъ знакомствъ дѣлали то, что всѣ мои товарищи дѣтства ограничиваются предѣлами института. И здѣсь выборъ былъ довольно ограниченный, потому что болѣе чѣмъ на половину институтъ состоялъ изъ азіатовъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ нашемъ учебномъ заведеніи существовалъ какой-нибудь антагонизмъ между воспитанниками различныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Напротивъ того, мнѣ пріятно теперь, въ лѣта сознательнаго отношенія къ дѣлу, вспомнить, что ни малѣйшей розни въ этомъ случаѣ у насъ не существовало. Тѣмъ не менѣе между мальчиками-азіатами было болѣе общихъ интересовъ, привычекъ, болѣе семейныхъ и мѣстныхъ связей, чтобы дружиться между собою.

IV.

Поступленіе въ университетъ.—Московскій университетъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.—Настроеніе студенчества.—П. Г. Рѣдкинъ, Н. И. Крыловъ, Ѳ. Л. Морошкинъ, С. И. Баршевъ, В. Н. Лешковъ, Т. Н. Грановскій, С. М. Соловьевъ.—Гроза, нависшая надъ университетомъ въ 1848 году.—Попечитель В. И. Назимовъ.—Генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій и его управленіе Москвой.—Отношеніе его къ университету.

«Въ университетѣ»—какое нѣжное, захватывающее сердце чувство соединяется съ этимъ словомъ! И свобода располагать своимъ временемъ и занятіями, и юношескія мечты и надежды на будущее, и интересъ къ наукѣ, и сознаніе, что ты начинаешь уже быть человѣкомъ и гражданиномъ,—все въ этомъ словѣ. Окончившіе курсъ въ Лазаревскомъ институтѣ не пользовались правами поступать въ университетъ безъ повѣрочнаго экзамена въ стѣнахъ послѣдняго, и вотъ въ августѣ 1846 года мнѣ пришлось пройти чрезъ это трудное и страшное для меня испытаніе. Полагаю, что отчасти это испытаніе было облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что директоръ института Морошкинъ и преподаватели главнѣйшихъ предметовъ, латинскаго языка и математики, были профессорами университета, слѣдовательно, принуждены были по необходимости мирволить своимъ воспитанникамъ или ходатайствовать за нихъ предъ своими товарищами-экзаминаторами. Соображая теперь всю степень неосновательности моихъ первоначальныхъ познаній въ наукахъ, сомнѣваюсь, чтобы я могъ безъ такой протекціи пройти въ университетъ. Неужели экзаменующіе профессора не замѣтили въ моихъ познаніяхъ отсутствія всякаго фундамента?! Какъ бы то ни было, я попалъ въ университетъ, на юридическій факультетъ, къ несказанной радости моей матушки, имѣвшей очень скромное мнѣніе о моихъ способностяхъ и продолжавшей смотрѣть на меня съ чувствомъ нѣкоторой жалости и снисхожденія. Я облекся въ студенческій вицъ-мундиръ съ синимъ воротникомъ и побывалъ въ институтѣ у оставшихся еще тамъ моихъ товарищей? Боже, какъ я былъ доволенъ и счастливъ, какъ было легко на сердцѣ! Когда я стоялъ въ коридорѣ, окруженный товарищами, которые меня разспрашивали о подробностяхъ экзаменовъ, проходилъ Морошкинъ и, поздравивъ меня, спросилъ, какими соображеніями я руководствовался, избирая юридическій факультетъ. Я очень затруднился отвѣтомъ и пробормоталъ что-то несвязное. Оказывается, что я объ этомъ вовсе не думалъ до сдѣланнаго вопроса и, какъ теперь соображаю, попалъ на этотъ факультетъ потому, что некуда болѣе было дѣваться. Къ медицинѣ я чувствовалъ отвращеніе, къ математикѣ былъ неспособенъ; я любилъ исторію, словесность, но такъ называемой «словесный», филологическій факультетъ былъ для меня недоступенъ, потому что для него необходимо было знать

греческій языкъ, а этого языка въ институтѣ не преподавалось. Оставался одинъ юридическій факультетъ, но никакъ не соображенія о выгодахъ чиновничьей карьеры привлекали меня къ нему. Этихъ соображеній мнѣ въ то время и на умъ не приходило.

Наконецъ, 6-го сентября 1846 года былъ тотъ многознаменательный день, когда я впервые услышалъ университетскую лекцію. Помѣстившись на одной изъ ближайшихъ къ каѳедрѣ лавокъ въ большой юридической аудиторіи съ тетрадкой бѣлой бумаги передъ собой и очиненнымъ гусинымъ перомъ въ рукахъ (стальныхъ перьевъ въ то время еще не было, какъ не было телеграфовъ, фотографій, пальто, папиросъ), я весь превратился въ слухъ. Предстояла лекція по исторіи россійскаго законодательства. На каѳедру взошелъ красивый, краснощекій, кудрявый, очень симпатичный молодой человѣкъ съ быстрымъ, живымъ взглядомъ. Это былъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

«Милостивые государи!» началъ онъ.

«Ого,—подумалъ я:—значитъ, и я—милостивый государь; это уже не шутка». И я съ гордостью выпрямился.

У меня сохранилась эта первая лекція, записанная мною слишкомъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

«Внутренній бытъ народа,—началъ онъ,—представляетъ множество самыхъ разнообразныхъ отношеній: между частными лицами, между государствами, между государемъ и народомъ. Всѣ эти отношенія опредѣляются извѣстными правилами, называемыми законами. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы показать, какіе были законы, какъ они измѣнялись и почему они такъ измѣнялись; это—предметъ исторіи законодательства. Но такъ какъ мы будемъ разсматривать это только въ Россіи, то—предметъ законодательства русскаго. Многіе говорятъ, что исторія законодательства начинается съ того времени, когда народъ получилъ письменные законы, но это несправедливо. Законы не заключаются въ однихъ писанныхъ приказаніяхъ; обычаи народа также должны войти въ составъ ихъ...»

Оказывалось, что, слушая внимательно, я къ великой моей радости все понималъ, что излагаемое профессоромъ интересовало меня, что, отбрасывая цвѣты краснорѣчія и разныя поясненія и повторенія и безъ того яснаго, имѣя въ виду одно дѣло, безъ труда можно было ухватить и записать ходъ главныхъ, основныхъ мыслей, хотя профессоръ говорилъ скоро. Слѣдующій часъ былъ свободный, и мы, сосѣди, начали, помогая одинъ другому, пополнять и исправлять записанное. Оказалось, что у меня было записано короче другихъ, но схвачено все существенное, такъ что мои записки послужили основою для прочихъ. Съ этого же времени къ записаннымъ мною лекціямъ стала обращаться цѣлая группа товарищей.

Мои записки всегда твердо сохраняли руководящую нить, и по нимъ было очень удобно и пріятно готовиться къ экзамену.

О какой-нибудь стенографіи мы въ то время не имѣли ни малѣйшаго понятія. Мы записывали лекціи попросту цѣлыми словами съ сокращеніями, придумывавшимися каждымъ записывавшимъ по удобству. О литографированіи лекцій профессоровъ, по просмотрѣ ихъ послѣдними, также не было и помину. Мы должны были собираться другъ у друга по вечерамъ, чтобы свѣрять, выправлять, заполнять пробѣлы записанныхъ лекцій. Отсутствіе литографированныхъ лекцій, которыя можно было бы всегда купить, приносило много пользы. Оно заставляло молодыхъ людей посѣщать лекціи, интересоваться тѣмъ, что происходитъ въ университетѣ, весь годъ, а не во время однихъ только экзаменовъ; занимаясь составленіемъ лекцій, поневолѣ лишній разъ проходить ихъ содержаніе, причемъ возбуждались споры, вопросы, обращаться къ источникамъ, разнымъ книгамъ, даже къ самимъ профессорамъ за разъясненіями. Не то теперь (іюнь 1881 года). Литографированіе лекцій сдѣлало то, что университетъ вовсе не посѣщается, а лекціи покупаются готовыя передъ экзаменомъ. Мой племянникъ Константинъ Б., окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ, по цѣлымъ годамъ не бывалъ въ университетѣ. Такъ какъ при переходѣ съ третьяго курса на четвертый экзамена не требуется, и онъ сдается на четвертомъ курсѣ за два года вмѣстѣ, то мой племянникъ ухитрился оба года ни разу не быть на лекціи у профессора международнаго права Мартенса. Только передъ самымъ экзаменомъ онъ побывалъ на двухъ-трехъ послѣднихъ его лекціяхъ, чтобы знать хотя въ лицо профессора. Въ мое время необходимость ежедневнаго посѣщенія стѣнъ университета дѣлалось второю натурою: тамъ образовывались у насъ близкія связи между товарищами и между профессорами и воспитанниками, тамъ проникались мы тѣмъ духомъ любви къ правдѣ и наукѣ, который, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по преданію, проникалъ все существо учащихся и переносился потомъ послѣдними въ самую жизнь. Тамъ пріобрѣтали мы ту нѣжную любовь къ университету, которую сохраняли до самой смерти, въ какихъ бы отдаленныхъ мѣстахъ отъ Москвы мы ни находились. День 12-го января, день основанія университета, для насъ всегда оставался святымъ, сердце въ этотъ день испытывало нѣжное чувство любви къ нашей общей almae materis. Безъ сомнѣнія, не одна необходимость ежедневнаго посѣщенія стѣнъ университета для записыванія лекцій была причиною усвоенія молодежью этого благотворнаго духа, этой сердечной связи учащихся съ мѣстомъ воспитанія. Положеніе Москвы какъ нельзя болѣе благопріятствовало правильному ходу образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Будучи богатымъ, многолюднымъ городомъ, обладавшимъ всѣми научными

пособіями, Москва не была, однако, мѣстопребываніемъ центральной власти, а потому между воспитывавшимися въ университетѣ не могло укореняться того чувства предвкушенія служебныхъ выгодъ, которыя въ Петербургѣ являлись если не главнымъ, то однимъ изъ существеннѣйшихъ двигателей къ пріобрѣтенію университетскаго образованія. Такое исканіе въ университетѣ служебныхъ выгодъ, а не научныхъ знаній, сильное въ Петербургѣ и теперь, было, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе въ сороковыхъ годахъ, когда единственный исходъ для получившихъ университетское образованіе составляла государственная служба. Этого направленія почти не существовало въ мое время въ московскомъ университетѣ.

Въ этотъ первый годъ читался еще только одинъ факультетскій, т.-е. чисто-юридическій предметъ—энциклопедія законовѣдѣнія—профессоромъ Петромъ Григорьевичемъ Рѣдкинымъ. Многословное, туманное, запутанное, наполненное повтореніями и отступленіями въ сторону чтеніе Рѣдкина дѣлало способъ записыванія мною лекцій особенно подходящимъ. Я приловчился отбрасывать всѣ такія повторенія и отступленія профессора, дробилъ его длинныя, тяжелыя фразы на отрывочныя, мелкія, и лекціи чрезвычайно выигрывали въ ясности. Но зато для экзамена сокращенныя такимъ путемъ лекціи требовали почти дословнаго заучиванія: до такой степени одна мысль вытекала изъ другой, и ничего не оставалось лишняго. Рѣдкинъ, котораго студенты очень уважали за его прямой характеръ и либеральное направленіе и экзаменовъ котораго боялись, очень хвалилъ ясность моего отвѣта на экзаменѣ моему бывшему инспектору института Лазаревыхъ Ѳ. Л. Морошкину, который былъ ассистентомъ на экзаменѣ энциклопедіи, и я видѣлъ, какъ искренно радовался почтеннѣйшій Ѳедоръ Лукичъ за своего бывшаго воспитанника.

Переименовываю профессоровъ юридическаго факультета, которыхъ я слушалъ въ университетѣ на слѣдующихъ курсахъ.

Лекціи профессора римскаго права Никиты Ивановича Крылова служили для меня предметомъ искренняго удивленія и почитанія. По внѣшности это былъ малаго роста человѣкъ съ наружностью и ужимками, нѣсколько напоминавшими обезьяну. Благоговѣніе самого профессора предъ римскимъ правомъ было такъ велико, что въ его курсѣ оно рисовалось какимъ-то продуктомъ божественной премудрости, а не ума человѣческаго. О попыткѣ критики въ его лекціяхъ не было и рѣчи, но зато какое превосходное, образцовое изложеніе! Точность опредѣленій этого права, законченнаго въ жизни, полнота его и послѣдовательность дали возможность Крылову составить курсъ лекцій, поразительный по своей ясности, стойкости и логичности. Въ этомъ курсѣ каждое слово было взвѣшено, не допускалось ничего лишняго, не было никакихъ повтореній, все вытекало послѣдовательно одно изъ дру-

гого, ничего недосказаннаго. Подобный способъ изложенія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ складу моего ума, и для меня теперь ясенъ отзывъ Крылова, такъ меня удивившій, когда онъ, выслушавъ мой отвѣтъ на экзаменѣ третьяго курса, выразился, обращаясь къ моимъ товарищамъ, столпившимся вокругъ экзаменаціоннаго стола:

— Не знаю, какъ и оцѣнить такой превосходный отвѣтъ—и, поставивъ мнѣ пять (высшій баллъ), прибавилъ сверху два крестика.

Я не помню содержанія отвѣта, но помню, что отвѣчалъ съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ, доказывалъ что-то разными доводами, основанными на строгомъ выводѣ умозаключеній.

Почтенный Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, читавшій русское гражданское право и судопроизводство, предсталъ передо мною на университетской каѳедрѣ совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ институтѣ. Въ институтѣ онъ былъ такой строгій, серьезный; въ университетѣ его лекціи были живы и отличались природнымъ юморомъ. Онъ употреблялъ иногда такія мѣткія, чисто русскія выраженія и сравненія, что мы отъ души смѣялись. Онъ былъ большимъ знатокомъ исторіи русскаго права и нашихъ дѣйствующихъ законовъ, но не подвергалъ ихъ на лекціяхъ почти никакому критическому разбору и не объяснялъ намъ никакихъ несовершенствъ нашего тогдашняго законодательства. Казалось, что все такъ и должно быть, что все у насъ верхъ мудрости, совершенства и обезпеченности. Вѣроятно, не убѣжденіе, но опасеніе правительственнаго надзора и доносовъ за либерализмъ дѣлало его такимъ послѣдователемъ существенныхъ порядковъ.

Профессоръ уголовнаго права, Сергѣй Ивановичъ Баршевъ, не былъ такъ сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ о современномъ ему состояніи его науки, но далеко не отличался такою талантливостью, какъ Морошкинъ или Крыловъ. Его курсъ уголовнаго права, напечатанный имъ отдѣльною книгою, былъ написанъ крайне тяжелымъ языкомъ. Въ этомъ печатномъ курсѣ авторъ былъ несравненно сдержаннѣе, чѣмъ при изустномъ изложеніи на лекціяхъ, которыя онъ читалъ пронзительнымъ дискантомъ, крайне неувлекательно и неинтересно, и нерѣдко давалъ въ нихъ по нашему законодательству такіе отзывы, за которые ему очень не поздоровилось бы, если бы эти отзывы сдѣлались извѣстны правительству. Баршевъ вообще пользовался репутаціей очень правдиваго человѣка въ жизни, и студенты его уважали.

Очень оригинальную личность представлялъ собою профессоръ Василій Николаевичъ Лешковъ. Онъ читалъ два предмета: международное право и полицейское право, послѣднее подъ названіемъ общественнаго. Чрезвычайно трудолюбивый, беззавѣтно преданный наукѣ, стойкій въ убѣжденіяхъ онъ являлъ собою очень симпатичную личность для студентовъ, хотя слѣдить

за его лекціями было не легко, вслѣдствіе крайне неясной его дикціи. Онъ говорилъ такъ, какъ будто у него во рту была каша, и брызги слюны такъ и летали во всѣ стороны. Сидѣть близко къ его каѳедрѣ было небезопасно. Въ это ужасное время мракобѣсія и деспотизма Лешковъ осмѣливался говорить о правахъ общества и самостоятельности общественныхъ союзовъ. Лешковъ былъ славянофилъ по убѣжденію, но не въ крайнихъ его проявленіяхъ. Онъ изучалъ основательно европейскую науку и принималъ всѣ ея результаты и формы; онъ только старался вложить въ эти формы содержаніе русской жизни. Правда, нѣкоторые его взгляды отличались большою оригинальностью. Такъ, въ Домостроѣ онъ видѣлъ законченную научную систему, въ верви—организованную общину, которой могли позавидовать Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты!.. Педагогическая дѣятельность Лешкова, несмотря на его строгость, носила отпечатокъ постоянной гуманности и для всѣхъ равной мягкости.

О профессорѣ финансоваго права, Мильгаузенѣ, такъ мало сохранилось у меня воспоминаній, что я даже позабылъ его имя и отчество. Помню, что онъ читалъ дѣльно и вообще былъ человѣкъ очень порядочный, но самая измѣна моей памяти относительно него доказываетъ, что впечатлѣніе, произведенное его лекціями и особой, не было глубоко.

Затѣмъ къ профессорамъ юридическаго факультета необходимо еще причислить профессора церковнаго права, священника Терновскаго, сухаго, строгаго и очень несимпатичнаго студентамъ. Онъ не останавливался ни предъ Божественными, ни предъ человѣческими законами, чтобы доказать свѣтъ истины, находившійся въ его лекціяхъ, но доказывалъ только одно: что при неумолимой строгости его экзаменовъ и полной съ его стороны возможности дурною отмѣткою повредить каждому противъ него не было другихъ средствъ, какъ зубреніе читавшейся имъ амальгамы, которая составляла предметъ глумленія и кощунства для всѣхъ студентовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ, чисто юридическихъ, читались на юридическомъ факультетѣ еще нѣсколько вспомогательныхъ, какъ-то: исторія, всеобщая и русская, русская словесность, политическая экономія и статистика и нѣкоторые другіе. Въ числѣ профессоровъ этихъ предметовъ были высокоталантливыя личности. Достаточно сказать, что Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, бывшій въ то время въ лучшей порѣ своей дѣятельности, читалъ всеобщую исторію. Что за поэтическая личность, какая глубина мысли, какое увлекательное изложеніе! И онъ читалъ безъ всякой тетрадки, даже безъ писанной программы передъ собою! Аудиторія его всегда была полна студентовъ, собиравшихся даже съ другихъ факультетовъ, а такъ какъ у него былъ очень

слабый голосъ, то присутствующіе, чтобы не проронить ни одного слова, окружали его каѳедру густою, сплошною толпою, стояли на ступеняхъ каѳедры, записывали, примостившись какъ-нибудь поближе. Тишина невозмутимая обыкновенно царила въ аудиторіи; чувство благоговѣнія къ профессору проникало всѣхъ безразлично и безгранично.

Лекціи русской исторіи Сергѣя Михайловича Соловьева, который въ то время только что составилъ себѣ громкое имя своими диссертаціями на степень магистра и доктора и готовилъ къ печати начало своего монументальнаго труда «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», занявшаго всю его жизнь, далеко не были такъ увлекательны, но отличались своею дѣльностью и глубиною взглядовъ, основанныхъ на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Русская исторія въ его изложеніи представлялась не сборникомъ фактовъ, а органическимъ развитіемъ живого цѣлаго. Лекціи политической экономіи и статистики читалъ Александръ Ивановичъ Чивилевъ съ образцовою ясностью и послѣдовательностью. Лекціи русской словесности Степана Петровича Шевырева были нѣсколько приторно-сладки, но дышали любовью къ предмету и вообще къ добру. Наконецъ, я слушалъ лекціи Михаила Никифоровича Каткова, составившаго себѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ изданіемъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» громкое имя публициста, но долженъ сознаться, что ни одинъ профессоръ не оставилъ въ университетѣ такъ мало слѣдовъ своими лекціями, какъ онъ. Впрочемъ, по не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствомъ, о которыхъ скажу ниже, онъ читалъ не тотъ предметъ, къ которому готовился: вмѣсто философіи—логику и, повидимому, если судить по легкости, съ которой онъ относился къ нашимъ отвѣтамъ на экзаменахъ, самъ не придавалъ большого значенія своимъ лекціямъ. На насъ же, студентовъ, его лекціи производили впечатлѣніе тяжелаго, безполезнаго бремени, и запутанное отвлеченное изложеніе ихъ не возбуждало ни малѣйшаго интереса. Никакъ нельзя было по нимъ сказать, что Катковъ чрезъ короткое время сдѣлается такимъ виднымъ дѣятелемъ на практической почвѣ.

Въ періодъ времени съ 1846—1850 гг., когда я былъ въ университетѣ, стряслась надъ нимъ бѣда, которая даже въ царствованіе императора Николая I была неожиданностью... Въ 1848 году прогремѣла февральская революція: Парижъ, Вѣна, Берлинъ, Пештъ, Туринъ, Венеція, Неаполь подняли голову, какъ бы подъ вліяніемъ электрическаго тока. Хотя у насъ было все спокойно, но при такихъ обстоятельствахъ у сосѣдей надобно было отыскать среду, откуда можно было ожидать хоть въ будущемъ «духа противленія». Среда была найдена: университеты и печать. Послѣдовало ограниченіе числа студентовъ въ каждомъ университетѣ, въ томъ числѣ въ московскомъ, тремястами. Въ двухъ округахъ

званіе попечителя было соединено съ званіемъ генералъ-губернатора. Отъ профессоровъ потребовали подробныхъ программъ на ревизію особаго комитета. Каѳедра философіи была упразднена, преподаваніе психологіи возложено на профессора богословія, введено обязательное обученіе студентовъ маршированію, установлены строгія правила для ношенія ими форменнной одежды. Попечителемъ московскаго университета былъ назначенъ генералъ-фронтовикъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, о крайней ограниченности и невѣжествѣ котораго въ научномъ отношеніи начало ходить въ то время множество самыхъ курьезныхъ анекдотовъ между студентами и въ московскомъ обществѣ. Такъ, разсказывали, что, пріѣхавъ въ университетъ, онъ засталъ студентовъ за урокомъ маршированія. Смутившись присутствіемъ такого военнаго знатока изучаемаго дѣла, студенты нѣсколько замѣшкались, и двое, стоявшихъ рядомъ въ шеренгѣ, подняли ноги: одинъ правую, а другой лѣвую. Привычный взглядъ Назимова тотчасъ же замѣтилъ неправильность, и онъ грознымъ голосомъ закричалъ: «Кто тамъ поднялъ обѣ ноги?» и былъ очень разсерженъ, когда студенты на такое проявленіе силы сообразительности своего мудраго попечителя отвѣчали громкимъ смѣхомъ. Осматривая университетъ и будучи введенъ въ гербарій, Назимовъ попросилъ показать ему гербъ Назимовыхъ. Въ зоологическомъ музеѣ онъ спросилъ имя одной птицы, ему отвѣчали: «Орелъ».—«Не можетъ быть»,—заявилъ мудрецъ,—орелъ бываетъ двуглавый, а у этого одна голова. У васъ музей неправильно комплектуется», сдѣлалъ онъ еще выговоръ. На университетскомъ дворѣ, увидавъ кучу мусора, онъ высказалъ свое неудовольствіе смотрителю дома, сказавъ, что онъ не знаетъ даже, какъ убирать мусоръ: для этого обыкновенно вырываютъ яму и туда его зарываютъ. «А куда же дѣваютъ вырытую землю?»—хотѣлъ спросить смотритель, но не посмѣлъ.

Можетъ быть, въ этихъ анекдотахъ была и доля вымысла, но il n'y a point de fumée sans feu. Про другого не стали бы сочинять подобныхъ анекдотовъ. Не одинъ московскій университетъ, но вся Москва, святая, благочестивая, вѣрноподданная, «устарѣлая въ преданности», какъ называли ее въ высочайшихъ манифестахъ, по какой-то непонятной связи мыслей императора Николая I поставлена была въ осадное положеніе за вины западно-европейскихъ революціонеровъ. Въ смирную Москву былъ присланъ новый военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, облеченный большими полномочіями карать и миловать, снабженный очень строгими инструкціями. «Графъ»—такъ коротко стали его называть, и всѣ знали, что дѣло идетъ о Закревскомъ,—началъ проявлять свою власть быстро и рѣшительно. «Духа» политическаго «противленія» нигдѣ въ Москвѣ не замѣчалось; все было спокойно. По выраженію Карамзина, «мужи ратные думали свое

дѣло, мужи умные—тоже», но могли быть какія-нибудь нарушенія тишины и установленныхъ порядковъ въ жизни общественной или частной, и Закревскій, давъ себя прежде всего знать изданіемъ различныхъ стѣснительныхъ для обывателей Москвы правилъ по полиціи, принялся за подведеніе этихъ сферъ жизни къ знаменателю благоустройства и благочинія. Терпя дѣйствіе существовавшихъ законовъ, которые мы изучали въ университетѣ, лишь изъ снисхожденія, онъ рядомъ установилъ свой собственный порядокъ разбирательства дѣлъ, короткій, какъ Богъ на душу положитъ, болѣе при помощи отеческихъ внушеній, острастки, угрозъ выслать изъ Москвы административнымъ порядкомъ, не лѣнясь примѣнять эту угрозу и на дѣлѣ. Всѣ полѣзли къ нему со своими дѣлами. Купчиха жаловалась на своего мужа, что онъ ведетъ нетрезвую жизнь, и послѣ сильнаго внушенія «графа» купецъ даетъ подписку, что исправится, да кстати и жертвуетъ солидную сумму на благотворительное учрежденіе по назначенію «графа». Произошелъ семейный разладъ,—«графъ» также судья и примиритель; набуянилъ кто въ публичномъ мѣстѣ,—также отеческое наставленіе и взысканіе. Ему все извѣстно, что дѣлается въ семействахъ, при помощи шпіоновъ и распечатанныхъ писемъ. Закревскій былъ простой, совершенно необразованный солдатъ, но на него падали лучи изъ Петербурга, и онъ былъ большой хлѣбосолъ, задавалъ на всю Москву пиры и балы, на которыхъ хозяйничали его жена и дочь, — послѣдняя еще не вышла въ то время при живомъ мужѣ за второго мужа и носила фамилію графини Нессельроде [1]). О примѣрахъ произвола «графа», объ его грубости, о развратѣ его жены и дочери вездѣ въ Москвѣ перешептывались, но, благодаря его положенію въ Москвѣ и пирамъ, лица, принадлежавшія къ чванной московской аристократіи, усерднѣйшимъ образомъ пресмыкались въ его передникъ, добиваясь чести быть приглашенными на празднества, и потомъ хвастались, что удостоились этой чести.

Слова: «графъ», «графъ», «графъ», слышались въ Москвѣ повсюду до тошноты, лакейство передъ нимъ доходило до отвращенія. Ни одного независимаго, громкаго голоса; если говорили противъ него, то шопотомъ, оглядываясь, нѣтъ ли доносчиковъ.

«Графъ» не считалъ возможнымъ оставить безъ своего благотворнаго вниманія и университетъ, хотя послѣдній находился уже безъ того подъ строжайшимъ надзоромъ разныхъ властей и въ томъ числѣ такого благонадежнаго лица, какъ Назимовъ. Универ-

---

[1]) Извѣстно, что графъ Закревскій въ слѣдующее царствованіе былъ смѣненъ съ своего поста за излишнее чувство любви къ дочери. Онъ выдалъ ее замужъ при живомъ мужѣ за другого и снабдилъ новобрачныхъ заграничнымъ паспортомъ, въ чемъ и принесъ повинную государю. *Авт.*

ситету явно показываемо было недовѣріе и немилость, его терпѣли не болѣе, какъ неизбѣжное зло, но все-таки терпѣли, и во всѣхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ него виденъ былъ со стороны властей какой-то мистическій образъ. Грановскій въ разговорѣ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ слушателей сравнивалъ страхъ предъ университетомъ съ тѣмъ страхомъ, который варвары испытывали передъ Римомъ. И не мудрено: университетъ представлялъ Европу; уничтожить его значило оторваться отъ Петра Великаго и Екатерины, а этого не смѣли сдѣлать и поэтому душили понемногу, стараясь оставить одну форму безъ содержанія.

О всякой шалости, о всякомъ случаѣ буйства студентовъ аккуратно доводилось до свѣдѣнія Закревскаго, и имъ разсматривалось, не было ли тутъ чего-нибудь политическаго. Въ подобнаго рода дѣлахъ и Закревскій, и Назимовъ были люди совершенно компетентные. «Но что дѣлаютъ тамъ профессора, черти бы ихъ побрали? Буйства они себѣ никакого не позволяютъ, но они что-то тамъ «читаютъ», да притомъ не по книгамъ, а такъ, наизусть. На книги есть цензура, а тутъ чортъ знаетъ что такое! Поди, отвѣчай за нихъ; можетъ быть, и что-нибудь противозаконное!» И, вотъ, въ одинъ прекрасный день Закревскій, никого не предупредивъ, пріѣзжаетъ вдругъ въ университетъ, чтобы накрыть злоумышленниковъ на мѣстѣ преступленія. Войдя въ первую попавшуюся залу, онъ очутился на лекціи греческой словесности профессора Гофмана, которую онъ читалъ по-латыни. Хотя для Закревскаго всѣ языки, кромѣ русскаго, были одинаково неизвѣстны, онъ все-таки не ожидалъ такого афронта и, посидѣвъ двѣ-три минуты, рѣшительно увидѣлъ, что тутъ никакого толка не доберешься. Вынужденный такимъ образомъ ретироваться, онъ явился въ нашу залу, такъ называемую малую юридическую, гдѣ профессоръ Крыловъ читалъ римское право. Наученный опытомъ, Закревскій уже отказался отъ предложеннаго ему кресла и, опершись на саблю, сталъ подлѣ каѳедры и предложилъ Крылову продолжать лекцію. Крыловъ началъ читать прерванную лекцію, мы опять заскрипѣли перьями.

— Какъ это они успѣваютъ такъ скоро писать за вами?—прервалъ черезъ нѣсколько фразъ мудрый сановникъ.

— Они, ваше сіятельство, записываютъ сокращенно, потомъ вечеромъ вмѣстѣ собираются и дополняютъ, исправляютъ записанное,—отвѣчалъ Крыловъ.

Этимъ и окончилось прохожденіе университетскаго курса Закревскимъ: болѣе нога его никогда не была въ этомъ притонѣ всякихъ зловредныхъ ученій и пустой траты времени.

V.

Студенты старшаго курса московскаго университета въ періодъ его разгрома.—Стѣсненіе обывателей полицейскими мѣропріятіями.—Выпускные экзамены.—Политическія идеи въ студенчествѣ.—Д. Е. Кожанчиковъ.—Семейныя событія.—Фанни Эльснеръ.—Переѣздъ автора въ Петербургъ.

На меня лично этотъ московскій режимъ не распространился. Въ то время, когда онъ вступалъ въ силу и получалъ развитіе, въ 1849 и 1850 гг., я уже принадлежалъ къ оканчивающимъ курсъ: императоръ Николай I считалъ насъ уже неисправимыми, махнулъ на насъ рукой, профессора продолжали читать прежній курсъ своихъ лекцій, маршировкѣ насъ вовсе не учили. Университетское начальство сосредоточило свое попечительство на низшихъ курсахъ, принадлежавшихъ къ этимъ курсамъ хотѣло спасти отъ погибели. Только въ двухъ отношеніяхъ чувствовалось много стѣсненія. Намъ вмѣнено было въ обязанность носить треугольную шляпу и шпагу на только при мундирѣ въ исключительныхъ случаяхъ, въ высокоторжественные дни и въ общественныхъ собраніяхъ, когда обычай требуетъ фрака, но и ежедневно. Это требованіе усложнялось, когда въ Москву пріѣзжалъ императоръ или великій князь Михаилъ Павловичъ. На эти дни заставляли насъ шляпы, которыя мы обыкновенно носили вдоль головы, носить поперекъ, съ поля, вѣроятно, чтобы такимъ неудобнымъ помѣщеніемъ головного убора побудить насъ ни минуты не забывать о присутствіи августѣйшихъ особъ въ первопрестольной столицѣ. Всѣ треугольныя студенческія шляпы были сдѣланы, чтобы ихъ носить вдоль головы; помѣщенныя поперекъ, онѣ не держались, сбивались вѣтромъ, падали при каждомъ неосторожномъ движеніи головы и вообще представляли самый печальный видъ. А тутъ приходилось еще при встрѣчѣ съ императоромъ или великими князьями становиться во фронтъ и спускать шинель съ лѣваго плеча... Особенно намъ страшенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Со страстью виртуоза преданный дѣлу фронтовой выправки, онъ питалъ къ студентамъ по неспособности ихъ къ этой важной наукѣ безграничное презрѣніе и посылалъ ихъ на гауптвахту для исправленія за несоблюденіе формы.

Другое стѣсненіе касалось не однихъ студентовъ, но вообще московскихъ обывателей. Извѣстно, какое высокое наслажденіе для истаго москвича имѣетъ чаепитіе въ трактирѣ подъ звуки такъ называемой машины, т.-е. органа или оркестріона, разыгрывающаго цѣлые годы десятка два все однѣхъ и тѣхъ же мелодій. Какъ прирожденные москвичи, и мы, студенты, по часамъ просиживали за двумя или тремя «парами» чая (счисленіе, основанное на количествѣ кусковъ сахара, поданнаго къ чаю), обсуждая всякія

событія, только что прочтенныя въ послѣднемъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», выходившихъ только три раза въ недѣлю тетрадями, или въ «Сѣверной Пчелѣ» Греча и Булгарина, единственныхъ двухъ газетахъ того времени, или обмѣниваясь взглядами по поводу прослушанной лекціи профессора. У студентовъ были свои излюбленные трактиры, свои любимые столы, свои знакомые половые, красивые ярославцы въ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, прислуживавшіе имъ, знавшіе не только вкусы нашихъ желудковъ, но и наши университетскіе интересы, надежды и опасенія, знавшіе, какой предметъ кто читаетъ, какъ кто экзаменуетъ, кто какого профессора боится. Что, казалось бы, могло быть болѣе законнаго и дозволительнаго, какъ подобное препровожденіе времени? Однако Закревскій нашелъ и здѣсь возможнымъ сдѣлать непріятность обывателямъ Москвы, да еще какую непріятность: прямо поразилъ въ сердце. По какимъ-то высшимъ государственнымъ соображеніямъ, онъ призналъ необходимымъ возвысить сумму, платившуюся откупщикамъ трактирщиками за право продажи вина и водки въ трактирахъ. Трактирщики уперлись, объясняя, что они не въ силахъ вносить сумму болѣе той, какую до тѣхъ поръ платили. Закревскій въ наказаніе велѣлъ опечатать въ трактирахъ органы, стоившіе ихъ владѣльцамъ десятки тысячъ рублей и доставлявшіе такую усладу посѣтителямъ. И такое произвольное распоряженіе имѣло силу нѣсколько лѣтъ, до слѣдующаго царствованія. «Но неужели трактирщики не могли жаловаться на такую несправедливость? Что же молчала печать?»—спроситъ современный москвичъ въ удивленіи (іюль 1881 года). Но не надо забывать, что, по тогдашнимъ понятіямъ, жалоба трактирщиковъ на распоряженіе начальства имѣла бы значеніе осужденія распоряженія правительства съ составленіемъ скопа или заговора, т.-е. значеніе политическаго преступленія, а за это одна дорога—Сибирь. «Московскія Вѣдомости» же, если бы и захотѣли подѣлиться своими мыслями съ читателями по этому предмету, не могли бы этого сдѣлать по той простой причинѣ, что такого безчинства не позволилъ бы цензоръ, подчиненный «графу» и просматривавшій каждую строчку.

Быстро промелькнули четыре года университетской жизни. Я проходилъ курсъ наукъ очень хорошо, получалъ на экзаменахъ постоянно высшіе баллы и получалъ ихъ при помощи не зубренія, но путемъ сознательнаго усваиванія каждаго предмета. Выучившись почти самоучкой свободно читать по-французски, я читалъ много разныхъ французскихъ книгъ, но недостатокъ моего первоначальнаго образованія мѣшалъ мнѣ въ моемъ спеціальномъ предметѣ обращаться непосредственно къ латинскимъ источникамъ, и я судилъ о нихъ только по французскимъ или русскимъ переводамъ. На экзаменѣ же латинскаго языка пришлось мнѣ смошен-

ничать и притомъ такъ, что я самъ удивился моей удали. Вслѣдствіе недостаточнаго знанія латинскаго языка со стороны студентовъ, онъ преподавался въ университетѣ. Это былъ профессоръ Фабриціусъ, который читалъ намъ corpus juris civilis Юстиніана, т.-е. заставлялъ насъ переводить его. Экзаменъ приближался уже къ концу, и я былъ вызванъ послѣднимъ. Произошло какое-то замѣшательство, надо было перенести баллы изъ чернового списка въ бѣловой, и профессоръ вмѣстѣ съ ассистентомъ занялись этимъ, не указавъ мнѣ на страницу, которую предназначалось мнѣ перевести. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ профессору съ вопросомъ, я смѣло развернулъ книгу на знакомомъ мнѣ мѣстѣ и началъ готовиться къ переводу, а потомъ указалъ ее къ переводу профессору. Дерзость была такъ велика, что прошла благополучно, и я получилъ удовлетворительную отмѣтку.

Что касается политическихъ моихъ убѣжденій, то чтеніе французскихъ книгъ имѣло на это большое вліяніе. Мнѣ удалось прочесть въ то время книгу Луи Блана «Histoire de dix ans», строго запрещенную. Она произвела на меня большое впечатлѣніе, хотя была не что иное, какъ памфлетъ. Я бредилъ высказанными въ ней теоріями, казавшимися мнѣ неопровержимыми. Потомъ я перешелъ къ другимъ соціалистическимъ сочиненіямъ. A chaquun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres—сдѣлалось моею теоріею. Но послѣ и этого стало мало, и la propriété c'est un vol—вотъ та теорія, которую я проповѣдывалъ по Прудону. То же, что и теперь. Немного ушла впередъ учащаяся молодежь въ увлеченіи: доказательство, что нѣтъ ничего ужаснаго въ ея бредняхъ. Поставленный лицомъ къ лицу съ опытомъ жизни, я не замедлилъ убѣдиться, что въ этихъ завиральныхъ идеяхъ нѣтъ ни на грошъ практической правды. А если бы въ то время сдѣлались извѣстны правительству мои теоріи, разрушена была бы вся карьера.

Русскія книги, выходившія въ то время, какъ по части исторіи, такъ и беллетристики, русскіе журналы читались мною съ жадностью, хотя все это было искажено цензурой. Надо замѣтить, что въ это время вышли «Мертвыя души» Гоголя.

Въ числѣ нашихъ знакомыхъ этого времени очень интересную личность представлялъ Дмитрій Евѳимовичъ Кожанчиковъ, впослѣдствіи извѣстный книгопродавецъ и издатель. Какъ товарищъ моего брата по гимназіи, онъ ходилъ къ намъ. Мы съ братомъ Клавдіемъ спали на полу въ той самой комнатѣ, гдѣ пила матушка чай вечеромъ, по возвращеніи съ уроковъ. Сюда приходилъ братъ съ Кожанчиковымъ, какъ уже взрослые, чтобы бесѣдовать съ матушкой. Бывало проснешься, сквозь сонъ увидишь эту картину и затѣмъ уснешь опять какъ убитый. Кожанчиковъ былъ сынъ крѣпостного человѣка, управлявшаго имѣніемъ Загоскина, автора «Юрія Милославскаго», директора московскихъ театровъ. Отецъ

отдалъ его въ гимназію, но сынъ не долго въ ней оставался и, кажется, будучи еще во второмъ классѣ, женился по любви. Рябой, неуклюжій, съ огромнымъ ртомъ, онъ былъ крайне некрасивъ собою. Кожанчиковъ долженъ быть выйти изъ гимназіи и поступилъ по найму въ дирекцію театровъ. Здѣсь онъ проводилъ меня иногда въ театръ даромъ, что при отсутствіи у меня копейки денегъ было для меня большимъ удовольствіемъ. Такъ, помню, когда въ Москвѣ существовала итальянская опера, я видѣлъ при его посредствѣ одинъ разъ «Велизарія» Доницетти; я единственный только разъ и видѣлъ эту оперу. Черезъ нѣсколько времени, однако, эти подарки билетовъ получили постоянный характеръ.

Братъ уѣхалъ въ Петербургъ, я поступилъ въ университетъ. Однажды пришелъ ко мнѣ Кожанчиковъ и засталъ меня за чтеніемъ «Histoire de dix ans» Луи Блана. Надо сказать, что я чрезвычайно увлекался этой запрещенной книгой. Я началъ переводить Кожанчикову теоріи соціалистовъ и коммунистовъ, которыя были изложены въ ней довольно ясно, и онъ вздумалъ записывать подъ мою диктовку. Кожанчиковъ и до этого времени интересовался нашей литературой и читалъ почти все новое, что появлялось у насъ по части беллетристики или исторіи, но французскаго языка онъ вовсе не зналъ. Теперь ему пришлось познакомиться съ новыми теоріями, да еще коснуться запрещеннаго. Можно себѣ представить, какой это представляло интересъ.

Вскорѣ я ему предложилъ вмѣсто того, чтобы переводить книгу, выучиться по-французски и началъ съ нимъ читать романъ Жоржъ-Зандъ «Indiana». Онъ принялся за дѣло съ величайшимъ рвеніемъ. Года черезъ два, когда я окончилъ курсъ въ университетѣ, онъ читалъ книги по-французски уже очень порядочно. У него былъ шкапъ, биткомъ набитый запрещенными книгами на французскомъ языкѣ, проповѣдующими теоріи самыя крайнія, невозможныя. Отъ такихъ теорій шкапъ его могло взорвать: такими взрывчатыми теоріями онъ былъ наполненъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Кожанчиковъ перебрался въ Петербургъ и при помощи Краевскаго завелъ книжный магазинъ въ Петербургѣ, потомъ въ Казани, въ Варшавѣ. До 1875 года онъ велъ издательскую дѣятельность на большую руку.

Мой французскій языкъ помогъ Кожанчикову жениться во второй разъ, когда онъ овдовѣлъ съ кучею дѣтей. Онъ женился на гувернанткѣ своихъ дѣтей, нѣмкѣ, говорившей немного по-французски, съ которой онъ такимъ образомъ могъ объясняться въ своихъ чувствахъ. Она оказалась очень хорошей женщиной и народила ему, въ свою очередь, много дѣтей. Я поддерживалъ съ нимъ всю жизнь самыя близкія отношенія, и онъ былъ постояннымъ моимъ партнеромъ въ преферансъ, въ который онъ игралъ со страстью, хотя всегда по маленькой.

Въ эти годы произошли еще два знаменательныхъ событія въ нашей жизни. Матушка купила домъ и купила не совсѣмъ удачно, а сестра вышла замужъ и вышла еще неудачнѣе. И, къ сожалѣнію, я былъ совѣтникомъ въ обоихъ дѣлахъ. Не знаю, какія побужденія руководили матушкою при покупкѣ дома, на который она истратила деньги, съ такимъ трудомъ нажитыя. Домъ былъ недоходный и неудобный для нашего житья. Пришлось пристраивать флигель, что при отсутствіи у матушки всякой опытности въ этого рода дѣлахъ было болѣе чѣмъ неосторожно. Замужество сестры съ Павломъ Давыдовичемъ Бражниковымъ было также необдуманно и сдѣлано, повидимому, чтобы выдать ее за кого-нибудь замужъ. Онъ служилъ въ то время въ канцеляріи московскаго генералъ-губернаторства и жилъ однимъ жалованьемъ въ тысячу двѣсти рублей ассигнаціями. Не справившись надлежащимъ образомъ, что это за человѣкъ, начали устраивать сватовство, и я, къ сожалѣнію, принималъ въ немъ участіе. Бракъ оказался крайне несчастливымъ. Воспитанникъ базиліанскаго монастыря, Бражниковъ усвоилъ себѣ пріемы отношенія къ женѣ и воспитанія дѣтей, основанные на безпрекословномъ повиновеніи и истязаніи дѣтей. По сварливому своему характеру онъ не могъ ужиться ни на одномъ мѣстѣ, ни на частномъ, ни на казенномъ, постоянно ссорился и мѣнялъ мѣста. Все это отражалось на семьѣ самымъ тяжкимъ образомъ. Наконецъ, проживъ съ женою двадцать шесть лѣтъ, онъ бросилъ семью на произволъ судьбы, составивъ себѣ порядочное состояніе при помощи денегъ, полученныхъ въ приданое, и различныхъ аферъ. Онъ не только не помогалъ многочисленной семьѣ, но преслѣдовалъ ее, жену и дѣтей, клеветою, доносами и всякими низкими способами. Въ оправданіе его я долженъ сказать, что всѣ поступки его были такъ невѣроятны, безобразны и противоестественны, что нельзя было не приписать ихъ сумасшествію. Я помогалъ сестрѣ и помогъ издать «Англо-русскій» и «Русско-англійскій» словари, ею составленные. Кромѣ того, она давала уроки музыки и этимъ докончила воспитаніе своихъ дѣтей. 14-го декабря 1881 года ея не стало: сильныя огорченія и оскорбленное самолюбіе съ одной стороны, безпрерывная забота и работа съ другой—внезапно положили конецъ ея многострадальной жизни. Съ ней сдѣлался ударъ. Кончина ея произвела страшное внечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ, такъ какъ она казалась совершенно здоровою. Горесть дѣтей не знала предѣловъ. Не оконченный «Русско-англійскій словарь» поступилъ на попеченіе дочери ея, племянницы моей, Татьяны, подъ моимъ ближайшимъ надзоромъ [1]).

---

[1]) Послѣ смерти К. А. Манна 27-го декабря 1882 г. дѣло печатанія «Англо-русскаго» и «Русско-англійскаго» словарей А. Александрова сосредоточилось всецѣло въ

Правительственный гнетъ Закревскаго распространился и на сферу общественной жизни, и московскіе театры были доведены въ 1848 году и послѣдующихъ ближайшихъ годахъ до степени совершеннаго ничтожества, особенно оперный театръ, какъ будто здѣсь-то и скрывалась главная опасность престолу и отечеству. Процвѣталъ только балетъ, въ который была приглашена изъ-за границы извѣстная танцовщица Фанни Эльснеръ. Она приводила Москву въ восторгъ до такой степени, что почитатели ея таланта послѣ одного изъ спектаклей выпрягли изъ ея кареты лошадей и на себѣ отвезли ее домой.

Въ концѣ мая 1850 года я окончилъ курсъ въ университетѣ. Не могу сказать, чтобы чувство было особенно радостное: сердце какъ-то сжалось. Я жилъ университетскою жизнью и теперь вдругъ становился полноправнымъ гражданиномъ... Матушка удѣлила мнѣ изъ своего капитала сотни двѣ-три и обмундировала меня съ грѣхомъ пополамъ. Для того, чтобы судить, какъ полно было это обмундированіе, достаточно сказать, что у меня не было сюртука, а былъ фракъ и лѣтнее пальто; теплое же пальто и шинель обѣщано было прислать въ Петербургъ. Но зато пальто было свѣтло-голубого цвѣта, а панталоны къ нимъ свѣтло-желтаго. Мой братъ послѣ назвалъ ихъ «аптекарскими». Этотъ цвѣтъ былъ нами избранъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ Ѳеоктистовымъ, по примѣру извѣстнаго московскаго франта, князя Вадбольскаго. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ мы были въ то время легкомысленны и какъ мало имѣли понятія о франтовствѣ. Не то, что теперь, когда каждому студенту извѣстны всѣ тайны туалета еще съ перваго курса. Одно только пальто, да и то небеснаго цвѣта!

Моей матушкѣ хотѣлось поскорѣе сбыть меня съ рукъ долой, а потому я не засидѣлся въ Москвѣ. Въ послѣднихъ дняхъ іюля я уже отправился въ Петербургъ къ моему старшему брату, который служилъ въ Петербургѣ уже четыре года,—не понимая порядкомъ, что я оставлялъ въ Москвѣ и что пріобрѣталъ въ Петербургѣ. Я отправлялся въ дилижансѣ, потому что желѣзной дороги въ то время еще не было. Нѣсколько товарищей, оставшихся

ея рукахъ, причемъ каждое послѣдующее изданіе той и другой части настолько отличается отъ предыдущаго въ смыслѣ цѣлесообразности подбора лексическаго матеріала, а равно полноты и точности переводовъ, что въ новѣйшихъ своихъ изданіяхъ 1910 г. объемъ названныхъ словарей увеличился по сравненію съ первыми изданіями чуть ли не вдвое. Въ виду изложеннаго, въ опроверженіе всевозможныхъ вымышленныхъ свѣдѣній объ авторахъ словарей А. Александрова, помѣщенныхъ въ различныхъ энциклопедическихъ словаряхъ, находимъ неизлишнимъ разъяснить, что словари А. Александрова представляютъ собою по преимуществу женскій трудъ, являющійся образцомъ исключительной эрудиціи и работоспособности и что выдающіяся достоинства этихъ словарей вызвали на нихъ спросъ за границею и своевременно отмѣчены были иностранной ученой критикой. Съ 1897 г. Т. П. Бражникова состоитъ въ замужествѣ со мною. А. М.

еще въ Москвѣ, собрались проводить меня, матушка, сестра.. Сильно защемило мое сердце, когда я сѣлъ въ карету, заливаясь слезами. Въ Петровскомъ паркѣ, чрезъ который лежалъ нашъ путь, дожидался насъ Василій Михайловичъ Лосевъ. Онъ вышелъ ко мнѣ на дорогу, чтобы хоть знаками пожелать мнѣ счастливаго пути. Я опять не могъ сдержать слезъ и долго потомъ не былъ въ состояніи успокоиться.

Послѣ четырехдневнаго путешествія въ сообществѣ съ какимъ-то англичаниномъ, говорившимъ немного по-французски, я 1-го августа 1850 года въ девятомъ часу утра вступилъ на почву Петербурга.

К. А. Маннъ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА [1].

VI.

Мысль о назначеніи автора членомъ адмиралтействъ-совѣта. — Адмиралъ С. С. Лесовскій.—Его характеристика.— Случайности его карьеры и управленіе морскимъ министерствомъ въ отсутствіе министра Краббе. — Дѣятельность автора при С. С. Лесовскомъ и Н. К. Краббе.

СДѢЛАТЬСЯ членомъ адмиралтействъ-совѣта уже давно было предметомъ моихъ самыхъ сердечныхъ и задушевныхъ желаній. Я никогда не былъ честолюбивъ, и возможность управлять другими меня не забавляла; пользу же посильную можно приносить и не на одномъ поприщѣ государственной службы: я это также сознавалъ. Да и мѣсто директора канцеляріи морского министерства было такого свойства, что нерѣдко способно было дѣлаться просто невыносимымъ. Это собственно мѣсто секретаря, т. е. человѣка, одно изъ главныхъ достоинствъ котораго не имѣть своего убѣжденія, но исполнять въ точности приказанія начальства, угадывать его желанія, подсказывать и скрываться за ширмами. Правда, что вліяніе дѣятельнаго и способнаго секретаря на дѣла не можетъ не быть значительно, но все это—подъ рукой, дѣйствуя другимъ именемъ, именемъ начальства. А сколько уступокъ

[1] Въ подлинной рукописи своихъ «Воспоминаній» авторъ, минуя періодъ первоначальной своей службы, прямо переходитъ къ описанію своей дѣятельности въ качествѣ директора канцеляріи морского министерства, какъ болѣе интересной и плодотворной, предоставляя себѣ впослѣдствіи заполнить образовавшійся пробѣлъ въ хронологической связи своего авто-біографическаго разсказа. Къ сожалѣнію, смерть помѣшала К. А. Манну исполнить это свое намѣреніе, а потому мы и печатаемъ этотъ отрывокъ «Воспоминаній» въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ бумагахъ К. А. Манна. Ред.

послѣднему, сколько испорченныхъ плановъ, надъ которыми работалъ съ любовью, сколько совершенно безплодной работы, такъ какъ она «не прошла»! «Передѣлайте такъ», «передѣлайте другимъ образомъ!» Это сказать очень легко, а сколько эти немногія слова вызываютъ усилій и напряженій ума со стороны исполнителя такого приказанія, иногда болѣзненныхъ усилій и напряженій, ибо подчасъ такая работа совершенно не согласуется съ внутренними убѣжденіями исполнителя! Секретарь административнаго учрежденія, принимая мѣсто, долженъ отречься отъ своей индивидуальности, отречься до предѣловъ, гдѣ дѣло касается уже чести или основныхъ убѣжденій. Но легко ли это? Порядочный человѣкъ не можетъ не дѣйствовать, не принимая дѣло близко къ сердцу, и потомъ при исполненіи чего-нибудь не такъ, какъ хотѣлось, какъ кошки скребутъ на этомъ сердцѣ! Вотъ почему я былъ очень радъ, что въ періодъ преобразованій, когда рядомъ съ важными реформами принимались столь недостойныя ихъ мѣры, стѣснявшія и останавливавшія ихъ развитіе, судьба бросила меня въ спеціальное морское вѣдомство. Здѣсь дѣло шло не о политическихъ тенденціяхъ, а о томъ, какъ получше устроить боевую силу флота да какъ лучше обучить, накормить, одѣть и помѣстить матросовъ. Имѣя въ начальствѣ хорошихъ людей, нельзя было не согласиться съ ними въ общемъ, а въ подробностяхъ можно было и уступить. Итакъ, изъ тяжелаго въ нравственномъ отношеніи судьба мнѣ послала все-таки легчайшее.

Почти восьмилѣтняя работа при такихъ условіяхъ, при томъ работа очень усиленная, послѣ шестилѣтняго вице-директорства, когда у меня было также немало работы, а начальства еще больше, когда приходилось примѣняться еще къ третьему лицу, къ директору, подѣйствовала разрушительно на мое здоровье. Несмотря на правильную и умѣренную вообще жизнь, съ половины 1871 года у меня начались мигрени, т. е. сильнѣйшіе припадки головной боли со рвотой. Поѣздки лѣтомъ по портамъ и за границу помогали мнѣ только на время, но болѣзнь вообще такъ усиливалась, что въ 1874 г. Великимъ постомъ на первой недѣлѣ я рѣшился послать Краббе письмо съ просьбой объ увольненіи меня отъ должности директора и о назначеніи меня членомъ адмиралтействъ-совѣта. Я писалъ, что преемникъ мой, вице-директоръ Алексѣй Алексѣевичъ Пещуровъ, совершенно готовъ для занятія должности, что я съ моей болѣзнью не могу долѣе занимать ее, такъ какъ она требуетъ постояннаго напряженія ума, вниманія, памяти и даже воображенія, что съ моей опытностью въ дѣлахъ я могу быть еще полезенъ, какъ членъ адмиралтействъ-совѣта, для ревизіи портовъ и для предсѣдательствованія въ комиссіяхъ. Я былъ такъ утомленъ и должность сдѣлалась мнѣ такъ невыносима, что я рѣшился просить объ этомъ назначеніи, даже не выслуживъ еще срока пенсіи и не

получивъ аренды, о которой я мечталъ. Черезъ нѣсколько дней съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился я съ докладомъ къ Краббе, зная, что разговоръ коснется моего письма. Докладъ кончился, и я началъ собирать бумаги. «Хорошъ вы,—вдругъ неожиданно сказалъ Краббе:—ничего не предупредивши, да вдругъ..... по лбу и треснули». Я началъ объяснять мое положеніе. «Хорошо, хорошо; посмотримъ, — продолжалъ онъ: — Немножко еще раненько. Надо бы прослужить въ этой должности десять лѣтъ». Этимъ на этотъ разъ дѣло и кончилось. Я остался между страхомъ и надеждой; изъ опыта же мнѣ было извѣстно, что напоминать Краббе нельзя: это его очень сердило.

Въ концѣ поста я отправился въ Николаевъ по дѣламъ службы, чтобы на мѣстѣ съ главнымъ командиромъ разобрать, сколько ему нужно дополнительныхъ ассигнованій для веденія дѣла постройки судовъ и устройства порта къ тѣмъ срокамъ, которые указалъ великій князь.

Въ Николаевѣ я получилъ извѣстіе, что съ Краббе случился ударъ, что жизнь его находится въ опасности и что управленіе министерствомъ принялъ товарищъ его, Лесовскій. Съ этимъ вмѣстѣ дѣло мое совершенно замолкло, и было несвоевременно напоминать о немъ какъ по болѣзни лица, отъ котораго все зависѣло, такъ и потому, что мнѣ казалось неудобнымъ удаляться отъ дѣлъ въ то время, когда все было въ переходномъ состояніи и мое содѣйствіе могло быть необходимо.

Однако скоро на дѣлѣ оказалось, что во мнѣ не только нѣтъ необходимости, но что я даже составляю нѣкотораго рода помѣху.

Лесовскій уже не въ первый разъ вступалъ въ управленіе министерствомъ. Въ прошедшемъ, 1873 г., онъ управлялъ во время отсутствія Краббе на Кавказъ и тогда рѣшительно не высказывалъ никакой самостоятельности во взглядахъ. При каждомъ новомъ случаѣ онъ постоянно спрашивалъ меня о томъ, какъ бы поступилъ въ такомъ случаѣ Краббе, и такъ и распоряжался. Теперь онъ принялъ другую систему. «Можетъ быть, — сказалъ онъ мнѣ въ видѣ поясненія такой перемѣны:—«придется мнѣ по случаю болѣзни Краббе управлять министерствомъ болѣе продолжительное время; можетъ быть, чего Боже сохрани, мнѣ придется сдѣлаться управляющимъ министерствомъ, я не хочу, чтобы лица, отъ избранія которыхъ будетъ зависѣть мое назначеніе, имѣли обо мнѣ другое мнѣніе, чѣмъ я есмь въ дѣйствительности. Надо, чтобы они знали мои достоинства и недостатки. Въ этихъ видахъ на этотъ разъ я буду дѣйствовать по моему личному усмотрѣнію». Для того, чтобы яснѣе изобразить, въ чемъ заключалась эта самостоятельность, необходимо сказать нѣсколько словъ о Лесовскомъ, какъ о человѣкѣ, и о его прошломъ.

По наружности это маленькій, сухой, подвижной человѣчекъ. Ему только за 50 лѣтъ, но съ виду онъ кажется гораздо старше.

Совершенно сѣдой, но съ черными нависшими бровями, онъ видитъ только однимъ глазомъ, хотя по наружности оба глаза почти одинаковы. Онъ всегда одѣтъ чисто, все пригнано хорошо. Когда онъ сидитъ и что-нибудь слушаетъ, кажется, что это мумія, что жизнь въ немъ уже не дѣйствуетъ. Но вотъ онъ понялъ, и никогда я не видывалъ, чтобы лицо человѣка могло такъ быстро измѣняться. Единственный глазъ его засвѣтится въ полномъ смыслѣ этого слова, всѣ черты лица оживутъ. Съ отвѣтомъ его можно не согласиться, но въ немъ всегда будетъ виденъ умъ; движенія его сдѣлаются быстры, онъ не встанетъ, а вскочитъ, будетъ почти кричать, а не говорить. Это, безъ сомнѣнія, очень умный человѣкъ и образованный лучше, чѣмъ кто-либо изъ адмираловъ. Онъ много читалъ, еще болѣе видѣлъ на своемъ вѣку; онъ въ совершенствѣ владѣетъ англійскимъ и французскимъ языками. Въ обществѣ онъ очень интересенъ и приличенъ; въ дамскомъ обществѣ безукоризненно любезенъ; очень вѣжливъ съ посторонними, но рѣзокъ иногда съ подчиненными. У него очень твердый характеръ, имѣющій въ основаніи всегда благородныя побужденія; его положительно можно полюбить. Если въ XIX столѣтіи можно говорить о рыцаряхъ, то это Лесовскій. Слова, что Лесовскій рыцарь, я слышалъ отъ многихъ. Кажется, какія прекрасныя данныя, чтобы стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ! А между тѣмъ выходило вовсе не такъ.

Лесовскій принадлежитъ къ числу черноморскихъ моряковъ школы Лазарева и Нахимова, т. е. школы, состоявшей изъ серьезныхъ морскихъ плаваній, строгаго сознанія чувства долга, педантичнаго исполненія морскихъ обязанностей, щеголеватости во внѣшнемъ видѣ кораблей, употребленія пинка и матерныхъ словъ въ отношеніи матросовъ и полнѣйшаго презрѣнія къ балтійскимъ морякамъ.

Послѣ севастопольскаго разгрома переведенный въ Балтійскій флотъ, Лесовскій вздумалъ со свойственной ему горячностью примѣнить всѣ эти принципы къ находившемуся подъ его командой балтійскому судну. Крутое неустанное требованіе отъ матросовъ исполненія мельчайшихъ обязанностей, безпощадное примѣненіе черноморскихъ пріемовъ щеголеватости, сопровождаемое пинками и самыми изысканными бранными выраженіями, въ родѣ «балтійскія бл...», довели дѣло до того, что на кораблѣ составился противъ него заговоръ унтеръ-офицеровъ, намѣревавшихся выбросить его за бортъ. Иванъ Бутаковъ, находившійся у него старшимъ офицеромъ, спасъ его, какъ мнѣ разсказывали, скомандовавъ заговорщикамъ какую-то работу въ то именно время, когда они собирались исполнить свое намѣреніе. Дѣлу не дали огласки, и для Лесовскаго это былъ прекрасный урокъ. Онъ значительно измѣнилъ свои пріемы и сохранилъ привязанность къ Бутакову. Я былъ самъ свидѣтелемъ, съ какимъ теплымъ чувствомъ уваженія онъ отзывался о Бутаковѣ и съ какой готовностью исполнилъ его просьбу о пособіи деньгами, когда

управлялъ министерствомъ. Затѣмъ Лесовскій какъ-то попалъ въ капитаны кронштадтскаго порта, и въ этомъ званіи я засталъ его, когда поступилъ въ морское министерство. Онъ человѣкъ высокой честности и, навѣрное, не поживился ни одной казенной копейкой, но, навѣрно также, очень плохо смотрѣлъ въ этомъ отношеніи за своими подчиненными, наивно считая ихъ образцами всякихъ добродѣтелей. Къ этому времени относится одинъ фактъ, имѣвшій большое вліяніе на установленіе его административныхъ взглядовъ. Ревниво охраняя свое портовое хозяйничаніе отъ вторженія другихъ портовыхъ дѣятелей, онъ вызвался построить своими портовыми средствами мостъ черезъ какую-то канаву въ порту, не прибѣгая къ содѣйствію портовыхъ спеціалистовъ по строительной части, отвѣчающихъ за прочность.

— У меня въ адмиралтействѣ есть лѣсъ, негодный для кораблестроенія; рабочіе также найдутся; построимъ скоро и дешево,— говорилъ ретивый капитанъ надъ портомъ главному командиру. Постройка разрѣшена ему и исполнена на такъ называемыя «экономическія» средства, но обрушилась при перевозкѣ какой-то тяжести. Назначено слѣдствіе. Лесовскій потребованъ къ отвѣту, и послѣ этого отдавать исполненіе каждаго дѣла спеціалисту по принадлежности сдѣлалось однимъ изъ членовъ его символа вѣры.

Краббе обратилъ на него вниманіе, когда нужно было послать въ Америку офицера для собранія свѣдѣній о постройкѣ первыхъ броненосныхъ судовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и Лесовскій вмѣстѣ съ Пестичемъ[1]) очень хорошо исполнилъ это порученіе. Послѣ этого Лесовскій скромно занималъ въ Кронштадтѣ свое прежнее мѣсто, когда Краббе вновь выдвинулъ его на первый планъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ 1863 г. Европа, подстрекаемая Наполеономъ, готовилась поднять оружіе за Польшу, и Россія, конечно, начала готовиться къ войнѣ. Въ это время нашъ флотъ ограничивался одними судами Балтійскаго флота, и главнѣйшія изъ нихъ находились въ Кронштадтѣ. Въ случаѣ войны эти суда были бы заперты болѣе сильнымъ непріятелемъ. Краббе рѣшился выбросить ихъ втихомолку въ океанъ (великій князь въ это время не управлялъ министерствомъ, ибо находился въ Польшѣ намѣстникомъ). Командова-

[1]) Филимонъ Васильевичъ Пестичъ, впослѣдствіи начальникъ артиллерійской части въ кронштадтскомъ портѣ, одинъ изъ участниковъ севастопольской обороны. Это типъ служаки, влюбленнаго въ свою спеціальность. О чемъ съ нимъ ни заговори, онъ непремѣнно сведетъ разговоръ на артиллерію. О немъ сохранился забавный анекдотъ изъ его поѣздки въ Америку. Не зная никакого языка, кромѣ русскаго, онъ былъ совершенно въ зависимости отъ Лесовскаго. Разъ сидятъ за табльдотомъ въ Америкѣ. Подаютъ пирожное, и служитель говоритъ Пестичу: «Any more pastry». Пестичу показалось, что служитель произнесъ его имя и фамилію. «Какой удивительный здѣсь во всемъ порядокъ,— говорилъ онъ Лесовскому.— Уже знаютъ мое имя и фамилію». Лесовскій разразился такимъ взрывомъ хохота, что присутствовавшіе попросили его разсказать, въ чемъ дѣло.

ніе эскадрой предложили сперва адмиралу Унковскому, бывшему въ тотъ моментъ ярославскимъ губернаторомъ. Онъ отказался, и Краббе указалъ на Лесовскаго. Избраніе Лесовскаго дѣлаетъ величайшую честь проницательности Краббе и его умѣнію выбирать людей. Дѣйствительно, нельзя было найти человѣка болѣе подходящаго, моряка до конца ногтей, который не содрогнулся ни передъ опасностью, ни передъ жертвой людьми для дѣла. Эскадра была втихомолку снаряжена въ Кронштадтѣ, запаслась углемъ въ открытомъ морѣ и, пройдя выше сѣверныхъ береговъ Великобританіи и черезъ океанъ, совершенно неожиданно явилась въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ дѣлахъ морского министерства имѣются очень любопытныя данныя относительно этой экспедиціи, состоящія въ докладахъ государю, въ письмахъ Краббе къ великому князю въ Польшу, въ донесеніяхъ Лесовскаго. Вѣроятно, найдутся интересныя свѣдѣнія и въ частныхъ письмахъ Лесовскаго къ Краббе, помѣщенныхъ въ особомъ пакетѣ для храненія въ архивѣ послѣ смерти послѣдняго. Все это дѣло замышлено Краббе, о чемъ есть на одномъ его докладѣ собственноручная надпись государя, и исполнено Лесовскимъ самымъ блестящимъ образомъ. Эскадра явилась къ берегамъ Соединенныхъ Штатовъ въ то время, когда тамъ шла борьба между сѣверомъ и югомъ. Такъ какъ Англія косвенно поддерживала югъ, а наша эскадра, высланная противъ Англіи, пришла на сѣверъ, то сѣверяне не могли не признать этой присылки за сочувствіе имъ тѣмъ болѣе, что русскіе такъ недавно освободили своихъ рабовъ. Пріемъ эскадры въ Америкѣ былъ самый восторженный; досада Англіи, у которой подъ носомъ незамѣтно прошла эскадра, также не знала предѣловъ. Очевидцы, бывшіе въ то время въ Лондонѣ, мнѣ разсказывали, какое сильное впечатлѣніе производили въ столицѣ Англіи возгласы продавцовъ газетъ: «Русскаго флота нѣтъ болѣе въ Кронштадтѣ: онъ въ Америкѣ».

Это, безъ сомнѣнія, былъ самый блестящій періодъ въ дѣятельности Лесовскаго. Но такъ какъ даже тогда, когда Лесовскаго окружаетъ ореолъ, въ немъ есть всегда нѣчто комическое, вызывающее смѣхъ, но не злой, а сочувственный къ нему, то и въ этотъ періодъ его дѣятельности осталась за нимъ эта комическая сторона.

Лесовскій передъ отправленіемъ въ опасную экспедицію съ эскадрой въ Америку женился на особѣ, которая до тѣхъ поръ считалась его родственницей, была, говорятъ, когда-то его воспитательницей и въ Кронштадтѣ жила съ нимъ вмѣстѣ, какъ хозяйка дома. Софья Александровна была гораздо старше его; злые языки считали, что ей было уже за 60 лѣтъ, когда она вышла замужъ. Очень некрасивая собой, подслѣповатая, съ сѣдымъ пушкомъ надъ верхней губой, съ утинымъ голосомъ, но очень добрая, хлѣбосольная, благотворительная и съ привычками саратовской помѣщицы въ отношеніи внѣшней обстановки, «молодая» рѣшилась сопутствовать мужу,

переплыла за нимъ въ Америку и явилась тамъ въ одинъ прекрасный день со всевозможными узелками и всякими вещами житейскаго комфорта саратовской барыни. Такъ какъ вмѣсто сраженій и битвъ наша эскадра принуждена была выдержать осаду торжествъ, празднествъ въ честь русскихъ моряковъ, то и Софьѣ Александровнѣ пришлось принимать въ нихъ участіе. На молодыхъ нѣжныхъ супруговъ, говорятъ, нельзя было смотрѣть безъ улыбки. Самъ Лесовскій разсказывалъ мнѣ слѣдующую сцену. Онъ привыкъ спать послѣ обѣда, а при американской суматохѣ такой сонъ былъ и вполнѣ законенъ. Весь день пріемы, визиты, осмотры, торжества, а ночью распоряженія по эскадрѣ, переписка съ Петербургомъ и властями. Но онъ имѣетъ сноровку спать и сидя, засыпаетъ даже за обѣдомъ. Эту способность его знали и въ нѣкоторыхъ домахъ даже не безпокоили его за обѣдомъ, обнося его блюдами послѣ первыхъ трехъ-четырехъ кушаній, т. е. когда предполагали, что онъ спитъ. (Такъ было у генеральнаго консула барона Остенъ-Сакена за обѣдомъ, какъ мнѣ передавалъ самъ баронъ). Послѣ одного офиціальнаго обѣда, когда Лесовскій не успѣлъ выспаться, ему пришлось ѣхать на торжественный спектакль. Для него и Софьи Александровны было устроено особенное возвышенное мѣсто; на сценѣ представлялись какія-то аллегоріи о дружбѣ между Россіей и Соединенными Штатами, читали стихи. Всѣ взоры были обращены на героя торжества Лесовскаго, а онъ заснулъ и даже прихрапывалъ. Софья Александровна безпрестанно толкала его, желая разбудить, и мѣшала спать. Наконецъ онъ разсердился. «Оставь меня, матушка, пожалуйста въ покоѣ. Что я сплю, тутъ нѣтъ ничего смѣшного, потому что всякій пойметъ, что я усталъ. Но если публика замѣтитъ нашу домашнюю сцену на эстрадѣ, то это будетъ очень смѣшно, и мы попадемъ въ карикатурные листки. Жена меня оставила, и какъ же я хорошо выспался въ этотъ вечеръ». Привязанности его къ этой женѣ-старушкѣ нельзя было не удивляться. Какія нѣжныя выраженія употреблялъ онъ въ это время и позднѣе въ письмахъ даже къ Краббе, когда дѣло шло о женѣ!

Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ Америки Лесовскій былъ сдѣланъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта.

Я сошелся съ нимъ въ это время, и когда я былъ назначенъ директоромъ, онъ привѣтствовалъ меня задушевнымъ письмомъ. Въ управленіи портомъ онъ былъ хорошимъ и точнымъ исполнителемъ предписаній министерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказалъ полную наивность относительно оцѣнки людей.

Будучи самъ честнымъ человѣкомъ, онъ не допускалъ нечестности въ другихъ и замѣщалъ мѣста, отъ него зависѣвшія, не столько по способностямъ, сколько по старшинству, взвѣшивая на аптечныхъ вѣсахъ справедливости пройденную каждымъ службу. Результатомъ

было то, что умныхъ и талантливыхъ людей при немъ особенно не выдвинулось, а взятые между низшими исполнителями въ Кронштадтѣ процвѣтали. Софья Александровна радушно и хлѣбосольно принимала весь Кронштадтъ, занималась благотворительностью и сдѣлала въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ ея предмѣстницы. Въ 1871 году, когда Краббе сталъ прихварывать, Лесовскаго сдѣлали товарищемъ управляющаго министерствомъ. Какъ человѣкъ умный, образованный, извѣстный государю, генералъ-адъютантъ его и, наконецъ, какъ строгій исполнитель желаній начальства, онъ былъ очень пригоденъ для этой дѣятельности. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился жены, умершей отъ старости. Это былъ для него тяжелый ударъ: онъ плакалъ, какъ ребенокъ, и остался жить въ той же квартирѣ, гдѣ жилъ съ нею. Это очень неудобная квартира въ 13-й линіи Васильевскаго острова съ хозяйской мебелью, но у него все оставалось до самаго переѣзда впослѣдствіи на казенную квартиру совершенно такъ, какъ было при ней. Онъ такъ же жилъ, какъ при ней, т. е. спалъ и работалъ въ крошечномъ неудобномъ кабинетѣ, мебель вездѣ была разставлена такъ же; даже въ спальнѣ покойницы все оставалось попрежнему, и по утрамъ онъ ходилъ туда молиться. Я предложилъ ему какъ-то переѣхать по сосѣдству со мною, но онъ съ жаромъ отвергъ всякую мысль, сказавъ, что это было бы профанаціей его чувства къ женѣ и дорогихъ о ней воспоминаній.

Вотъ прошлое и характеръ человѣка, которому на долю выпало теперь продолжительное управленіе министерствомъ. Выше я сказалъ, что онъ рѣшился показать при этомъ случаѣ начальству свои хорошія и дурныя качества, и съ первыхъ же дней онъ началъ показывать и то, и другое.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ начала, которыя Лесовскій положилъ въ основу своей дѣятельности, совершенно справедливы, но вся бѣда въ томъ, что мы живемъ на землѣ, а не на небѣ, и что мы имѣемъ дѣло съ людьми, а не съ ангелами. Напр., что можетъ быть справедливѣе такого начала: морское министерство имѣетъ предназначеніемъ созданіе флота, т. е. кораблей и пушекъ. Поэтому всякая копейка, отпускаемая изъ государственнаго казначейства, должна быть обращена на этотъ предметъ, всякое отклоненіе копейки отъ такой цѣли непозволительно. Кто говоритъ, совершенно справедливо! Не менѣе справедливы и другія начала: вознаграждать каждаго по заслугамъ, ставя военныя впереди гражданскихъ, подвигать впередъ по старшинству, вести все хозяйство на началахъ конкуренціи, дѣлая постоянно торги и отдавая подрядъ тому, кто возьметъ дешевле. Но морское министерство не есть только кораблестроительный и артиллерійскій департаменты. Морское министерство есть часть политическаго тѣла, часть общаго государственнаго управленія. Морской министръ не можетъ быть корабельнымъ

плотникомъ или оружейникомъ. Онъ долженъ слѣдить за общимъ ходомъ государственнаго развитія, хотя бы по частямъ, напримѣръ, военной, образовательной высшей политики, судопроизводства... Какъ ему не принять участія въ мѣрахъ по рѣшенію общихъ вопросовъ промышленности въ теоріи или въ примѣненіи хотя бы по тѣмъ частямъ, которыя имѣютъ отношеніе къ морскому дѣлу: металлы, обработка ихъ, механическіе заводы?... Какъ удержаться отъ содѣйствія разработкѣ историческихъ памятниковъ, географическихъ свѣдѣній? Онъ не имѣетъ права не дѣйствовать въ тактъ съ общимъ управленіемъ. Наконецъ, нашъ образъ правленія налагаетъ на морское вѣдомство обязанность принимать въ соображеніе требованія придворной службы. Какъ, напримѣръ, остановиться передъ расходами, всегда очень большими, по убранству или содержанію яхтъ государя или генералъ-адмирала, какъ не поддержать возникшей въ послѣднее время въ наслѣдникѣ престола охоты кататься въ морѣ?.. Корабли и пушки Лесовскаго не болѣе, какъ неподвижная масса, а всѣ люди отъ мала до велика со страстями или, по крайней мѣрѣ, со страстишками. Хорошій и искусный управитель обращаетъ эти страсти и страстишки на пользу дѣла, овладѣваетъ при ихъ помощи людьми, которые ему нужны въ этихъ видахъ, дѣлаетъ имъ уступки на нѣсколько процентовъ, чтобы пользоваться всѣмъ капиталомъ ихъ дѣятельности, а не отыскиваетъ совершенства на землѣ, взвѣшивая все на аптекарскихъ вѣсахъ. Награды и пособія также средство управлять людьми, брошенная иногда тысяча-другая рублей можетъ принести плоды сторицею тамъ, гдѣ и не ожидалось. Наконецъ, министръ—не простой механизмъ, прикладывающій штемпель одобренія ко всякой хозяйственной операціи, произведенной на началахъ конкуренціи. Примѣненіе этого начала уже привело къ тому, что всѣ подряды въ морскомъ вѣдомствѣ перешли въ руки жидовъ, которые соглашались на торгахъ на невозможно низкія цѣны и потомъ ставили гнилой матеріалъ, подкупая чиновниковъ, или заводили съ министерствомъ безконечные процессы, воспользовавшись сперва задаточными деньгами. Плохой министръ тотъ, который боится отвѣтственности, и честь и слава тому, который не останавливается передъ ней и иногда передаетъ хозяйственную операцію тому или другому по произволу, хотя бы даже тотъ или другой и были результатомъ протекціи. Тѣмъ лучше, однимъ ударомъ онъ достигнетъ двухъ цѣлей: только бы дѣло не страдало. Обо всемъ этомъ я говорилъ Лесовскому и предсказывалъ ему, что отъ побочныхъ расходовъ онъ не обережетъ флотъ, что всѣ его новшества приведутъ къ тому, что его экономія обрушится на мелкихъ дѣятелей или ничтожныя мѣры, а общая система не измѣнится; что всѣ эти побочные расходы приносятъ свою долю пользы, а если бъ они и вовсе не приносили пользы, то во всякомъ случаѣ они составляютъ ничтож-

ный этотъ процентъ общихъ расходовъ, и нужно только стараться процентъ дѣлать меньше; что бояться отвѣтственности ему, честному человѣку, въ хозяйственныхъ операціяхъ нечего. Онъ стоялъ на своемъ, а на дѣлѣ мои предсказанія оправдались. Никогда, можетъ быть, флотъ для придворной службы не поглощалъ у насъ такъ много денегъ, какъ при его управленіи; при немъ, по желанію великаго князя генералъ-адмирала Константина Николаевича, вслѣдствіе интригъ адъютанта великаго князя, князя Ухтомскаго, и еще другого интригана, англійскаго корабельнаго инженера Рида, они допущены къ обладанію обанкротившимся судостроительнымъ заводомъ Карра и Макферсона, который высосетъ много денегъ у морского вѣдомства (это самый крупный малопроизводительный расходъ послѣдняго времени); при немъ, наконецъ, началась постройка въ весьма широкихъ размѣрахъ казармъ гвардейскаго экипажа въ Петербургѣ въ угожденіе великому князю Алексѣю Александровичу.

Пока я былъ при немъ, только нѣсколько мичмановъ и капитановъ не получили пособій, нѣсколько жидовъ появилось при подрядахъ, да вытѣснили изъ министерства извѣстнаго нашего художника Микѣшина, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ Лесовскій былъ безсознательнымъ орудіемъ великаго князя, о причинахъ нерасположенія котораго къ Микѣшину разскажу въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ въ этотъ короткій промежутокъ времени одинъ разъ Лесовскій едва не сломалъ себѣ шеи по поводу того обстоятельства, что великій князь, по ходатайству своего адъютанта Кирѣева, хотѣлъ продать какому-то подрядчику старую мѣдь, а Лесовскій стоялъ за торги и поѣхалъ къ докладу съ просьбой объ отставкѣ въ карманѣ на случай, если бъ великій князь сталъ настаивать; въ другой разъ Лесовскій поставилъ себя въ непріятное положеніе къ Краббе по поводу противодѣйствія продажѣ металловъ отставному поручику Вердеревскому, лицу близко извѣстному Краббе, также помимо конкуренціи. Стоила ли игра свѣчъ? Не лучше ли было пососбразить, не выгодны ли предложенія, и если выгодны, то согласиться на продажу?

По поводу Микѣшина не могу не вспомнить о безграничномъ нерасположенія Лесовскаго ко всему, что касается искусства. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что какую бы музыкальную пьесу ни играли, ему все кажется, что играютъ одно и то же. Я не могу безъ смѣху вспомнить моихъ ему докладовъ объ устройствѣ музыкальныхъ хоровъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Эти хоры были въ очень дурномъ состояніи, и Краббе поручилъ устройство ихъ бывшему моряку, а теперь композитору Римскому-Корсакову. Этимъ дѣломъ очень интересовался великій князь, и ему очень покровительствовалъ Краббе, но не успѣлъ его самъ окончить, и мнѣ пришлось обработанный проектъ этихъ хоровъ, по которому 40 мальчиковъ пред-

назначено обучать въ петербургской консерваторіи, докладывать Лесовскому. «Для чего намъ вся эта музыка?—вскричалъ онъ при началѣ же доклада, вскочивъ съ мѣста.—Только трата денегъ. Намъ нужно, чтобы на суднѣ было три-четыре музыканта, которые нажаривали бы тотъ или другой гимнъ, когда пріѣзжаютъ иностранцы. Чортъ съ ними, если музыканты фальшивятъ; играли бы только погромче». На мои возраженія, что мы не дикари, что во всѣхъ остальныхъ государствахъ военные оркестры существуютъ, что расходъ не великъ, что на суднѣ это можетъ служить развлеченіемъ.—«Развлеченіемъ!—вскричалъ онъ, сверкая однимъ глазомъ.—Книги и ученіе—вотъ развлеченіе на суднѣ, милостивый государь. Давайте мнѣ прежде корабли и пушки, а потомъ всѣ ваши музыки и другія пустыя затѣи». Между тѣмъ, когда Римскій-Корсаковъ написалъ оперу «Псковитянка», которая имѣла успѣхъ, Лесовскій не вытерпѣлъ. «Вчера я васъ видѣлъ въ театрѣ,—сказалъ онъ мнѣ на другой день.—Каковы моряки-то! а! каковы!»—прибавилъ онъ съ добродушной сочувственной улыбкой, искренно радуясь успѣху своего однокашника, хотя и на поприщѣ, которому онъ не сочувствовалъ. Это такая черта его характера, за которую нельзя его не любить.

Скульптуру онъ также считалъ пустой затѣей. На корабляхъ обыкновенно дѣлаютъ носовыя статуи, приспособленныя къ наименованію судна. По желанію великаго князя, чтобы эти статуи имѣли художественное значеніе, онѣ дѣлались сперва извѣстнымъ профессоромъ скульптуры Пименовымъ, а потомъ Микѣшинымъ. «Зачѣмъ эти статуи?—спросилъ меня разъ Лесовскій.—Или если имъ уже надо быть, то пусть ихъ дѣлаетъ плотникъ. Видѣли вы въ нашемъ морскомъ музеѣ статую съ корабля «Азовъ», прострѣленную ядромъ? Чѣмъ она дурна? Она интереснѣе всякой вашей пименовской и микѣшинской, а сдѣлана плотникомъ. Когда я былъ въ Америкѣ, когда находившіяся подъ моимъ начальствомъ суда посѣщались ежедневно тысячами людей, многіе разспрашивали о пушкахъ, останавливались надъ ними, но ни одинъ не указалъ мнѣ на носовыя статуи, не обратилъ на нихъ вниманія, хотя нѣкоторыя были сдѣланы вашимъ Пименовымъ». Еще непримиримаго врага онъ имѣлъ въ кронштадтскомъ театрѣ. Когда онъ былъ главнымъ командиромъ въ Кронштадтѣ, театръ тамъ былъ холодный, деревянный, похожій скорѣе на балаганъ. Вскорѣ послѣ него театръ сгорѣлъ, и новый главный командиръ Козакевичъ началъ серьезно хлопотать о постройкѣ новаго, каменнаго театра. Послѣ большихъ усилій и хлопотъ, въ которыхъ и я ему помогалъ, ему удалось при содѣйствіи Краббе устроить это дѣло. Нашелся подрядчикъ, который построилъ его при условіи платежа по 5 тысячъ рублей въ годъ, а казна дала обѣщаніе уплачивать эту сумму въ теченіе условленнаго числа лѣтъ. Театръ построили, труппа набрана, и пред-

ставленія открыты. Успѣхъ театра былъ такъ великъ, что главный командиръ положительно приписывалъ существованію его уменьшеніе числа скандаловъ среди офицеровъ. Деньги береглись ими для спектаклей по вечерамъ зимою, когда офицерству нечего дѣлать, всѣ собирались въ театръ; все это въ формѣ, при кортикахъ и передъ глазами начальства. При управленіи Лесовскаго мнѣ приходилось выдавать нѣкоторыя суммы на театръ. Эти мои доклады постоянно встрѣчались чуть не со скрежетомъ зубовъ. Помню, одинъ разъ это нерасположеніе Лесовскаго къ театру спасло меня отъ очень непріятной большой и безполезной работы.

Какъ всякій новый начальникъ, и онъ имѣлъ въ виду дѣлать преобразованія, которыя были бы основаны на его началахъ.

Какъ-то, когда я, въ присутствіи нѣсколькихъ дѣлопроизводителей, докладывалъ ему о ходатайствѣ главнаго командира Черноморскаго флота относительно ассигнованія ему дополнительныхъ на что-то суммъ, вдругъ Лесовскій остановилъ докладъ такимъ разсужденіемъ: «Это ни на что не похоже; мы только тратимъ время на безполезную переписку. По-моему, надо дѣлать такъ: въ началѣ года ассигновать каждому порту такую-то сумму, и пусть онъ дѣлаетъ, что нужно, но уже не смѣй болѣе просить и чтобы все было хорошо, а если дурно, то къ отвѣтственности его! Вотъ вы, Константинъ Александровичъ, занялись бы составленіемъ проекта на подобныхъ основаніяхъ. Такъ было при Грейгѣ и Лазаревѣ въ Черномъ морѣ». Я возразилъ, что то время было другое, что тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; приказанія не могли передаваться такъ скоро, какъ теперь; что всякое военное управленіе требуетъ сосредоточенія и единства, что морской министръ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нуждамъ портовъ, а когда будутъ розданы всѣ деньги, ему не съ чѣмъ будетъ явиться на помощь такой нуждѣ, если она возникнетъ послѣ такой раздачи въ какомъ-нибудь портѣ; что карательныя мѣры его не могутъ утѣшить, ибо ему нужно, чтобы дѣло шло, а не то, чтобы дѣлать выговоры такому-то адмиралу... Мои аргументы не подѣйствовали, и я оканчивалъ докладъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, зная, что передо мною безполезная работа, которая никогда не пройдетъ свыше. Вдругъ мнѣ пришла счастливая мысль. Когда разошлись дѣлопроизводители, я поднялъ этотъ вопросъ вновь и, между прочимъ, сказалъ: «А что вы думаете, при подобномъ самовластіи каждый главный командиръ не воспользуется этимъ, чтобы устроить у себя въ портѣ театръ? По крайней мѣрѣ за Аркаса я ручаюсь: онъ это непремѣнно сдѣлаетъ у себя въ Николаевѣ». Лесовскій схватилъ меня за руку такъ больно, что я едва не закричалъ. «А что, вѣдь, вы совершенно правы»,—воскликнулъ онъ, и проектъ былъ похороненъ прежде своего рожденія.

Порядокъ управленія министерствомъ со стороны Лесовскаго былъ самый курьезный. Исходя опять отъ прекраснаго начала, что онъ долженъ все самъ знать и всему давать направленіе, онъ прочитывалъ всѣ входящія бумаги отъ начала до конца и при этомъ клалъ множество резолюцій. Но такъ какъ эти резолюціи клались безъ предварительной справки въ законахъ о дѣлахъ, то выходило Богъ вѣсть что. Такую испещренную бумагу онъ передавалъ первому попавшемуся ему на глаза чиновнику или даже какому-нибудь адмиралу или офицеру, если послѣдніе соприкасались къ дѣлу. Такимъ образомъ, бумаги расползались по всевозможнымъ угламъ, и до меня нерѣдко доходило дѣло или совершенно уже рѣшенное только для того, чтобы уплатить деньги, или для того, чтбы его распутать, потому что вслѣдствіе неправильнаго направленія и работы неумѣлыхъ рукъ оно гдѣ-нибудь останавливалось на полдорогѣ. Иногда Лесовскій, вмѣсто того, чтобы пускать такимъ образомъ въ оборотъ бумаги, самъ пускался въ обращеніе и начиналъ ни съ того, ни съ сего рыскать по разнымъ учрежденіямъ, министерскимъ и портовымъ, по заводамъ, отдавая изустныя приказанія. Я рѣшительно возсталъ противъ подобнаго отклопенія дѣлъ отъ обыкновеннаго ихъ теченія. Я объяснялъ ему, что при существованіи въ морскомъ министерствѣ бюджета, ограниченнаго нормальной суммой, я — отвѣтственное лицо передъ управляющимъ министерствомъ и великимъ княземъ за то, чтобы министерство не обанкротилось, и при этомъ условіи я долженъ знать, что дѣлается въ министерствѣ и при разрѣшеніи мѣры меня должны спрашивать, имѣются ли на нее средства. Равнымъ образомъ болѣе чѣмъ полезно, чтобы директоръ канцеляріи зналъ виды управляющаго министерствомъ и великаго князя въ отношеніи направленія дѣлъ. При такомъ только условіи его справки въ дѣлахъ и самое ихъ изложеніе могутъ быть и правильны и полны. Самъ управляющій министерствомъ не можетъ всего помнить, у директора же канцеляріи подъ начальствомъ цѣлая канцелярія. Краббе называлъ меня во всеуслышаніе правой своей рукой и совершенно справедливо. Директоръ долженъ быть такою правой рукой; если же къ нему имѣется недовѣріе, то не слѣдуетъ держать такого директора. Мои требованія не преувеличенныя, потому что я прошу не участія въ рѣшеніи дѣлъ, но лишь того, чтобы прежде рѣшенія у меня брали справку и давали мнѣ знать, что дѣлается. Лесовскій откровенно мнѣ высказался, что онъ не желаетъ, чтобы о немъ говорили то же, что о Краббе. «Знаете, что говорятъ о Краббе? Что министерствомъ управляетъ не онъ, а вы. И знаете, кто это говоритъ? Самъ великій князь Алексѣй Александровичъ». Я не могъ удержаться отъ улыбки. «Помилуйте, Степанъ Степановичъ! Да о какомъ же неглупомъ секретарѣ не говорятъ того же?—сказалъ я.—Великій князь еще маль-

чикъ, общество его состоитъ изъ такихъ же мальчиковъ-мичмановъ, которые мало знаютъ,—можно ли ихъ слушать!» Тѣмъ не менѣе результатомъ этого объясненія было лишь то, что меня начали спрашивать по тѣмъ бумагамъ, гдѣ именно упоминалось о какой-нибудь суммѣ; другія же мѣры, гдѣ расходъ являлся только результатомъ ихъ принятія, продолжали зачастую проходить помимо меня, если, впрочемъ, кому-нибудь изъ лицъ, мнѣ подчиненныхъ или меня боящихся, не удавалось перехватить бумагу изъ рукъ Лесовскаго. Дѣла по счетоводству, дѣла по улучшенію морского законодательства встрѣчали болѣе чѣмъ равнодушіе съ его стороны. «Скажите мнѣ,—вскрикивалъ онъ:—что Фарагутъ, Нельсонъ, нашъ Нахимовъ побѣждали вашими книжками законодательства?... Нѣтъ, милостивый государь, кораблями и пушками!» Я защищалъ свое положеніе, сколько было можно. Если бы Лесовскій былъ окончательно назначенъ управляющимъ министерствомъ, я непремѣнно удалился бы изъ министерства или по крайней мѣрѣ оставилъ бы свое мѣсто. Но Краббе долженъ былъ еще возвратиться въ министерство, а онъ на меня надѣялся болѣе, чѣмъ на кого-нибудь, что я поддержу порядокъ, хотя въ главныхъ чертахъ. Въ такомъ положеніи дѣла я рѣшился не обращать особеннаго вниманія на резолюціи и слова Лесовскаго: иногда эти резолюціи оставлялись мною безъ послѣдствій, иногда исполнительныя бумаги писались не такъ, какъ онъ предназначалъ (и онъ ихъ подписывалъ), иногда дѣлалъ распоряженія отъ имени канцеляріи въ полной увѣренности, что, если бы меня потребовали къ отвѣту, и Краббе, и великій князь меня оправдали бы. Это было мнѣ тѣмъ болѣе легко, что масса министерскихъ дѣлъ рѣшительно затопила мозгъ Лесовскаго, и онъ забывалъ на другой день приказанія, данныя наканунѣ, или преисправно ихъ путалъ.

Какихъ громадныхъ трудовъ стоило Краббе собрать «расшатанную храмину» морского управленія! Настойчивыми, послѣдовательными усиліями, соединенными съ борьбой и непріятностями, ему удалось все управленіе сосредоточить въ своихъ рукахъ. Всѣ обращались къ нему, а онъ одинъ и тѣ лица, которыхъ онъ назначалъ, были докладчиками великому князю и при томъ только тѣхъ дѣлъ, которыя онъ признаетъ необходимымъ быть доложенными. При Лесовскомъ эта «храмина» скоро дала трещины, и оттуда поползли къ великому князю всякіе интриганы, всѣ, кому хотѣлось выказаться. Съ другой стороны, отъ великаго князя, съ Олимпа, начали дѣлать вылазки къ намъ его адъютанты: то Ухтомскій, то Сѣмечкинъ, то Кирѣевъ. Самъ Лесовскій не рѣшался ни на что сколько-нибудь серьезное безъ предварительнаго согласія великаго князя и превратился скоро въ простого его секретаря. Великому князю это было очень пріятно. Онъ былъ въ это время свободенъ, ибо было лѣто, а слѣдовательно засѣданія Государ-

ственнаго совѣта и разныхъ комитетовъ и комиссій его не отвлекали. Его острый умъ не затруднялся находить скоро резолюціи, а отсутствіе дядьки Краббе давало ему возможность не стѣсняться выборомъ этихъ резолюцій. Вокругъ Лесовскаго происходило шмыганіе на Олимпъ и обратно, а онъ съ аптекарскими своими вѣсами былъ занятъ наблюденіемъ, какъ бы не покачнуть чашечку въ какую-нибудь сторону и не нарушить предоставленной каждому лицу и каждой должности степени власти. Въ это время предсѣдателемъ строительнаго отдѣленія морского техническаго комитета былъ баронъ Тизенгаузенъ (Краббе называлъ его: баронъ Тифенхозенъ). Съ розовыми щеками, съ сладенькими глазами, съ медоточивымъ языкомъ онъ соединялъ малыя познанія по своей части, громадное хвастовство и умѣніе присваивать себѣ чужія работы. Онъ писалъ стихи. Такъ, онъ написалъ по-нѣмецки стихи на 25-лѣтній свадебный юбилей другого нѣмецкаго барона, директора инспекторскаго департамента барона Таубе. Какъ-то я засталъ барона Тизенгаузена докладывающимъ Лесовскому. Онъ сильно лгалъ, ссылаясь на полученное согласіе Аркаса въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ подобнаго согласія не могло быть. Когда онъ ушелъ, я сказалъ Лесовскому, что баронъ лжетъ. «Я не могу не вѣрить директору или предсѣдателю, когда онъ докладываетъ»,—отвѣчалъ онъ съ запальчивостью и далъ ходъ дѣлу. Я оказался правъ. Аркасъ обидѣлся, что дѣло (опредѣленіе офицеровъ) сдѣлано помимо него, не принялъ присланнаго ему офицера, и потомъ едва дѣло уладили. Формально Лесовскій поступилъ правильно: чашечки вѣсовъ онъ не наклонилъ противъ Тизенгаузена[1]). Многія, многія личности являлись ко мнѣ, чтобы я не помѣшалъ имъ провести дѣло такъ, какъ они желаютъ, вполнѣ увѣренныя, что съ Лесовскимъ они сладятъ. Даже великій князь Алексѣй Александровичъ какъ-то пригласилъ меня къ себѣ, чтобы уговорить объ ассигнованіи на постройку казармъ гвардейскаго экипажа побольше суммы. Онъ жилъ тогда въ Зимнемъ дворцѣ на самомъ верху и занималъ угольныя комнаты, выходящія на набережную и разводную площадку. При Краббе онъ этого не сдѣлалъ бы.

Мое положеніе было очень непріятное и тяжелое. Громадная работа, усложнявшаяся еще необходимостью писать всеподданнѣй-

---

[1]) Какъ-то Краббе спросилъ барона Тизенгаузена, родственникъ ли онъ тѣмъ, которые просто носятъ фамилію Тизенгаузеновъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ находится съ ними въ дальнемъ родствѣ, и гербъ у нихъ одинъ—быкъ, но съ маленькимъ измѣненіемъ. Одинъ изъ Тизенгаузеновъ былъ любовникомъ шведской королевы Христины, и она дала ему баронскій титулъ. Фаворитъ просилъ, чтобы его отличили и въ гербѣ. Тогда королева повелѣла, чтобы у барона въ гербѣ хвостъ у быка былъ поднятъ, а у другихъ Тизенгаузеновъ быкъ оставался съ отпущеннымъ хвостомъ. «У насъ въ гербѣ,—не безъ гордости прибавилъ въ заключеніе баронъ Тизенгаузенъ,—быкъ съ поднятымъ хвостомъ».

нѣйшій отчетъ за четыре года, когда некому было писать, кромѣ меня, такъ какъ никто такъ хорошо не зналъ общей связи дѣлъ, какъ я, не облегчалась, какъ прежде, сочувствіемъ тому, что дѣлалось въ министерствѣ, и не вознаграждалось довѣріемъ ко мнѣ со стороны лица, стоявшаго во главѣ его. Необходимость дѣйствовать иногда вопреки высказаннымъ этимъ лицомъ желаніямъ также была непріятна, и я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Краббе, пившаго воды за границей, чтобы самому уѣхать въ Архангельскъ и такимъ образомъ поудалиться отъ дѣлъ, а потомъ снова хлопотать о переводѣ въ адмиралтействъ-совѣтъ. По пріѣздѣ моемъ осенью въ Петербургъ дѣла приняли не лучшій, а худшій для меня оборотъ. Краббе осенью захворалъ, а именно произошла закупорка венъ на ногахъ, и открылись раны, причинявшія ему большія страданія. Пріѣхавъ больнымъ изъ Севастополя, гдѣ онъ надѣялся окончательно поправить свое здоровье, онъ слегъ въ постель. Лесовскій снова вступилъ въ управленіе министерствомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что Краббе былъ налицо и въ минуты, когда боль утихала, интересовался дѣлами. Мое положеніе было крайне ложное. Говорить Краббе противъ Лесовскаго я не хотѣлъ, а потому дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію еще больше, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ надо мною очутились три власти: утромъ доклады у великаго князя (хотя и не каждый день), потомъ съ докладомъ къ Краббе, послѣ—въ канцелярію, гдѣ принималъ доклады Лесовскій. Вечеромъ три-четыре раза въ недѣлю у Краббе до 8 часовъ; въ 9 онъ ложился спать, но въ это именно время вставалъ отъ послѣобѣденнаго сна Лесовскій, и нерѣдко приходилось ѣхать къ нему. Осенью же стряслась надо мной большая бѣда: моя сестра, которую я такъ люблю, должна была оставить мужа, который подъ вліяніемъ сумасшествія или подлаго расчета (еще до сихъ поръ не рѣшено) выгналъ ее съ дѣтьми изъ дома, обѣщавъ давать деньги на содержаніе, но не давалъ и въ свое оправданіе распространялъ повсюду самыя гнусныя клеветы относительно своей жены. Все это довело меня до того, что у меня открылись частыя мигрени. Одинъ приступъ былъ такъ силенъ, что я почти двое сутокъ находился безъ памяти. Работа становилась для меня тяжела до невозможности, и я снова началъ просить уволить меня отъ директорства и дать мнѣ, если возможно, аренду, а, если нельзя, то и безъ нея. Я былъ въ такомъ положеніи, что боялся, какъ бы со мной не сдѣлался ударъ или я не сошелъ съ ума, если буду продолжать работать попрежнему. Краббе, принявшій сердечное участіе въ моихъ домашнихъ обстоятельствахъ, въ ноябрѣ сказалъ мнѣ, что сперва надо для меня выхлопотать аренду, такъ какъ дать ее члену адмиралтействъ-совѣта будетъ трудно, что въ Новомъ году онъ надѣется мнѣ дать аренду, а тамъ посмотрить насчетъ совѣта. Я такъ былъ утомленъ и физически, и нравственно, что

меня даже не радовало подобное обѣщаніе, хотя объ арендѣ я всегда раньше мечталъ. По одно счастливое обстоятельство помогло устроиться моимъ дѣламъ такъ, какъ я именно желалъ.

VII.

Характеристика адмирала Н. К. Краббе.—Артистка Абаринова и отношеніе къ ней Краббе.—Краббе въ отношеніяхъ къ театральнымъ властямъ.—Д. М. Леонова.—Скандалъ съ Абариновой и хлопоты Краббе.—Его болѣзнь.—Назначеніе автора членомъ адмиралтействъ-совѣта.

Прежде, чѣмъ разсказывать дальше, считаю необходимымъ нѣсколько оговориться. Я очень многимъ обязанъ Краббе и искренно его любилъ за его постоянную ко мнѣ доброту въ теченіе 15 лѣтъ. Между тѣмъ мнѣ приходится говорить объ его слабостяхъ. Хорошо ли это? Совѣсть и сердце мнѣ говорятъ, что мнѣ не слѣдуетъ останавливаться. По всей вѣроятности, мои записки никѣмъ не будутъ прочтены, кромѣ меня. Я пишу ихъ только для себя: время проходитъ, событія быстро смѣняются, люди исчезаютъ. Моя память уже слабѣетъ теперь. Что же будетъ съ нею черезъ десятокъ лѣтъ? Пріятно будетъ вспомнить на старости прошлое, перелистывая это воспоминаніе. Но, если бы даже эти записки и увидѣли когда-либо свѣтъ Божій? Великую ли я сдѣлаю услугу Краббе, написавъ ему панегирикъ? Кто же повѣритъ, что онъ не имѣлъ слабостей? Вѣдь онъ человѣкъ. Постараюсь только, чтобы мое описаніе было фотографически вѣрное, а дѣятельность его сама за себя постоитъ. Увидятъ только, что, кромѣ управляющаго министерствомъ, онъ былъ и человѣкомъ. То же самое я долженъ сказать и о великомъ князѣ. Ему также нечего бояться правды.

Есть пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Эта пословица какъ нельзя лучше примѣнима къ Краббе. Въ 60 лѣтъ онъ влюбился такъ, какъ влюбляются развѣ мичманы. Въ лѣта первой моей юности, еще въ университетскую пору или даже ранѣе, когда мы жили въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Владимирова, у нашей сосѣдки Любови Степановны Сироватко воспитывалась дѣвочка, которую мы всѣ звали «Ташенька», по фамиліи Абаринова. Она приходила брать уроки, а иногда и гостила. Она была хорошенькая и бойкая. Смутно помню, что разсказывали что-то о жестокомъ обращеніи ея матери съ крѣпостными людьми. Я уѣхалъ въ Петербургъ и совершенно потерялъ изъ виду эту дѣвочку, но черезъ нѣсколько лѣтъ вспомнилъ о ней: она пѣла въ московской итальянской оперѣ контральтовыя партіи подъ фамиліей Реджи. Опять исчезла и года три тому назадъ явилась на русской сценѣ въ Петербургѣ подъ своей фамиліей (Абаринова) въ оффенбаховскихъ опереткахъ. Разсказывали, что она вышла замужъ, но мужъ-негодяй ее оставилъ и она

работаетъ для двухъ своихъ дѣтей, чтобы обезпечить ихъ существованіе. Она имѣла очень большой успѣхъ. У нея былъ весьма большой талантъ для игры, и хотя голосъ весьма посредственный, но она умѣла пѣть куплеты съ большимъ чувствомъ и огнемъ. Въ игрѣ ея не было ничего непристойнаго, она нисколько не шаржировала своихъ ролей. Оперетка Оффенбаха «Птички пѣвчія» собирала полный театръ, когда она пѣла, не только въ Александринскомъ театрѣ: оперетку даже перенесли на Маріинскую сцену,—такъ она много привлекла публики. Краббе началъ посѣщать русскій театръ, куда прежде почти совсѣмъ не ѣздилъ, каждый разъ, когда пѣла Абаринова. «Что, почтеннѣйшій Николай Карловичъ?—сказала какъ-то разъ ему за кулисами Александринскаго театра мой другъ Александра Матвѣевна Читау (Огарева), которой до всего дѣло.—Сердечко задѣли у васъ: такъ часто къ намъ жалуете?»—«Повѣрьте, любезнѣйшая Александра Матвѣевна,—отвѣтилъ, не запинаясь, Краббе:—кромѣ Манна, у меня ничего нѣтъ на сердцѣ».

Однако это было не такъ: сердце дѣйствительно было сильно задѣто. Тщетно онъ увѣрялъ людей близкихъ, что все дѣлается для дѣтей несчастной женщины, оставленной мужемъ, что тутъ доброе дѣло, что она удивительная мать, образецъ всѣхъ добродѣтелей. Дѣло было не въ томъ, и, какъ человѣкъ, всегда и во всемъ—въ дѣлахъ, въ бездѣльѣ ли—не знающій средины, всегда отдающійся душой и тѣломъ, Краббе отдался этой страсти весь. И Боже мой! Сколько хлопотъ, сколько хитростей пришлось пускать ему въ ходъ, чтобы вести это сердечное дѣло! Можно себѣ вообразить, что произошло, когда министръ, который прежде почти никуда и никогда не выѣзжалъ изъ дому, какъ на службу, въ театръ и на охоту, который не имѣлъ опредѣленныхъ часовъ для пріема докладовъ, двери кабинета котораго были открыты во всякое время дни и ночи безъ доклада, вдругъ началъ исчезать! Мы съ портфелями забѣгали, какъ муравьи въ разоренномъ муравейникѣ. «Гдѣ Николай Карловичъ? скоро ли пріѣдетъ?» спрашивали мы курьеровъ и камердинеровъ. «Неизвѣстно. Изволили уѣхать къ такому-то министру», былъ наиболѣе обыкновенный отвѣтъ, и много такимъ образомъ именъ министровъ было употреблено курьерами всуе, но всѣхъ болѣе имя графа Адлерберга, министра двора. Мы, какъ истые муравьи, примѣнились къ обстоятельствамъ, начали улавливать Краббе при новыхъ его обстоятельствахъ, и дѣла пошли своимъ чередомъ. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и скоро всѣ, кого интересуютъ подобнаго рода новости, а имя имъ легіонъ, т. е. чуть чуть не весь городъ, уже говорили о несчастной страсти Краббе. Другой мой театральный пріятель, скрипачъ Григоровичъ, котораго еще болѣе, чѣмъ А. М. Читау, касались всѣ театральныя сплетни, и который при этомъ имѣетъ

талантъ быть общимъ повѣреннымъ по интимнымъ дѣламъ за кулисами и въ оркестрѣ, какъ-то припялся мнѣ говорить на эту тему. Я, само собою разумѣется, отвѣчалъ, что ничего не знаю. «Ну, полноте, весь городъ это знаетъ. У насъ, изъ оркестра, видны и ваши матросы, которые сажаются клакерами. Какъ вы имъ не дадите веселъ въ руки, чтобы они дѣлали честь Абариновой, когда она выходитъ на сцену?» У Григоровича глаза удивительные, а музыкальный талантъ его такъ великъ, что игра оркестра не мѣшаетъ ему глазѣть по сторонамъ. Кромѣ того, повторяю, онъ все знаетъ, что происходитъ въ театрѣ. Поэтому его слова относительно клакеровъ, можетъ быть, и справедливы. По крайней мѣрѣ мнѣ всегда казалось подозрительнымъ, что командиръ флотскаго экипажа, Баженовъ, что-то сдѣлался уже слишкомъ ревностнымъ посѣтителемъ тѣхъ представленій русской оперы, когда пѣла Абаринова, и то и дѣло бродилъ по верхнимъ ярусамъ. Съ своей стороны не знаю, доходило ли дѣло до такихъ офиціальныхъ клакеровъ, но что Краббе чрезвычайно поддерживалъ Абаринову, это мнѣ было положительно извѣстно.

Меня всегда удивляло необыкновенное искусство Краббе вести дружбу со всѣми театральными властями всѣхъ инстанцій, хотя бы эти инстанціи были между собою въ такомъ же ладу, какъ кошка съ собакой. Краббе былъ сперва большимъ балетоманомъ; потомъ, когда сформировалась въ Петербургѣ порядочная русская опера, онъ сталъ посѣщать ее, а затѣмъ, по впечатлѣнію сердца, пристрастился и къ опереткамъ. И все это онъ смотрѣлъ и слушалъ за весьма малыми исключеніями въ директорской ложѣ, помѣщаясь тамъ въ окнѣ, выходящемъ на сцену, т. е. занимая лучшее мѣсто. Ему были доступны и спектакли театральнаго училища, дававшіеся Великимъ постомъ, на которыхъ пробовались таланты воспитанниковъ и воспитанницъ, особенно по танцовальной части, куда, кромѣ высочайшихъ особъ, почти никто не допускался. Былъ директоромъ графъ Борхъ, потомъ Гедеоновъ (не помню при Сабуровѣ), Краббе все на своемъ мѣстѣ. Какъ онъ это устраивалъ, непонятно! Положимъ, инспектора репертуарной части Павла Степановича Ѳедорова, великаго искусника держаться на своемъ мѣстѣ при всѣхъ перемѣнахъ директоровъ, несмотря на то, что каждый новый директоръ даетъ себѣ обѣщаніе его выгнать, какъ взяточника,—Краббе окончательно склонилъ на свою сторону, выхлопотавъ ему аренду чрезъ посредство своего друга, бывшаго министра государственныхъ имуществъ Зеленого. Тутъ крѣпкая денежная связь. Но почему съ нимъ хорошъ Гедеоновъ, не терпящій могущественнаго контролера министерства двора барона Кистера и министра двора графа Адлерберга, Кистеръ, не терпящій Гедеонова, Адлербергъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ людей имперіи? На мой вопросъ какъ-то по

этому предмету Краббе отвѣчалъ: «Я ласковъ со всѣми, каждому не прочь услужить, слушаю всѣхъ, когда они другъ на друга жалуются, но не сплетничаю». Съ своей стороны, прибавлю: веселый нравъ Краббе, безчисленное множество анекдотовъ, имъ интересно разсказываемыхъ, услуги въ видѣ предоставленія своего парохода «Нева» для прогулокъ этихъ лицъ, предоставленіе помѣщеній въ адмиралтействѣ, чтобы писать декораціи, опредѣленіе по ихъ просьбѣ на разныя должности чиновниковъ, медиковъ, офицеровъ. Краббе умѣлъ пріобрѣтать расположеніе и между своими товарищами въ Государственномъ Совѣтѣ и комитетѣ министровъ и между охотниками, съ которыми онъ охотился въ окрестностяхъ Петербурга. Канцлеръ князь Горчаковъ чувствовалъ нѣжную дружбу къ Краббе и не могъ жить безъ его анекдотовъ. Мой братъ разсказывалъ, что когда въ Государственномъ Совѣтѣ распространилось извѣстіе, что съ Краббе ударъ, всѣ душевно его сожалѣли. Какъ же ему было не снискать дружбы въ театральномъ мірѣ, который интересовалъ его? Какъ бы то ни было, Краббе считался актерами и актрисами самымъ сильнымъ человѣкомъ въ театрѣ, какъ мнѣ говорила А. М. Читау. И вотъ вся эта сила была двинута въ дѣло, чтобы получше устроить Абаринову.

Дѣйствительно, дѣла ея устроились какъ нельзя лучше. На русской оперной сценѣ партіи вторыхъ контральто уже много лѣтъ исполняла Дарья Михайловна Леонова. Собственно говоря, она не получила никакого музыкальнаго образованія, ибо нельзя называть музыкальнымъ образованіемъ то, которое давалось въ театральномъ училищѣ около 50-хъ годовъ. Она пѣла въ носъ, пѣла съ тѣмъ завываніемъ, съ которымъ поютъ цыганки или наши крестьянки на жнитвѣ. Но у нея былъ хорошій контральтовый голосъ, недурной сценическій талантъ и очень много страсти. Послѣдняя была не плодомъ искусства и изученія, но составляла вторую ея натуру: Леонова въ частной жизни была очень свободныхъ нравовъ и не отказывала въ своей благосклонности искателямъ. Можетъ быть, это естественное проявленіе страсти и въ пѣніи, особенно въ пѣніи русскихъ пѣсенъ и романсовъ, болѣе всего и содѣйствовало популярности Дарьи Михайловны. Она была извѣстна во всей Россіи не только по фамиліи, но и по имени и отчеству, и концерты ея въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи всегда имѣли успѣхъ. Около 1873 г. она находилась въ апогеѣ славы. Въ это время поставлена была послѣдняя опера Сѣрова «Вражья сила», которую можно назвать не только народною, но и простонародною. Атмосфера водки окружаетъ эту оперу отъ перваго акта до послѣдняго, присутствіе ея слышится повсюду, въ первоклассныхъ музыкальныхъ красотахъ, въ самыхъ драматическихъ сценическихъ и музыкальныхъ моментахъ. Леонова, исполнявшая роль содержательницы

постоялаго двора, была въ уровень съ задачей. Толстая, круглая, съ типическимъ русскимъ лицомъ, она окрасила себѣ носъ красной краской и чрезвычайно правдиво передавала ухватки русской разухабистой бабы. Она весело исполняла свою роль и пѣла свою партію своимъ безыскусственнымъ способомъ, какъ всегда пѣла. Но на этотъ разъ неумѣлый способъ пѣнія былъ близокъ къ натурѣ представляемаго лица, и успѣхъ Леоновой былъ очень великъ. Ей громко апплодировали, и даже многіе ставили ее въ примѣръ Лавровской, прекрасной пѣвицѣ, исполнявшей въ той же оперѣ роль Груни, исполнявшей не только высокоталантливо, но и по всѣмъ правиламъ музыкальнаго искусства. «Развѣ это русскую дѣвушку исполняетъ Лавровская? Она поетъ какъ барышня. Взяла бы примѣръ съ Леоновой», говорили они. Или, другими словами: зачѣмъ возводить русскую пѣснь и русское пѣніе до степени искусства? низведи лучше эту пѣснь и пѣніе до подражанія способу пѣнія любой бабы въ деревнѣ. И послѣ такого блестящаго успѣха вдругъ распространяется извѣстіе, что Леонова не ангажирована вовсе, что вмѣсто нея поступаетъ Абаринова. А. А. Краевскій пылаетъ негодованіемъ въ «Голосѣ»; другія газеты тоже; дѣлаются намеки на постороннее вліяніе, на интриги [1]).

Мнѣ не извѣстно, какъ велико было вліяніе Краббе въ этомъ дѣлѣ, но оно было несомнѣнно; и, разсказывая мнѣ послѣ объ этомъ ангажементѣ, онъ мнѣ прямо выразился, что радъ, что устроилъ это дѣло. Устроено же оно было отлично для Абариновой. Она перешла на сцену Маріинскаго театра съ жалованьемъ въ 3 тысячи рублей и бенефисомъ, а за каждое представленіе въ Александринскомъ театрѣ въ опереткахъ получала, кромѣ того, по 50 рублей. По расчетамъ Краббе, все это должно было дать ей отъ 6 до 7 тысячъ рублей въ годъ.

Начались новыя хлопоты о достойномъ, т. е. выгодномъ прощаніи Абариновой со сценой Александринскаго атеатра. Остановились на самой интересной въ то время новости, на опереткѣ Лекока ««La fille de m-me Angot». Эта оперетка выдержала громадное число представленій въ Парижѣ, обошла сцены городовъ, гдѣ имѣются французскіе театры, была дана въ Петербургѣ въ Михайловскомъ театрѣ и повсюду имѣла большой успѣхъ. Ее начали уже переводить на другіе языки, мотивы напѣвались всюду и, само собою разумѣется, въ Петербургѣ (какъ же намъ отстать?!) наигрывались на шарманкахъ. Какъ-то пойдетъ эта оперетка въ Александринскомъ театрѣ, какъ переведутъ такое-то

[1]) Леонова, изгнанная со сцены Маріинскаго театра, отправилась давать концерты въ провинціи, проѣхала всю Сибирь, останавливалась съ этою цѣлью въ разныхъ городахъ и потомъ перебралась въ Японію, которая въ это время только что вступила на путь преобразованій. Она была, кажется, первая европейская пѣвица, которая давала концерты въ этой странѣ.

мѣсто, какъ передадутъ такое-то положеніе?—сдѣлалось едва ли не вопросомъ дня въ Петербургѣ, и эту оперетку, перекрещенную въ «Дочь рынка», отдали въ бенефисъ Абариновой! Мнѣ прислали чрезъ директора канцеляріи морского министерства билетъ въ 1-й рядъ креселъ, за который пришлось заплатить 25 руб. Самъ Краббе предложилъ мнѣ подписаться на подарокъ бенефиціанткѣ, и я подписалъ тоже 25 рублей. Въ день представленія Александринскій театръ былъ полонъ. Краббе по обыкновенію въ директорской ложѣ, великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи въ боковой императорской. Градоначальникъ Треповъ сіялъ во всѣхъ звѣздахъ, поклонники Абариновой всѣ были на своихъ постахъ, рецензенты газетъ—тоже. Оперетка шла скверно по той простой причинѣ, что исполнялась актерами и актрисами, у которыхъ за немногими исключеніями не было и признаковъ голосовыхъ средствъ. Бенефиціантка, о силѣ и могуществѣ которой въ театральномъ мірѣ, благодаря могущественному покровительству, ходили уже нѣсколько времени въ публикѣ слухи, можетъ быть, преувеличенные, не пользовалась уже прежнимъ расположеніемъ публики, вызывала аплодисменты довольно не дружные, хотя и громкіе, потому что приверженцы ея и Краббе удвоили свои силы. Послѣ второго акта подали ей цѣнный подарокъ. Оставалось уже очень немного, чтобы спектакль окончился благополучно и Абаринова начала получать свои 50 рублей поспектакльныхъ за исполненіе оперетокъ, т. е. соединила въ своемъ владѣніи двѣ сцены, какъ третій актъ испортилъ все дѣло. Въ этомъ актѣ есть дуэтъ пикантнаго свойства, основанный на перебранкѣ и рѣзкой жестикуляціи двухъ молодыхъ торговокъ. Одну изъ этихъ торговокъ, «дочь рынка», изображала Абаринова, а другую—Чернявская. Артистки поютъ свои куплеты вперемежку, одна за другой. Чернявская выкидывала болѣе пикантныя штуки, чѣмъ Абаринова, и публика, уже не расположенная въ послѣдней, разразилась громкими рукоплесканіями, когда Чернявская окончила свой куплетъ и требовала, чтобы она одна его повторила. Абаринова приняла вызывающую позу противъ публики и, когда вслѣдствіе этого началось шиканье, плюнула по направленію публики. Въ театрѣ раздались крики негодованія, шиканье, свистки, и оперетку едва могли коекакъ окончить. Сколько было страданій бѣдному Николаю Карловичу во время спектакля, сколько хлопотъ послѣ, чтобы въ газетахъ отнеслись снисходительнѣе къ такой выходкѣ его предмета обожанія! Оба газетныхъ рецензента, находившіеся на службѣ въ морскомъ вѣдомствѣ: Раппопортъ, исполнявшій должность директора кронштадтскаго театра и писавшій театральныя рецензіи въ газетѣ, издававшейся тогда будущимъ сербскимъ героемъ Черняевымъ, въ «Русскомъ Мірѣ», и Вильде, занимавшій должность переводчика въ канцеляріи морского министерства

и писавшій также рецензіи въ газетѣ «Голосъ», были призваны на совѣщаніе къ Краббе. Кое-какъ успѣли смягчить, но все-таки скандалъ былъ разсказанъ въ газетахъ съ болѣе или менѣе сильными комментаріями. Во всякомъ случаѣ дорожка въ Александрипскій театръ запала для Абариновой: она не смѣла болѣе появляться въ опереткахъ и не безъ страха пѣла въ первый разъ въ оперѣ. Сильно боялась шиканья, но дѣло обошлось довольно благополучно. Были шикальщики, но немного, когда Абаринова выступила въ роли содержательницы постоялаго двора въ оперѣ Сѣрова «Вражья сила». Въ талантѣ ей никакъ нельзя отказать, и она исполнила свою роль очень хорошо. Но этимъ хлопоты Краббе еще не кончились. Потребовалось Абариновой брать уроки у знаменитой парижской пѣвицы, Віардо-Гарсіа; нужно было устроить хорошій оперный бенефисъ. Все это исполнено: уроки брались, по всей вѣроятности, не безъ участія кошелька Краббе, для бенефиса дали оперу Сѣрова «Юдиѳь», возобновленія которой публика давно ожидала, дали въ отличное время для сборовъ, въ разгаръ сезона. Однимъ словомъ, сдѣлано болѣе, чѣмъ возможно, и въ результатѣ была, какъ говорили, черная неблагодарность пѣвицы, полнѣйшій разладъ между покровителемъ и ею. Я не былъ посвященъ въ интимную суть сердечнаго дѣла моего начальника, но разсказывали, что она не хотѣла удалить какого-то господина, къ которому покровитель ее ревновалъ, напротивъ того..... Все это самымъ неблагопріятнымъ образомъ подѣйствовало на здоровье бѣднаго Краббе, и безъ того еще не оправившагося отъ удара, и люди, любящіе его, искренно его сожалѣли. Не удержавъ за собою поля битвы, онъ рѣшился дѣйствовать при помощи великодушія и доказать на дѣлѣ, что любовь его выше всякой неблагодарности. Прекративъ, говорятъ, свиданія съ предметомъ своей страсти, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, всякое желаніе Абариновой считалъ для себя закономъ; вспоминая то, чего она когда-либо желала, о чемъ когда -либо просила, онъ старался исполненіемъ этого напомнить о себѣ. Въ числѣ такихъ ея желаній было когда-то желаніе ея видѣть своего родственника М. на хорошемъ мѣстѣ. Этотъ М. былъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ контролѣ и пользовался тамъ репутаціей дѣльца по счетной части. Онъ мечталъ быть директоромъ канцеляріи контроля, но Грейгъ, сдѣлавшійся государственнымъ контролеромъ, опредѣлилъ на это мѣсто дѣлопроизводителя канцеляріи морского министерства, интимно ему знакомаго, Мицкевича. М. считалъ себя очень обиженнымъ, и вывести его изъ этого непріятнаго положенія значило очень угодить Абариновой. Въ ноябрѣ я какъ-то пріѣхалъ съ докладомъ къ Краббе. Между дѣлами онъ мнѣ сказалъ: «У насъ кодификація идетъ медленно. Это учрежденіе— ваше созданіе. Подумайте, не нужно ли его усилить назначеніемъ

второго вице-директора, а у меня есть въ виду человѣкъ— М». Краббе сознавалъ важность кодификаціонныхъ работъ въ морскомъ вѣдомствѣ, утверждая представленія по этой части, но не до такой степени интересовался этимъ дѣломъ, чтобы самому взять иниціативу къ усиленію этихъ работъ. Не трудно было догадаться, что здѣсь была задняя мысль, желаніе устроить М. Не зная родственныхъ связей послѣдняго съ Абариновой, я совершенно неумышленно сказалъ, что М., говорятъ, хорошій счетный чиновникъ, что онъ годился бы скорѣе для канцеляріи морского министерства. Взглянувъ на Краббе, я увидѣлъ, что этою фразою я совершенно неожиданно устроилъ собственное свое дѣло. Лицо Краббе сіяло удовольствіемъ; онъ въ мгновеніе ока сообразилъ, что назначить меня членомъ адмиралтействъ-совѣта значитъ назначить Пещурова директоромъ и что такимъ образомъ освобождается мѣсто вице-директора для М. Чрезъ три дня онъ мнѣ объявилъ, что великій князь согласенъ на эту комбинацію, и что я могу понемногу удаляться отъ дѣлъ: назначеніе мое послѣдуетъ на Новый годъ, а объ арендѣ онъ позаботится въ ближайшій срокъ. Слово Краббе всегда было вѣрно: что онъ обѣщалъ, онъ всегда исполнялъ, а потому я могъ и аренду считать какъ бы полученною.

Итакъ, вотъ она служба-то! Пятнадцать лѣтъ самой неутомимой дѣятельности, пожертвованіе времени, силъ, здоровья—все было принесено мною для нея. Я положительно не могъ далѣе работать и къ помѣщенію меня въ адмиралтействъ-совѣтъ представлялись препятствія. Вдругъ вмѣшалась женщина, страсть, и все устроилось. И такъ складывались обстоятельства въ рукахъ лучшаго изъ начальниковъ, какимъ былъ Краббе. Что же дѣлалось тамъ, гдѣ такихъ начальниковъ не было? Такія мысли лѣзли мнѣ въ голову, несмотря на все мое желаніе отогнать ихъ.

Подъ конецъ ноября я сдалъ управленіе канцеляріею Пещурову подъ предлогомъ болѣзни и пересталъ ходить въ канцелярію. Никогда время не тянулось для меня такъ безконечно, какъ въ теченіе декабря: такъ мнѣ хотѣлось окончательно сдать тяготившую меня столько лѣтъ обузу. Между тѣмъ о моемъ предстоявшемъ назначеніе въ адмиралтействъ-совѣтъ начали ходить слухи; сообщено было даже по телеграфу въ «Московскія Вѣдомости», въ видѣ слуха. Припадки моей болѣзни меня не оставляли, но въ свободное отъ нихъ время я занимался приведеніемъ къ окончанію тѣхъ дѣлъ, которыя находились на моихъ собственныхъ рукахъ, въ моемъ домашнемъ кабинетѣ. Кромѣ того, я возился съ одной запиской по непріятному мнѣ дѣлу, и опять судьба привязала меня къ колесницѣ Абариновой.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА[1].

VIII.

Торговыя операціи Н. Д. Вердеревскаго по морскому министерству.—Постройка «поповокъ» вице-адмирала А. А. Попова.—Полемика о ихъ пользѣ въ печати.—Постройка яхты наслѣднику цесаревичу.—Сношенія съ Краевскимъ.—Оставленіе авторомъ должности директора канцеляріи морского министерства и назначеніе въ адмиралтействъ-совѣтъ.—Представленіе императору Александру II.

ЕЖДУ НОВЫМИ пріятелями Краббе, почерпнутыми имъ въ обществѣ Абариновой, находился молодой человѣкъ, отставной прапорщикъ Николай Дмитріевичъ Вердеревскій, богатый землевладѣлецъ. Не знаю, какія обстоятельства вовлекли его въ спекуляціи, но первое мое знакомство съ нимъ началось по поводу сдѣланнаго имъ морскому министерству предложенія купить старые деревянные корабли. Цѣны, предложенныя имъ, были выгодны, выше тѣхъ, которыя мы когда-либо получали отъ продажи старыхъ судовъ. Краббе его сильно поддерживалъ, и, только благодаря его вліянію, адмиралтействъ-совѣтъ рѣшилъ продать суда Вердеревскому, такъ какъ слухъ, что морское министерство продаетъ корабли безъ торговъ, вызвалъ массу самыхъ нелѣпыхъ предложеній о покупкѣ ихъ, преимущественно отъ евреевъ, желавшихъ получить отъ Вердеревскаго отступныя деньги. Впро-

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXXVII, стр. 600.

чемъ, въ числѣ конкуррентовъ находился бывшій воспитатель князей Лейхтенбергскихъ и потомъ олонецкій губернаторъ, генералъ-майоръ Философовъ. Онъ также разсчитывалъ на отступныя й, когда ему не удалось, послалъ доносъ на Краббе великому князю. Подрядъ остался за Вердеревскимъ, за нимъ же осталась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ другая покупка—покупка механизмовъ отъ этихъ самыхъ судовъ. Но послѣ заключенія уже предварительныхъ условій покупка этихъ послѣднихъ предметовъ нѣсколько затянулась. Между тѣмъ цѣны на металлы упали, и Вердеревскій лѣтомъ 1874 г. очутился въ такомъ положеніи, что не могъ внести денегъ морскому вѣдомству. Краббе былъ въ это время уже боленъ и лечился за границей. Извѣстіе, что пріятель, за котораго онъ ручался и хлопоталъ, оказался несостоятельнымъ, могло сильно его взволновать и даже вызвать повтореніе удара. Затѣмъ было крайне неблаговидно и то обстоятельство, что дѣло, веденное лично управляющимъ министерствомъ, кончилось такъ мизерно. Я вызвалъ Вердеревскаго въ канцелярію и сказалъ ему, что личныя отношенія его къ Краббе требуютъ исполненія принятыхъ обязательствъ. Вердеревскій заложилъ свое имѣніе и внесъ деньги, но, когда Краббе возвратился, сталъ просить его выручить изъ долговъ и продать ему ненужные металлы въ кронштадтскомъ портѣ. Предложенныя имъ цѣны были опять выгодны, такъ какъ, при совершеніи съ нимъ непосредственно договора, онъ не обязанъ былъ платить отступныхъ, что необходимо вовлекало въ значительныя издержки каждаго покупателя, пріобрѣтавшаго металлы съ торговъ. Однако это предложеніе вызвало сильную оппозицію со стороны Лесовскаго, вслѣдствіе тѣхъ его взглядовъ, о которыхъ было сказано выше. Больной Краббе, не управлявшій въ тотъ моментъ министерствомъ, обратился ко мнѣ, чтобы я ему помогъ провести это дѣло. Какъ мнѣ было отказать? Цѣны были выгодны. Между тѣмъ, съ одной стороны, я самъ вовлекъ Вердеревскаго въ разореніе, указавъ ему на его нравственныя обязанности по отношенію къ Краббе лѣтомъ, когда онъ затруднился внести деньги; съ другой—желаніе моего непосредственнаго начальника, который хлопоталъ объ исполненіи моихъ самыхъ завѣтныхъ желаній. Мнѣ оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы попасть въ совѣтъ и получить аренду, и мнѣ же самому разверзать пропасть между мною и совѣтомъ! Дѣло не стоило такого подвига гражданскаго мужества, потому что для казны было выгодно, и я рѣшился подать по начальству записку, въ которой доказывалъ пользу продажи Вердеревскому металловъ и необходимость полученія нами этихъ денегъ. Пришлось вступить въ диспутъ съ Лесовскимъ предъ великимъ княземъ по поводу этой записки. Великій князь затруднялся, какъ рѣшить, ибо дѣло было выгодное и несогласіе касалось не сущности, а лишь формы, и затянулъ дѣло, потребовавъ справокъ о

количествѣ металловъ и рыночныхъ цѣнахъ на нихъ. Въ редакціи резолюціи его высочества также возникъ у меня споръ съ Лесовскимъ, ибо онъ клонилъ на свою сторону. Все это въ сущности мнѣ было крайне непріятно не потому, чтобы я дѣйствовалъ противъ совѣсти, но не такимъ актомъ угодливости начальству хотѣлось бы мнѣ окончить мою дѣятельность въ качествѣ директора. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ 1-го января, и время тянулось для меня безконечно. Наконецъ наступило 31-е декабря, шесть часовъ вечера, когда обыкновенно привозятся приказы. У меня была сестра, заѣхавшая на минуту, и трое племянниковъ Бражниковыхъ, которыхъ я позвалъ въ этотъ день обѣдать. Раздался звонокъ, и мнѣ подали приказъ, въ которомъ было напечатано, что я назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта.

Не могу сказать, чтобы первое впечатлѣніе было изъ самыхъ пріятныхъ; напротивъ, сердце какъ-то болѣзненно сжалось. Въ самомъ дѣлѣ, почти четырнадцать лѣтъ жилъ я, можно сказать, жизнію канцеляріи морского министерства, и теперь эта связь порывалась. По судьбѣ угодно было распорядиться такимъ образомъ, что въ эти послѣдніе часы моего пребыванія въ канцеляріи, т.-е. еще до наступленія 1-го января, мнѣ пришлось испытать еще разъ горечь моей канцелярской службы.

Пообѣдавъ вмѣстѣ съ племянниками и распивъ съ ними по бокалу шампанскаго, я помѣстился въ покойное кресло, а они вздумали попробовать тріо Рейнеке, написанное въ видѣ серенады. Вдругъ раздался звонокъ, и курьеръ возвѣстилъ мнѣ, что управляющій министерствомъ проситъ меня къ себѣ сейчасъ же. Чрезъ полчаса я былъ уже у него. Онъ игралъ въ карты, въ пикетъ, съ женой и находился въ самомъ дурномъ расположеніи духа. «Знаете, Константинъ Александровичъ,—встрѣтилъ онъ меня словами:—ваша неосторожность поставила насъ въ очень непріятное положеніе. Мало же вы знаете еще людей!» Когда ушла его жена, онъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

Въ морскомъ вѣдомствѣ уже года два, какъ строились круглыя броненосныя суда, которымъ государь присвоилъ наименованіе поповокъ по фамиліи изобрѣтателя, вице-адмирала Андрея Александровича Попова. Въ морскомъ мірѣ много говорилось за и противъ этихъ судовъ, но въ газеты эта полемика не проникала. Осенью 1874 г., въ то время, когда Краббе лечился въ Севастополѣ, въ газетѣ «Голосъ», издаваемой Краевскимъ, была напечатана передовая статья, какъ будто отъ газеты, съ сильными нападками на поповки. Будь Краббе на мѣстѣ, въ Петербургѣ, полемика не пошла бы далеко. Обыкновенно дѣло оканчивалось офиціальнымъ опроверженіемъ морского министерства въ двухъ-трехъ словахъ, опроверженіемъ только вопіющихъ нелѣпостей, и, кромѣ того, я посылался къ Краевскому для «дружескихъ» съ нимъ переговоровъ.

Въ подобныхъ случаяхъ я говорилъ, что по закону управляющій министерствомъ можетъ требовать имя писавшаго статью и жаловаться на сообщеніе неправильныхъ и неточныхъ свѣдѣній о морскомъ вѣдомствѣ (содержаніе морскихъ статей въ «Голосѣ» всегда было ниже всякой критики); если же авторъ какой-нибудь морякъ, то Краббе самъ можетъ распорядиться съ нимъ. Но стоитъ ли доводить дѣло до этого, и справедливо ли газетѣ нападать на морское министерство, когда послѣднее не имѣетъ возможности защищаться тѣмъ же оружіемъ, т.-е. печатнымъ словомъ, ибо открывать въ печати всѣ наши виды и силы было бы измѣною передъ отечествомъ? Почему статьи не присылать прежде въ морское министерство для предварительнаго просмотра относительно фактовъ? Краевскій извинялся, прекращалъ дальнѣйшее печатаніе статей, обѣщалъ присылать статьи для просмотра и исполнялъ это нѣкоторое время, а потомъ опять нарушалъ условіе. Дѣло въ томъ, что для Краевскаго эти статьи всегда были даровыя, такъ какъ писались обыкновенно не серьезнымъ какимъ-нибудь сотрудникомъ, но какимъ-нибудь мичманомъ, считавшимъ себя обиженнымъ по службѣ; такимъ образомъ, нарушеніе со стороны Краевскаго условія было соединено для него съ денежною выгодою въ нѣсколько рублей. Предъ такимъ соблазномъ онъ не могъ долго воздерживаться, и если давалъ обѣщаніе, то только потому, что боялся офиціальнаго преслѣдованія со стороны морского вѣдомства. На этотъ разъ, въ отсутствіе Краббе, дѣло приняло другой оборотъ. Изобрѣтателемъ поповокъ вице-адмираломъ Поповымъ были представлены великому князю возраженія на статью. Возраженія показались великому князю неопровержимыми, и онъ послалъ статью къ Краевскому чрезъ своего адъютанта Кирѣева для напечатанія въ «Голосѣ» въ видѣ частной статьи.

Краевскій обрадовался: новая даровая статья. На возраженіе морского министерства послѣдовалъ въ «Голосѣ» же чей-то отвѣтъ, наполненный самыми неосновательными разсужденіями, ибо эти разсужденія опирались на невѣрныя данныя. Пришлось исправлять эти данныя, и завязалась полемика все въ «Голосѣ» же. Министерство не хотѣло само выступать въ бой и прикрывалось именами командировъ поповокъ и одного изъ строителей. Возраженія выходили довольно слабыя, потому что разсказывать всѣхъ своихъ плановъ и расчетовъ на случай войны нельзя было. Напротивъ того, изъ лагеря противниковъ, не стѣсняясь, разсуждали вкривь и вкось и рѣшали самые трудные вопросы сплеча. Публика съ недоумѣніемъ смотрѣла на эту борьбу, вовсе для нея непривычную, и, само собою разумѣется, принимала сторону противниковъ морского вѣдомства, во-первыхъ, по духу оппозиціи къ предержащимъ власть, какъ это обыкновенно бываетъ, а, во-вторыхъ, потому, что статьи противниковъ были для нея доступнѣе, заклю-

чая въ себѣ не научныя, сухія вычисленія, а плоды фантазіи, рѣшавшей всѣ вопросы понятнымъ для нея образомъ. Дошло до того, что вопросъ о поповкахъ сдѣлался вопросомъ дня. О нихъ толковали повсюду. Краевскій потиралъ руки отъ удовольствія, а всѣ газеты считали уже своимъ долгомъ что-нибудь напечатать по этому вопросу. При такихъ условіяхъ всѣ моряки, находившіеся не у дѣлъ, всѣ составлявшіе оппозицію Попову, имѣли возможность видѣть свои произведенія напечатанными въ газетахъ. Дѣло коснулось даже наслѣдника престола. Надо сказать, что незадолго передъ тѣмъ его высочество пристрастился къ морскимъ прогулкамъ. Сначала онъ заказалъ себѣ небольшую яхту для сообщенія между Петербургомъ и Петергофомъ, а потомъ большую—для отдаленныхъ морскихъ плаваній. Краббе сильно поддерживалъ эту склонность наслѣдника, говоря намъ, что она можетъ служить лучшимъ ручательствомъ преуспѣянія флота во время его царствованія. Наслѣдникъ заказалъ было вторую яхту на свой счетъ, и въ Лондонѣ были выданы векселя. При наступленіи срока векселей въ конторѣ его высочества затруднились найти денегъ, и Краббе долженъ былъ объ этомъ сказать министру финансовъ Рейтерну. Послѣдній доложилъ государю, который страшно разсердился и распекъ сына, а яхту велѣлъ купить въ казну. Но скоро наступилъ день рожденія наслѣдника, и государь подарилъ яхту его высочеству въ этотъ день.

Заказъ яхтъ былъ порученъ наслѣдникомъ Попову, который и заказалъ ихъ въ Англіи по самымъ усовершенствованнымъ чертежамъ. Это обстоятельство сблизило наслѣдника съ Поповымъ. Поповъ, какъ человѣкъ умный и ловкій, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заинтересовать наслѣдника поповками и возникшей по поводу ихъ полемикой. Отвѣтныя статьи посылались Поповымъ его высочеству и просматривались имъ; наслѣдникъ дѣлалъ даже нѣкоторыя поправки.

Между тѣмъ эта полемика начинала надоѣдать публикѣ и дѣйствовать раздражительно на генералъ-адмирала и Краббе. Поэтому рѣшились воспользоваться статьей, присланной Попову однимъ бывшимъ морякомъ, долго состоявшимъ помощникомъ контръ-адмирала Чихачова, Кази, резюмировавшей всю полемику и дѣлавшей выводы въ пользу поповокъ, чтобы прекратить наконецъ эту полемику. Краббе послалъ меня къ Краевскому, чтобы предложить послѣднему напечатать эту статью и взять съ него обѣщаніе не печатать ничего болѣе по части этой полемики. Чтобы мнѣ легче было убѣдить Краевскаго, Поповъ далъ мнѣ экземпляръ статьи съ собственноручными поправками наслѣдника.

Краевскаго я зналъ очень давно. Еще во время крымской войны я работалъ у него въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», которыя онъ издавалъ тогда вмѣстѣ съ Очкинымъ; я дѣлалъ выборки изъ анг-

лійскихъ газетъ, изъ корреспонденцій, которыя англійскіе офицеры посылали въ свои газеты съ театра военныхъ дѣйствій. Надо отдать справедливость, что деньги за статьи Краевскій платилъ исправно; но, если ему представлялась возможность уменьшить эту плату, воспользовавшись какими-нибудь обстоятельствами, онъ не стѣснялся. Со мною онъ устроилъ штуку такого рода. Условіе со мною было заключено имъ такое, чтобы платить мнѣ по двадцати рублей съ печатнаго листа, а въ листѣ обыкновенно было восемьсотъ десять строкъ. Такъ я работалъ мѣсяца два-три и, само собою разумѣется, зналъ, сколько моихъ писанныхъ листовъ заключается въ печатномъ. Вдругъ я началъ замѣчать, что для печатнаго листа стало требоваться гораздо больше моихъ писанныхъ листовъ. По изслѣдованіи оказалось, что онъ приказалъ печатать, сдвинувъ ближе строчки. Пошелъ уличать его. Онъ разставилъ опять строчки, но возмѣстить мнѣ цѣнность излишняго моего труда за то время, пока я не догадался, онъ никакъ не согласился. Онъ считалъ это невинною хитростью. Когда моя служебная дѣятельность расширилась, я оставилъ эту трудную и неблагодарную работу и очень рѣдко видѣлся съ Краевскимъ. Между тѣмъ онъ началъ издавать газету «Голосъ», виляя между различными направленіями, выбирая между ними то, которое наиболѣе нравилось публикѣ въ данную минуту, было выгоднѣе, продавая, какъ носились настойчивые слухи, въ своей газетѣ мѣсто за деньги или уступая его для поддержки выгодныхъ для него связей, но всегда оставаясь вѣрнымъ одному девизу: печатать побольше о скандалахъ, чтобы заинтересовать читателей! Въ этомъ преимущественно направленіи подбирались извѣстія, причемъ самое пикантное печаталось въ каждомъ извѣстіи особенно крупнымъ шрифтомъ. По прочтеніи нумера «Голоса» казалось, что въ Россіи ничего не дѣлается другого, какъ одни скандалы. Рядомъ съ дѣйствительностью помѣщались вымыслы; потомъ печаталось опроверженіе. Направленія въ газетѣ не было никакого. Было даже время, когда она поддерживала польскія притязанія, но потомъ въ одинъ прекрасный день вдругъ сдѣлалась ультра-русскою, патріотическою. Въ одномъ и томъ же нумерѣ появлялись самыя разношерстныя статьи: даровыя или принятыя отъ нужныхъ лицъ, или присланныя неопытными сотрудниками, не имѣвшими руководителя въ редакціи. Газета имѣла большой успѣхъ. Большинство говорило, что потому выписываетъ эту газету, что она сообщаетъ самыя полныя и свѣжія свѣдѣнія, но, кажется, вѣрнѣе можно было бы сказать, потому, что Краевскій давалъ публикѣ постоянно пикантную пищу. Газета и редакторъ были мнѣ всегда противны, и вдругъ я вздумалъ съ такимъ господиномъ вести дѣло, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ. Просто досадно вспомнить о такой моей оплошности.

Пріѣхавъ къ Краевскому и оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, я взялъ съ него честное слово, что весь нашъ разговоръ останется между нами, причемъ мы пожали другъ другу руки. Я сказалъ ему, что вмѣсто офиціальнаго разговора я буду съ нимъ говорить такъ, какъ дѣло есть, что я совѣтую ему прекратить полемику о поповкахъ, что статьи эти начинаютъ раздражать высшія власти, что въ эти статьи замѣшанъ наслѣдникъ престола, который дѣлаетъ нѣкоторыя поправки въ нихъ, что, имѣя такихъ августѣйшихъ сотрудниковъ, не знаешь, гдѣ обожжешься. Я показалъ ему собственноручныя поправки наслѣдника на статьѣ въ пользу поповокъ, которую теперь привезъ для напечатанія и которую мнѣ передалъ Поповъ для большаго убѣжденія Краевскаго. Послѣдній меня очень благодарилъ, обѣщалъ весь разговоръ сохранить въ секретѣ и напечатать статью. Дѣйствительно, статья появилась въ газетѣ, но чрезъ два-три дня появилось возраженіе на нее, заключавшее въ себѣ больше личностей, чѣмъ дѣла, подписанная полными буквами: «графъ Александръ Апраксинъ». Дѣло разыгралось такимъ образомъ: передовую статью, породившую всю полемику, написалъ этотъ самый графъ Апраксинъ. Онъ когда-то служилъ во флотѣ, былъ адъютантомъ великаго князя генералъ-адмирала и разъѣзжалъ съ нимъ. Онъ, говорятъ, былъ какъ-то обиженъ великой княгиней Александрой Іосифовной и съ тѣхъ поръ старался мстить великому князю Константину Николаевичу. Между тѣмъ, судьба сблизила его съ дворомъ наслѣдника, а именно дочь его подружилась съ цесаревной. Я встрѣчался нѣсколько времени съ Апраксинымъ въ правленіи общества спасанія на водахъ, куда мы оба были выбраны членами; всегда желчный и ядовитый, онъ производилъ на меня непріятное впечатлѣніе. Раздосадованный прекращеніемъ полемики, которая давала ему отличное средство жалить генералъ-адмирала, Апраксинъ явился къ Краевскому, который, вѣроятно, за какія-нибудь обѣщанныя выгоды разсказалъ ему о свиданіи со мною. Апраксинъ передалъ обо всемъ этомъ наслѣднику, который, должно быть, не зналъ, что полемизируетъ со своимъ домашнимъ человѣкомъ. Наслѣдникъ призвалъ Краевскаго, переспросилъ его, написалъ непріятное письмо Попову, зачѣмъ онъ передалъ мнѣ его поправки, и далъ знать Краевскому, что не встрѣчаетъ препятствія къ продолженію полемики. Однимъ словомъ, дѣло вышло прескверное вслѣдствіе моей довѣрчивости и предательства Краевскаго. Совершенно по дѣломъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ Краббе, и хотя онъ въ заключеніе сказалъ мнѣ, что призвалъ меня не для выговора, а чтобы поставить меня въ извѣстность о томъ, что надѣлала моя неосторожность, на случай, если со мной будетъ говорить объ этомъ генералъ-адмиралъ, я глубоко чувство валъ свою вину. Съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращался я домой,

но зато во сто кратъ больше чувствовалъ счастье, что сдаю мою каторжную должность.

Наступило 1-ое января 1875 года, морозный день съ свѣжимъ снѣгомъ, закидывавшимъ улицы чуть не на аршинъ. Заскрипѣли колеса каретъ по этому снѣгу, понеслись сани съ поздравляющими по случаю Новаго года. Я также выѣхалъ на двухъ наемныхъ клячахъ, поѣхалъ къ Краббе, къ великому князю, къ адмиральшѣ Грейгъ. Краббе принялъ меня въ постели: нога не позволяла ему встать. Великій князь былъ очень милостивъ и, несмотря на то, что торопился въ Зимній дворецъ, разспросилъ меня о здоровьѣ. Цѣлуя его въ плечо и благодаря, я это дѣлалъ отъ глубины сердца: онъ былъ всегда ко мнѣ очень добръ. Старушка Грейгъ обнимала меня и поздравляла, радуясь, какъ за сына. Много разныхъ лицъ пріѣзжало ко мнѣ въ этотъ день; привозили карточки, расписывались. Но оказались и такіе, которые съ этого же дня повернули ко мнѣ спину, какъ къ человѣку, отъ котораго нечего было ожидать. Аркадій Николаевичъ Мицкевичъ, бывшій дѣлопроизводителемъ канцеляріи морского министерства и пылавшій въ то время ко мнѣ всякими чувствами глубочайшаго расположенія и преданности, а въ это время уже занимавшій должность директора канцеляріи государственнаго контроля, при Грейгѣ, былъ въ числѣ первыхъ отвернувшихся. Не было недостатка въ этотъ день и въ послѣдующіе и въ словахъ истиннаго ко мнѣ сочувствія и расположенія, въ искреннихъ пожеланіяхъ всего добраго, въ этой высшей наградѣ для человѣка, окончившаго свою дѣятельность, наградѣ за прошлое, если въ прошломъ есть достойное такой награды. Не было недостатка и въ сочувственныхъ упрекахъ, въ сожалѣніи, зачѣмъ рано оставляю дѣятельную службу. Я оправдывался, говоря, что съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ университетскую скамью, я работалъ неутомимо, что здоровье мое надтреснуто; зачѣмъ же губить себя? Никому не будетъ отъ этого пользы. Хорошіе, добрые пріятели потѣшались насчетъ будущей моей дѣятельности въ адмиралтействъ-совѣтѣ. Одинъ разсказалъ про адмирала Качалова. Онъ былъ когда-то членомъ генералъ-аудиторіата. По какому-то дѣлу потребовалось подписать членамъ журналъ ранѣе слѣдующаго засѣданія, т.-е. послать журналъ къ подписанію членамъ на домъ. Послали и къ Качалову. «Это присылаютъ ко мнѣ къ подписи?—допрашивалъ онъ курьера:—вотъ еще что вздумали! Безпокоить членовъ на дому! Да чѣмъ я подпишу? У меня и въ заводѣ нѣтъ этой дряни: чернилъ и перьевъ». Увѣряли, что и я дойду до такого же совершенства. Другой пріятель разсказывалъ случай попикантнѣе. Какой-то провинціалъ пріѣхалъ въ бывшій сенатъ, чтобы похлопотать по своему дѣлу, и обратился къ швейцару съ вопросомъ, кто самый сильный изъ генераловъ. Тотъ предложилъ ему подождать немного. «Вотъ скоро начнется

засѣданіе, всѣ они будутъ проходить мимо, и я вамъ укажу», сказалъ онъ. Пріѣзжаетъ одинъ: едва передвигаетъ ноги, другого вводятъ подъ руки, третьяго поднимаютъ на креслахъ. Наконецъ появляется одинъ какой-то старичокъ и кажется такимъ же дряхлымъ, какъ другіе. «Вотъ самый сильный», показалъ на него швейцаръ.—«А почему ты такъ думаешь»,—спрашиваетъ проситель:—что это самый сильный?»—«А какъ же,—отвѣчаетъ тотъ:—когда другіе ходятъ въ отхожее мѣсто, мы имъ застегиваемъ штаны, а этотъ самъ застегиваетъ». «Потѣшайтесь, потѣшайтесь, господа,—говорилъ я:—а все-таки я своимъ трудомъ, а не протекціей достигъ того, что взятъ живой на небо. Любя васъ, могу вамъ пожелать того же».

Невыразимо тяжелъ былъ для меня день, когда мнѣ пришлось прощаться съ моими бывшими подчиненными въ канцеляріи. На нихъ я всегда смотрѣлъ не какъ на подчиненныхъ, но какъ на моихъ добрыхъ товарищей, поставленныхъ большею частью судьбою въ такое же незавидное положеніе, какъ и я,—снискивать себѣ кусокъ хлѣба тяжкимъ умственнымъ трудомъ, будучи руководимыми волею, а иногда и прихотью начальства. Собственнымъ опытомъ зная всю тяжесть и горечь такого положенія, я глубоко цѣнилъ его въ другихъ, и это сознаніе вызывало у меня постоянно то чувство искренней любви къ моимъ сотрудникамъ, которой они не могли не видѣть. Не мнѣ говорить, былъ ли я хорошимъ начальникомъ, но, положа руку на сердце, могу сказать, что я пользовался всякимъ представлявшимся мнѣ случаемъ, чтобы показать своимъ сотрудникамъ, какъ я цѣню ихъ работу, показать не однимъ словомъ, но и матеріально, на дѣлѣ, между прочимъ постояннымъ вниманіемъ къ нуждамъ ихъ и ихъ семействъ. Не увеличивать состава служащихъ въ канцеляріи, но поощрять умственную работу хорошими вознагражденіями, требовать отъ нихъ многаго, но самому подавать примѣръ работою, обращать вниманіе на молодежь, на начинающихъ, знать ихъ способности и учить, неустанно оберегать всѣхъ служащихъ подъ моимъ начальствомъ отъ всякихъ напастей въ жизни, наконецъ, быть со всѣми человѣкомъ—было моимъ символомъ и девизомъ. Моя совѣсть чиста относительно моихъ подчиненныхъ, и только одинъ случай для меня составляетъ тяжелое воспоминаніе.

Князь Суворовъ-Рымникскій, будучи предсѣдателемъ общества покровительства животныхъ, прислалъ мнѣ, какъ директору канцеляріи, полученное обществомъ безыменное письмо, наполненное ругательствами по адресу общества и запечатанное казенною печатью канцеляріи морского министерства. Печатью никто не могъ воспользоваться, кромѣ лицъ, служащихъ въ канцеляріи, и такой цинизмъ автора въ отношеніи учрежденія, въ которомъ онъ служитъ, крайне меня оскорбилъ. Я поручилъ нашему экзекутору по-

разобрать, кто бы изъ служащихъ у насъ могъ быть такимъ авторомъ, и черезъ нѣсколько дней онъ доложилъ мнѣ, что, по всѣмъ соображеніямъ, это нѣкій Фридрихсъ, числившійся въ составѣ чиновниковъ канцеляріи, но не занимавшій штатной должности. Дѣйствительно, было много вѣроятія: сходство почерка въ способѣ писанія нѣкоторыхъ буквъ, обстоятельство, что Фридрихсъ писалъ стихи (пасквиль былъ написанъ стихами), довольно легкій характеръ этого чиновника, знакомство съ главными дѣятелями въ обществѣ... Я рѣшился позвать къ себѣ Фридрихса и сказалъ ему, что на него падаетъ подозрѣніе; что, если онъ откровенно сознается, я ограничу все дѣло тѣмъ, что предложу ему оставить службу въ канцеляріи; въ противномъ же случаѣ долженъ буду назначить слѣдствіе, и дѣло получитъ огласку. Онъ рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что не писалъ этого пасквиля. Мнѣ слѣдовало здѣсь остановиться, но я имѣлъ неосторожность начать уговаривать его сознаться. Тогда онъ, чувствуя себя крайне обиженнымъ, объявилъ мнѣ, что требуетъ назначенія слѣдствія. Слѣдствіе было назначено, и открылось, что печать была кѣмъ-то срѣзана съ казеннаго пакета, посланнаго изъ канцеляріи морского министерства, и очень искусно приклеена клеемъ къ конверту, заключавшему въ себѣ пасквиль. Такъ какъ капцелярія ежедневно разсылала множество пакетовъ со своею печатью, то дальнѣйшее слѣдствіе дѣлалось невозможнымъ, да и ненужнымъ. Хотя я извинился передъ Фридрихсомъ въ присутствіи его непосредственнаго начальника, тѣмъ не менѣе я былъ неправъ передъ подчиненнымъ и потомъ всегда хорошо помнилъ этотъ урокъ тѣмъ болѣе, что обиженный мною чиновникъ даже вышелъ изъ канцеляріи и не далъ мнѣ такимъ образомъ хоть сколько-нибудь загладить мою вину [1]).

Такъ какъ я подъ предлогомъ болѣзни отказался принять обѣдъ, который затѣвали въ мою честь чиновники, то я просилъ ихъ собраться въ одну комнату въ канцеляріи въ назначенный мною день и часъ, чтобы проститься съ ними, присоединивъ къ нимъ и начальника музея съ помощниками, какъ учрежденія также близкаго моему сердцу. Я былъ крайне взволнованъ, когда вошелъ въ комнату, и почти не могъ говорить: слезы подступали къ горлу. Кто-то при этомъ сосчиталъ примѣръ, что я былъ болѣе пяти тысячъ разъ въ канцеляріи за время моей службы. Кругомъ меня стояли все лица, съ которыми столько времени приходилось мнѣ дѣлить каждый день труды, взгоды и невзгоды; какъ тутъ остаться равнодушнымъ! Къ счастью, Лесовскій задержалъ на нѣсколько

---

[1]) Впослѣдствіи, впрочемъ, когда я уже не былъ директоромъ, онъ обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ въ одномъ дѣлѣ. Я хлопоталъ за него изо всѣхъ силъ, и онъ сдѣлался однимъ изъ преданнѣйшихъ мнѣ лицъ.

минутъ Пещурова, и я имѣлъ время немного оправиться. Я высказалъ, что благодарю ихъ отъ души за содѣйствіе мнѣ во время службы, что я вполнѣ сознаю, что безъ ихъ содѣйствія я не достигъ бы и того положенія, которое теперь занялъ и о которомъ долго мечталъ, что насъ связывало не одно сознаніе долга службы, но и чувства взаимной любви и взаимнаго довѣрія, которыя облегчали трудъ, возвышали удовольствіе отъ удачи и дѣлали возможнымъ легче переносить неудачи, что я получилъ это руководящее начало въ наслѣдство отъ моего предмѣстника, С. А. Грейга, и передаю его моему преемнику, желая отъ души, чтобы оно всегда оставалось такъ же живо въ канцеляріи, какъ было до сихъ поръ. Въ заключеніе я просилъ присутствовавшихъ пополнить фотографическими карточками тотъ альбомъ, который мнѣ былъ поднесенъ послѣ десятилѣтней моей службы въ канцеляріи и въ которомъ недостаетъ портретовъ нѣсколькихъ лицъ, поступившихъ въ канцелярію позднѣе.

Представленіе государю всегда сопряжено для меня съ нѣкоторымъ волненіемъ не только потому, что я представляюсь могущественнѣйшему человѣку въ мірѣ, но по той глубокой любви, которую я питаю къ нему за его великія дѣянія. Вотъ человѣкъ, который въ XIX вѣкѣ можетъ по справедливости быть названъ великимъ! Его дѣянія не завоеванія, но благодѣянія для человѣчества. Когда я былъ еще въ первый разъ за границей, я гулялъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ. Это было вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Мы обошли зданіе Palais de l'industrie и прочитывали имена тѣхъ великихъ людей, благодѣтелей человѣчества, имена которыхъ высѣчены надъ колоннами этого зданія. Мы обошли кругомъ: ни одного имени не только русскаго, но даже славянскаго. «А какое помѣстили бы вы здѣсь изъ русскихъ именъ, если бы спросили вашего совѣта?» спросилъ меня вдругъ Милютинъ. Вопросъ былъ слишкомъ неожиданъ. Подумавъ немного, я произнесъ нерѣшительно: «Развѣ Ломоносова?»—«Пожалуй, такъ,—отвѣчалъ Милютинъ:—но онъ слишкомъ національненъ. Заслуги его преимущественно для Россіи, а не всемірныя. Знаете, кого я сказалъ бы? Императора Александра Николаевича. Кто освободилъ двадцать два милліона людей отъ рабства, тотъ оказалъ услугу всему человѣчеству». Милютинъ былъ правъ, тысячу разъ правъ. И послѣдующая дѣятельность государя только подтверждаетъ его величіе въ этомъ направленіи. Какое благоразуміе во внутреннихъ реформахъ, какая честность во внѣшней политикѣ! Разсматривая его дѣятельность въ подробностяхъ, можно безъ преувеличенія сказать, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый благоразумный человѣкъ въ Россіи, и что онъ остался человѣкомъ тамъ, гдѣ это почти невозможно: на престолѣ и въ политикѣ.

Я не въ первый разъ представлялся государю по случаю полученія наградъ. Это обыкновенно происходило такъ: насъ, то-есть всѣхъ получавшихъ по морскому вѣдомству награды къ такому-то дню, къ Пасхѣ или Новому году, высшихъ чиновъ, собирали въ небольшой залѣ, сосѣдней съ государевымъ кабинетомъ, въ той, которая выходитъ окнами противъ Адмиралтейства и имѣетъ дверь съ балкономъ. Обыкновенно въ этой залѣ государю представлялись только военные и моряки. Зала имѣетъ двѣ большія военныя картины, слишкомъ большія по размѣрамъ комнаты; въ углу стоятъ литавры, нѣсколько знаменъ; кругомъ стулья, обтянутые сафьяномъ. Крайне просто и некомфортабельно, особенно если къ этому присовокупить, что въ эту залу ведетъ коридоръ, хотя и обширный, но полутемный. Насъ располагали въ рядъ, спиною къ окнамъ, старшіе ближе къ дверямъ государя. Я почти всегда находился послѣднимъ, ибо былъ гражданскимъ лицомъ, а военные и моряки, даже только что произведенные капитаны, всегда имѣютъ шагъ предъ гражданскимъ чиновникомъ. Гражданскихъ же чиновниковъ въ высшихъ чинахъ такъ мало въ морскомъ министерствѣ, что мнѣ почти одному приходилось представляться государю.

Въ опредѣленный часъ (почти всегда минута въ минуту, какъ было назначено) выходилъ государь изъ кабинета; великій князь генералъ-адмиралъ шелъ подлѣ него и называлъ ему насъ поименно и объяснялъ, по какому поводу кто представляется. Съ нѣкоторыми государь говорилъ, то-есть произносилъ нѣсколько словъ, дѣлалъ нѣсколько вопросовъ; нѣкоторымъ протягивалъ руку. Полтора года тому назадъ, когда я представлялся по поводу полученія владимирской звѣзды, онъ остановился передо мною, несмотря на то, что я стоялъ предпослѣднимъ, и сказалъ: «Благодарю тебя за твою отличную службу». На этотъ разъ я душевно желалъ, чтобы онъ мнѣ протянулъ руку, не изъ тщеславія, но чтобы имѣть возможность поцѣловать эту руку, которая подписала указъ объ освобожденіи крестьянъ и доставила счастье такому маленькому человѣку, какъ я, принять посильное участіе въ работахъ по этой великой реформѣ. Къ сожалѣнію, этого не случилось, и государь ограничился общимъ намъ поклономъ. Около меня (я по обыкновенію замыкалъ рядъ моряковъ) стоялъ какой-то военный въ чинѣ полковника, откланивавшійся по случаю возвращенія въ полкъ. Государь спросилъ его, почему онъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ. «По случаю болѣзни сына, гимназиста», отвѣчалъ онъ. «Что же онъ выздоровѣлъ?»—«Нѣтъ, государь, умеръ». Съ какимъ глубокимъ чувствомъ соболѣзнованія вырвались у государя слова: «Ахъ, бѣдный!» Съ какимъ глубокимъ участіемъ началъ онъ разспрашивать: какая болѣзнь, есть ли еще дѣти? Видно, что онъ добрый человѣкъ. Это нисколько не было офиціальное сожалѣніе.

IX.

Балетъ въ инженерномъ училищѣ.—Жена Краббе и казенная квартира.—Образованіе техническаго училища въ Кронштадтѣ. — Домашній бытъ Краббе: халатъ, собаки, нецензурные анекдоты и вещи.—Болѣзнь.

Въ С.-Петербургѣ я пробылъ послѣ моего назначенія еще около двухъ мѣсяцевъ, дѣлая и принимая визиты; разъ былъ въ засѣданіи адмиралтействъ-совѣта и очень часто бывалъ у Краббе. Это были послѣднія мои съ нимъ свиданія въ жизни. Не знаю, суждено ли мнѣ описать въ этихъ запискахъ подробно періодъ моей съ нимъ дѣятельности въ теченіе 14 лѣтъ, но на этомъ крайнемъ рубежѣ моихъ сношеній съ нимъ образъ этого оригинала изъ оригиналовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добрѣйшаго, умнѣйшаго и практичнѣйшаго изъ людей представляется мнѣ какъ-то особенно рельефно. Не пускаясь въ отвлеченныя мудрствованія и общія характеристики, я просто изложу рядъ обыденныхъ явленій, относящихся къ этимъ днямъ, и нѣкоторыя воспоминанія, вызываемыя ими.

Въ январѣ и февралѣ 1875 года, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, Н. К. Краббе уже болѣе года жилъ въ казенной квартирѣ въ Главномъ Адмиралтействѣ, противъ Сената. Въ первый разъ я познакомился съ этимъ помѣщеніемъ при довершенно оригинальной обстановкѣ. Громадный залъ, изъ котораго выкроили кабинетъ и бильярдную для квартиры управляющаго министерствомъ, составлялъ прежде столовую помѣщавшагося въ этой части зданія Адмиралтейства инженернаго и артиллерійскаго училища морского вѣдомства, и я въ первый разъ въ 1862 или 1863 году былъ здѣсь, чтобы посмотрѣть представленіе балета. Какъ балета? Что за чепуха! Балетъ въ инженерномъ училищѣ, въ Адмиралтействѣ? Да, балетъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Директоромъ училища въ то время былъ генералъ-майоръ Карлъ Карловичъ Сидеснеръ. Почему онъ попалъ въ директоры, трудно сказать. Человѣкъ очень добрый, но въ головѣ у него всегда такой сумбуръ, въ способѣ держать себя такъ много комическаго, въ способѣ выраженія такая путаница, что его, напротивъ, слѣдовало бы дальше держать отъ юношества. Воспитанники въ его училищѣ имѣли хорошаго учителя танцевъ, умѣвшаго заинтересовать ихъ, навострились танцовать на училищныхъ балахъ. И вотъ балетмейстеру или директору пришла оригинальная мысль похвастаться передъ публикой этимъ искусствомъ въ болѣе трудной формѣ, и на святкахъ въ училищѣ поставили балетъ въ одномъ актѣ. Успѣхъ былъ такъ великъ, что пришлось повторить представленіе. Было все, какъ въ настоящемъ балетѣ. Моложавые и хорошенькіе мальчики были одѣты въ коротенькія юбочки, нарумянены, улыбались, дѣлали глазки; воспитанники постарше и разухабистѣе въ разныхъ пируэтахъ выражали

предъ ними свои чувства, клялись въ любви, просили взаимности. Выходило очень недурно, успѣхъ былъ полный, и Сидеснеръ съ чувствомъ гордости посматривалъ на многочисленныхъ посѣтителей. Хотѣлось бы знать, съ какимъ чувствомъ вспоминаетъ теперь какой-нибудь бородатый инженеръ о той роли, которую онъ исполнялъ публично десятокъ-другой лѣтъ тому назадъ въ коротенькой юбочкѣ и нарумяненный?

Жена Краббе, Эмилія Даниловна, дочь какого-то оркестроваго музыканта изъ нѣмцевъ, нѣмка до конца ногтей и неугомонная трещотка всякаго вздора, очень желала получить казенную квартиру. У нея были какія-то воспоминанія о житьѣ въ казенной квартирѣ, когда мужъ ея былъ адъютантомъ князя Меншикова, но, кажется, брали верхъ выгоды не духовнаго, а матеріальнаго свойства: казенныя отопленіе и освѣщеніе, казенная прислуга, просторъ помѣщенія. Самъ Краббе былъ не прочь переѣхать на казенную квартиру, иногда бѣгло выражая эту мысль, но самъ не хлопоталъ. Онъ понималъ всю нелѣпость подобныхъ хлопотъ, когда немного лѣтъ тому назадъ, при началѣ управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ, казенное помѣщеніе для служащихъ признано было разорительнымъ для казны расходомъ и казенные дома морского вѣдомства были проданы или отданы даже даромъ; такъ, напримѣръ, подарили большой домъ на Англійской набережной воспитателю великаго князя, Литке, который не преминулъ его продать. Краббе жилъ въ 17-й линіи Васильевскаго острова, на набережной Большой Невы. Было довольно далеко къ нему ѣздить, да всѣ привыкли, и никто не жаловался на неудобства. Вдругъ въ 1872 году дѣло о казенной квартирѣ для управляющаго министерствомъ выплыло впередъ совершенно неожиданно. Лѣтомъ генералъ-адмиралъ былъ въ Англіи вмѣстѣ съ адмираломъ Поповымъ. Тамъ онъ посѣтилъ какого-то главнаго командира въ порту. Поповъ, желая угодить управляющему министерствомъ и его женѣ, или безъ всякой задней мысли обратилъ вниманіе великаго князя на то, какъ у главнаго командира всѣ его подчиненные подъ рукою. Всѣ являлись тотчасъ же, какъ скоро онъ требовалъ, потому что всѣ жили въ одномъ съ нимъ домѣ, а такъ какъ и телеграфъ былъ проведенъ въ домъ, то моментально можно было дѣлать всякія распоряженія по всему земному шару. «А у насъ,—сказалъ Поповъ,—всѣ живутъ въ различныхъ отдаленныхъ частяхъ города, и, чтобы покончить дѣло, приходится употребить нѣсколько часовъ на разъѣзды. Вотъ почему медленно идутъ у насъ дѣла». Мысль о возможности моментально дѣлать распоряженія увлекла великаго князя, и я получилъ чрезъ Попова приказаніе сообразить, какъ приспособить ту часть Главнаго Адмиралтейства противъ Сената, гдѣ помѣщается инженерное и артиллерійское училище, подъ квартиры управляющаго министерствомъ, директора канцеляріи, ди-

ректора инспекторскаго департамента, вице-директоровъ этихъ учрежденій и главнаго командира С.-Петербургскаго порта, а училище перевести въ Кронштадтъ и присоединить его тамъ къ штурманскому училищу, наименовавъ всѣ ихъ морскимъ техническимъ училищемъ.

Тщетно при первомъ докладѣ я уговаривалъ великаго князя отказаться отъ мысли о передѣлкѣ Главнаго Адмиралтейства, говорилъ ему, что это обойдется очень дорого, какъ передѣлка всякаго зданія, построеннаго для другой цѣли, что эта мѣра не принесетъ большой пользы, ибо только въ рѣдкихъ случаяхъ директоры канцеляріи или инспекторскаго департамента согласятся доложить дѣло управляющему министерствомъ, не получивъ нужныхъ справокъ отъ дѣлопроизводителей, а послѣдніе попрежнему останутся жить внѣ Адмиралтейства, что никакой директоръ для пользы службы не можетъ позволить отрывать себя отъ серьезныхъ занятій для мелкихъ распоряженій, а управляющій министерствомъ, имѣя подъ рукой директоровъ, непремѣнно это будетъ дѣлать даже не по серьезнымъ дѣламъ, что, наконецъ, эта мѣра будетъ непослѣдовательна съ прежними его, великаго князя, распоряженіями, когда онъ продавалъ дома морского вѣдомства или даже дарилъ ихъ въ видахъ экономіи, чтобы уменьшить сумму, требуемую на ремонтъ зданій морского вѣдомства. Я проповѣдывалъ въ пустынѣ, несмотря на то, что это было въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, во время политехнической выставки, а великій князь былъ постоянно въ отличномъ расположеніи духа. Мнѣ было приказано заготовить всеподданнѣйшій докладъ о соединеніи инженернаго и артиллерійскаго училища со штурманскимъ и о помѣщеніи этого училища подъ наименованіемъ техническаго училища морского вѣдомства въ Кронштадтѣ, въ томъ зданіи, гдѣ прежде помѣщалось одно штурманское училище. Я исполнилъ, какъ было приказано, и высочайшее повелѣніе состоялось. На покрытіе же расходовъ по передѣлкѣ зданія Главнаго Адмиралтейства въ С.-Петербургѣ рѣшено было продать городу часть двора Главнаго Адмиралтейства, прилегающую къ рѣкѣ, чтобы продолжить набережную, которая соединяла бы Дворцовую набережную съ Англійскою, и образовать участки для постройки домовъ вдоль новой набережной частными лицами.

Началась передѣлка зданія. Краббе, относившійся къ этому дѣлу до сихъ поръ довольно равнодушно, принялъ теперь въ немъ живое участіе, пригласивъ придворнаго архитектора Гросса, съ которымъ онъ познакомился гдѣ-то на охотѣ, назначивъ громадные размѣры для своей квартиры. Жена его, разсчитывавшая, къ великому неудовольствію мужа, у себя, когда жила на квартирѣ, каждую свѣчу, такъ что, случалось, мы ожидали доклада въ темномъ залѣ, вдругъ развернулась: для нея потребовался и зимній садъ, и цѣльныя зеркальныя стекла въ спальню. Всю эту громаду

пришлось омеблировать, и передѣлка обошлась въ огромную сумму: квартиры управляющаго министерствомъ, директора инспекторскаго департамента надъ нею и небольшая квартира для доктора стоили 137.000 рублей. И немудрено! Адмиралтейство до такой степени не соотвѣтствовало своему новому назначенію, что, можно сказать, отъ стараго зданія остались однѣ внѣшнія стѣны; внутри все пришлось сдѣлать вновь. И вотъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей болѣзни Краббе переѣхалъ на новоселье, переѣхалъ со всею своею обычною обстановкою: съ халатами, собаками и великимъ множествомъ вещей крайне «скоромнаго» содержанія.

Надо быть очень ловкимъ и умнымъ человѣкомъ, чтобы, пройдя службу отъ мичмана до министра, не сдѣлать во все это время никакихъ уступокъ требованіямъ общественной жизни и своего общественнаго положенія въ отношеніи внѣшней обстановки. Краббе выполнилъ это. Знавшіе его въ молодости помнятъ его халатную жизнь, его страсть къ собакамъ, нецензурнымъ анекдотамъ и вещамъ. То же самое осталось за нимъ и въ то время, когда онъ былъ управляющимъ министерствомъ. Все это разрослось: число халатовъ увеличилось, они сдѣлались шелковые; число собакъ и анекдотовъ также увеличилось: кабинетъ вещей «скоромнаго» содержанія принялъ чудовищные размѣры, какихъ, можетъ быть, не достигало ни одно собраніе въ мірѣ, но въ сущности все было то же. Въ халатѣ, безъ галстука, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, въ туфляхъ, съ собаками у ногъ, возсѣдалъ онъ въ мягкомъ креслѣ за письменнымъ столомъ, принимая и доклады, и посѣтителей. Такъ какъ опредѣленныхъ часовъ для этого не назначалось и всякій безъ исключенія впускался безъ доклада, то изъ всего этого выходила страшная кутерьма. Доклады безпрестанно прерывались, самыя разнообразныя личности встрѣчались въ кабинетѣ: министры, члены Государственнаго Совѣта съ мелкимъ чиновникомъ, адмиралъ съ мичманомъ, попъ съ актеромъ, подрядчикъ, заводчикъ съ своимъ конкуррентомъ. Неожиданно входилъ какой-нибудь молодой гвардеецъ, съ которымъ сведено знакомство на охотѣ, биржевой купецъ, знакомый на тѣхъ же основаніяхъ, егерь съ собаками, кучеръ. Влетала Эмилія Даниловна спросить разрѣшеніе по разнымъ хозяйственнымъ распоряженіямъ. Это было своего рода гласное, публичное рѣшеніе дѣлъ. Краббе осыпалъ всѣхъ прибаутками, анекдотами большею частью «скоромнаго» содержанія и въ то же время подписывалъ бумаги. Но докладъ, тѣмъ не менѣе, выслушанъ, понятъ и запомненъ. Въ каждомъ дѣлѣ на лету схвачено живое мѣсто, суть, все понято на половинѣ фразы, дѣло рѣшено и никогда уже не забудется. Такой удивительной и точной памяти я не встрѣчалъ и болѣе, вѣроятно, не встрѣчу въ жизни. Съ этимъ удивительнымъ талантомъ быстро схватывать суть дѣла, съ этою удивительною его памятью можетъ сравняться развѣ лишь его удивительный

глазъ: онъ не только могъ всегда замѣтить всякое малѣйшее отступленіе отъ формы въ офицерѣ и матросѣ, но и видѣлъ каждаго человѣка насквозь. Лгать предъ нимъ было если не невозможно, то по крайней мѣрѣ очень опасно. Иногда при такихъ публичныхъ докладахъ входило такое важное лицо, что вся публика на нѣсколько минутъ высылалась въ сосѣднюю комнату, и послѣ аудіенціи Краббе, сопровождаемый собаками, провожалъ гостя до передней, запахивая халатъ и шлепая своими туфлями. Не могу безъ смѣха вспомнить нѣкоторыхъ эпизодовъ. Напримѣръ, что можетъ быть комичнѣе Краббе въ халатѣ, туфляхъ, съ двумя деревянными чашками въ рукахъ, наполненными какой-то похлебкой, раздѣляющаго вниманіе между своими собаками, которыхъ онъ къ себѣ пріучалъ, давая самъ имъ пищу, и докладчикомъ. Докладчикъ, то-есть я, невозмутимо исполнялъ свое дѣло, въ полномъ сознаніи, что ни одно его слово не пропадетъ даромъ, собаки съ аппетитомъ лакаютъ. Краббе обращается то ко мнѣ, то къ собакамъ: «Согласенъ»... «Кушай, милый Кантъ» (такъ классически называлась одна его любимая собака, купленная у какого-то мужика).... «Отвѣчайте ему (то-то), да не позабудьте написать (того-то)»... «Не побрезгай скушать еще одну чашечку, милая Норма» (такъ звали другую собаку)... Докладчикъ внимательно слушаетъ, что относится къ нему, что къ собакамъ... Да вѣдь это, собственно говоря, обидно! Да, правда, обидно, но зато докладъ оконченъ, дѣло сдѣлано правильно, рѣшенію всегда вполнѣ сочувствуешь... Обиду-то и проглотишь. Притомъ такая фамильярность допускается имъ не относительно меня одного: Краббе одинаковъ со всѣми. Со мною только онъ особенно добръ, отечески добръ. Замѣтилъ, что не въ духѣ, разскажетъ тотчасъ анекдотъ и заставитъ смѣяться. Гдѣ тутъ обижаться? А придется за кого-нибудь просить, за подчиненныхъ, идешь въ полной увѣренности, что не будетъ отказа, что будетъ встрѣчено сочувственно, тепло. Ну, и растаешь. А былъ случай, что однажды такое передергиваніе нервовъ довело до того, что я не выдержалъ; было такъ обидно и досадно, что я расплакался, какъ ребенокъ, расплакался въ пріемной во дворцѣ великаго князя въ присутствіи постороннихъ. Просто срамъ! Что дѣлать, не совладалъ съ собою! Но зато и какія теплыя, задушевныя извиненія потомъ со стороны Краббе, пересыпанныя словами: «голубчикъ», «родной»... У самого даже выступили слезы.

Чрезвычайно также комично выходили слѣдующіе эпизоды. Какъ-нибудь послѣ доклада Краббе выдумаетъ по поводу какой-либо вновь полученной вещи показывать мнѣ свои сокровища изъ области пикантнаго, которыми у него наполнены цѣлые шкапы. «Посмотрите вотъ это...» «А это какъ вамъ нравится?..» «А вотъ это?..» «Да наблюдайте, чтобы кто-нибудь не вошелъ...» И мы погружаемся въ разглядываніе. Вдругъ въ дверяхъ появляется ка-

кой-нибудь посѣтитель или даже Эмилія Даниловна. И, Боже мой, въ какихъ попыхахъ Краббе! Рукъ только двѣ, а надо и запахнуть халатъ, и захлопнуть шкапъ, и спрятать то, что находится въ рукахъ. Какъ будто школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. И это послѣ того, какъ онъ рѣшалъ самыя сложныя, серьезныя дѣла. Кабинетъ его пикантныхъ вещей достигъ чудовищныхъ размѣровъ, Краббе всегда былъ охотникомъ собирать подобнаго рода вещи. Послѣ смерти мужа великой княгини Маріи Николаевны герцога Лейхтенбергскаго къ нему какимъ-то путемъ поступила коллекція такихъ вещей, оставшихся отъ герцога. Затѣмъ командиры судовъ привозили ему разныя подобныя вещи изъ кругосвѣтныхъ плаваній, директоръ департамента таможенныхъ сборовъ Пашковъ, князь Оболенскій и Качаловъ присылали ему на выборъ всѣ вещи, которыя конфисковались въ таможняхъ, с.-петербургскіе градоначальникъ и оберъ-полицеймейстеръ—все, конфискованное у торговцевъ въ С.-Петербургѣ. Наконецъ, даже самъ государь иногда дарилъ ему такія вещи во время докладовъ. Послѣ того можно себѣ представить, какая масса вещей такого рода у него накопилась. Это собраніе потеряло уже цѣль безпутнаго щекотанія чувственности. Оно получило серьезный характеръ собранія вещей, по которымъ можно изучать одну изъ отраслей дѣятельности человѣческаго воображенія «Я сдѣлалъ распоряженіе,—сказалъ онъ мнѣ однажды:—чтобы послѣ моей смерти это мое собраніе передали въ одинъ изъ музеевъ. Имя адмирала Краббе будетъ знаменито наравнѣ съ именемъ Баркова въ Россіи». Мнѣ, какъ директору канцеляріи, нельзя было всего докладывать такъ публично, а потому, когда мнѣ требовался докладъ съ глазу на глазъ, я пріѣзжалъ обыкновенно къ нему поздно вечеромъ, когда онъ возвращался изъ театра, и докладъ начинался большею частью за полночь.

Со всею этою удивительною обстановкою, со всѣми своими привычками, Краббе переселился съ Васильевскаго острова въ свою новую обширную и великолѣпную квартиру въ Адмиралтействѣ и нисколько не отступилъ и здѣсь отъ этихъ привычекъ и обстановки. Громадный кабинетъ въ новой квартирѣ, отмежеванный имъ самимъ въ такихъ размѣрахъ, при составленіи плана, остался пустымъ. Въ немъ Краббе ни разу не занимался. Всю свою дѣятельность и жизнь онъ сосредоточилъ въ своей спальнѣ, которую и устроилъ по своему вкусу: толстые ковры, тройныя рамы въ окнахъ, широчайшій диванъ, такая же кровать, халатъ на плечахъ и вѣшалка съ халатами въ углу, 20° тепла, собаки у ногъ и кругомъ многое множество предметовъ «скоромнаго» содержанія. Эти послѣдніе предметы были скрыты повсюду. Не говоря уже о шкапахъ, которые ломились подъ тяжестью этого товара, стоило

только повернуть гравюру очень приличнаго содержанія, повѣшенную на стѣнѣ, какъ тамъ уже была другая картина, вовсе не приличная; находившіяся на столахъ письменныя принадлежности, всякія бездѣлушки,—все явно или тайно заключало въ себѣ тотъ же матеріалъ. Подымешь или повернешь какую-нибудь вещь, тамъ что-либо и выскочитъ. Какъ-то разъ у меня разболѣлась голова при докладѣ, и я попросилъ позволенія налить нѣсколько капель одеколона изъ стоявшаго на столѣ столь обычной формы флакона въ соломѣ, но оказалось, что тамъ былъ вовсе не одеколонъ, и оттуда выскочила какая-то фигурка.

И на новой квартирѣ продолжался тотъ же способъ публичности докладовъ или даже хуже. Число дверей въ спальнѣ, гдѣ производились эти доклады, было одною меньше, чѣмъ въ прежнемъ кабинетѣ на Васильевскомъ островѣ, Но въ эту спальню можно было пройти двумя подъѣздами съ улицы. Слѣдовательно, исчезъ даже послѣдній контроль надъ лицами, направлявшимися къ управляющему министерствомъ.

Но недолго Краббе прожилъ во всю ширину своей натуры на новосельѣ. Выше было сказано о постигшемъ его ударѣ, о поѣздкѣ за границу и на Кавказъ. Черныя пятна, показывавшіяся то на одной, то на другой ногѣ, соединенныя съ большою болью, положили его около новаго 1875 года вторично въ постель, и въ январѣ и февралѣ этого года, послѣ моего назначенія въ адмиралтействъ-совѣтъ, я посѣщалъ его, когда онъ лежалъ въ постели. Многое множество лицъ являлось тогда къ этой его постели, лицъ самыхъ разнообразныхъ состояній и свойствъ, начиная отъ наслѣдника престола, великихъ князей, министровъ и кончая мичманами, мелкими чиновниками, знакомыми по охотѣ, представителями театральнаго міра. Все это могло входить въ любой изъ двухъ подъѣздовъ и шло прямо въ спальню, къ постели, безъ доклада. Лежа въ постели подъ одѣяломъ въ полумракѣ, такъ какъ свѣтъ ослаблялся опущенными шторами и ширмами, освѣщенный огаркомъ свѣчи, горѣвшей цѣлый день для закуриванія папиросъ, принималъ онъ всѣхъ. Онъ даже управлялъ министерствомъ и, лежа, подписывалъ важнѣйшія бумаги. И каждый уходилъ отъ этой постели, служащій и подчиненный, съ добрымъ и чрезвычайно практичнымъ совѣтомъ или помощью, если она ему была нужна, а посторонній, насмѣявшись вдоволь отъ разсказовъ и анекдотовъ. Я по большей части приходилъ рано, послѣ утренней прогулки.

Ни одного лица онъ не сдѣлалъ несчастнымъ за время управленія своего министерствомъ, а облагодѣтельствовалъ многихъ. Я началъ писать свои записки почти съ конца, съ назначенія моего въ адмиралтействъ-совѣтъ, во всякомъ случаѣ съ конца моей правительственной дѣятельности. Не знаю, удастся мнѣ ли разсказать

все время моего вице-директорства и директорства, когда я былъ такъ близокъ къ этому замѣчательному человѣку и былъ свидѣтелемъ и участникомъ его государственной дѣятельности. Но могу теперь же сказать, что прекращеніе заказовъ судовъ и артиллеріи за границею, созданіе въ Россіи кораблестроительныхъ заводовъ и экспедиція въ Америку въ 1863 г., во время готовившагося разрыва съ Европою ради Польши—всецѣло принадлежатъ ему и всегда останутся величайшими его заслугами, дающими ему мѣсто въ исторіи.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА.

X.

Вступленіе автора въ адмиралтействъ-совѣтъ.—Члены его: адмиралъ А. В. Щулепниковъ, адмиралъ И. И. фонъ-Шанцъ.—Литературные труды Шанца и командировка въ Америку.—Практическія его способности.—Адмиралъ К. И. Истоминъ.— Генералъ И. А. Амосовъ.— Адмиралъ С. В. Воеводскій.—Адмиралъ Е. А. Беренсъ —Генералъ В. Н. Мещеряковъ.—Музыкальныя занятія.—А. Ѳ. Дробишъ.—А. Т. Григоровичъ.—Квартетныя собранія.—Отъѣздъ за границу.

ВЕСЬ январь я былъ занятъ визитами. Я посѣтилъ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, т. е. директоровъ, предсѣдателей отдѣленій техническаго комитета и равныхъ имъ лицъ и новыхъ своихъ товарищей, т. е. членовъ Адмиралтействъ—совѣта и главнаго военно-морского суда. Я все прихварывалъ, а потому ѣздилъ очень осторожно, исподволь. Въ это же время сдалъ въ канцелярію, приведя въ порядокъ, тѣ бумаги, которыя находились лично у меня на рукахъ или «подъ зеленымъ сукномъ». У какого начальника нѣтъ такихъ грѣховъ, да и грѣхи ли это? Бумага, положенная подъ зеленое сукно, иногда этимъ получаетъ лучшее разрѣшеніе.... Въ началѣ февраля я явился въ первый и единственный до отъѣзда за границу разъ въ засѣданіе Адмиралтействъ Совѣта. Оказалось, что до начала засѣданія я нѣсколько затруднялся, о чемъ вести разговоръ съ моими новыми товарищами. Между ними и мною была такая большая разница въ лѣтахъ, лѣтъ въ 20, и всѣ они до такой степени «другого поля ягоды», что общихъ интересовъ не хватало для част-

ныхъ разговоровъ. Наконецъ, началось засѣданіе. Я былъ, какъ существуетъ обычай, для перваго раза въ полной порадной формѣ. Кто-то изъ членовъ вспомнилъ, что прежде было обыкновеніе при появленіи новаго члена начинать присутствіе чтеніемъ именнаго указа объ его назначеніи: всѣ пожелали возстановить этотъ обычай. Прочли указъ, я поклонился товарищамъ, они отвѣтили тѣмъ же, и началось слушаніе дѣлъ. Я не хотѣлъ вовсе говорить въ этомъ засѣданіи, какъ новичокъ, но мнѣ пришлось говорить и довольно много. Дѣла все слушались еще тѣ, которыя мною приготовлялись къ докладу, когда я занималъ должность директора; они мнѣ были такъ хорошо извѣстны, что я поневолѣ вступалъ въ обсужденіе ихъ, разъясняя различные возникавшіе при разсмотрѣніи дѣлъ въ Совѣтѣ вопросы.

Но кто же такіе мои новые товарищи, т. е. члены Адмиралтействъ Совѣта? Начну со старшихъ.

Предсѣдатель Адмиралтействъ Совѣта—генералъ-адмиралъ; вице-предсѣдатель—управляющій морскимъ министерствомъ. Великій князь никогда не бываетъ въ совѣтѣ; Краббе крайне также рѣдко предсѣдательствовалъ въ послѣднее время въ Совѣтѣ. Такимъ образомъ предсѣдательство обыкновенно принадлежало старшему члену совѣта. Этотъ старшій членъ въ совѣтѣ въ то время былъ адмиралъ Александръ Васильевичъ Шулепниковъ. Я его очень мало знаю. Ему тогда было уже за 80 лѣтъ, и онъ представлялъ изъ себя совершенную развалину.

За нимъ слѣдуетъ адмиралъ Иванъ Ивановичъ фонъ-Шанцъ. Ивана Ивановича зовутъ собственно Бернгардъ Бернгардовичъ, и онъ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, подъ названіемъ «Второй шагъ на морѣ», какъ съ нимъ случилась такая метаморфоза въ имени и отчествѣ. Шанцъ изъ финляндцевъ, что видно какъ изъ его крайне неуклюжей чухонской внѣшности, такъ и изъ его до сихъ поръ неправильной русской рѣчи, отличающейся сильнымъ чухонскимъ выговоромъ, поступилъ во флотъ въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Разсказывая въ запискахъ первыя свои минуты на новомъ поприщѣ, подсмѣиваясь надъ своимъ дурно сшитымъ мундиромъ, онъ говоритъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ какимъ-то русскимъ флотскимъ офицеромъ, лежавшимъ на диванѣ въ то время, когда Шанцъ вошелъ къ нему въ комнату. Офицеръ, окинувъ его взглядомъ съ головы до ногъ и, подтрунивъ надъ его фигурой, спросилъ Шанца,—какъ его зовутъ. Шанцъ отвѣчалъ: «Бернгардъ»—«А отца какъ звали?»—«Такъ же Бернгардъ».—«Бернгардъ Бернгардовичъ! Ни къ чорту не годится! Эй, Ѳедоръ!»—закричалъ онъ денщику. «Зови его Иванъ Иваповичъ»—«и съ того времени»,—повѣствуетъ Шанцъ,—«я до сихъ поръ называюсь такъ во флотѣ». Эти записки послужили къ моему знакомству съ Шанцомъ. Онъ когда-то печаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ» разсказъ о началѣ своей

морской карьеры, подъ названіемъ «Первый шагъ на морѣ», какъ онъ плавалъ на коммерческихъ судахъ, и когда я поступилъ въ морское министерство вице-директоромъ, собирался печатать «Второй шагъ» о поступленіи въ военный флотъ. Довольно громкая репутація хорошаго редактора, сопровождавшая мое поступленіе въ морское вѣдомство, должно быть, дошла и до его слуха, и, какъ охотникъ загребать жаръ чужими руками, онъ вздумалъ утилизировать новичка. Какъ-то разъ онъ явился ко мнѣ, наговорилъ мнѣ кучу любезностей о моихъ способностяхъ и всучилъ мнѣ довольно объемистую рукопись съ просьбой просмотрѣть ее въ отношеніи языка: не имѣется ли въ ней неправильныхъ русскихъ выраженій? Это былъ его «Второй шагъ на морѣ». Вся рукопись была написана не на русскомъ, а на русско-чухонскомъ языкѣ и требовала серьезной передѣлки, хотя представляла много интереса и юмора. Я отклонилъ отъ себя эту честь подъ предлогомъ недосуга и при этомъ выразилъ ему сожалѣніе, что онъ печатаетъ свои записки при жизни, что вслѣдствіе этого онъ не можетъ говорить совершенно откровенно, что онъ не имѣетъ даже возможности помѣщать именъ и скрываетъ ихъ подъ заглавными буквами, что, кромѣ того, неудобно русскому адмиралу, когда онъ состоитъ при дѣятельной должности, признаваться, что онъ колебался въ выборѣ между русской и шведской службой, какъ онъ это дѣлаетъ въ своемъ «Второмъ шагѣ», что Финляндія должна считаться той же Россіей... Все это ему очень не понравилось, но онъ, кажется, такъ и напечаталъ свой «Второй шагъ». Шанцъ положительно умный человѣкъ и, вдобакокъ, остроумный и съ юморомъ. Онъ и отличный морякъ, но онъ имѣетъ одну черту въ характерѣ, отличающую его отъ настоящихъ моряковъ: не море, а деньги его божество, и все, что бы онъ ни предпринималъ, онъ прежде всего оцѣниваетъ, какія матеріальныя выгоды это ему доставитъ. И такого направленія мыслей онъ нисколько не скрываетъ, дѣлая только это всегда очень умно и облекая въ нѣсколько юмористическую форму. Онъ умѣлъ себѣ составить на казенной службѣ кругленькое состояніе. О примѣрахъ его корыстолюбія на различныхъ ступеняхъ его морской службы, и всегда морской, а не административной, существуетъ много разсказовъ. Не знаю, до какой степени эти разсказы справедливы, но въ нѣжной любви его къ деньгамъ и въ большомъ умѣньѣ загребать жаръ чужими руками я имѣлъ возможность самъ убѣдиться. Въ 1841 году при введеніи у насъ парового флота онъ былъ посланъ въ Сѣверную Америку, чтобы ознакомиться тамъ съ постройкою паровыхъ судовъ. Какъ человѣкъ умный и знающій морское дѣло, онъ не только умѣлъ собрать свѣдѣнія, но и умѣлъ привести въ исполненіе свой планъ постройки парохода въ Сѣверной Америкѣ изъ просоленаго лѣса. «Какъ это вамъ удалось, Иванъ Ивановичъ, уговорить начальство приступить къ постройкѣ парохода, когда въ самой Англіи ихъ было

еще такъ мало?» спросилъ я однажды.—«Я обратился прямо къ императору Николаю Павловичу, помимо Меньшикова»,—отвѣчалъ онъ, «государь въ это время былъ въ Лондонѣ. Я выпросилъ у нашего посольства въ Лондонѣ депеши изъ Соединенныхъ Штатовъ. Но въ Лондонѣ уже было поздно, государь былъ почти наканунѣ отъѣзда, и мнѣ дали знать депеши къ нему въ Теплицъ. Здѣсь государь меня принялъ какъ-то вечеромъ и безъ сюртука, въ одной рубашкѣ, подробно все разсматривалъ и разспрашивалъ; я ему привезъ не только чертежи, но и мѣдную модель котла. Онъ былъ очень доволенъ и сказалъ мнѣ, что онъ меня пошлетъ съ заказомъ такого парохода въ Америку, но чтобы былъ сдѣланъ бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ всѣ существующіе, и чтобы онъ могъ служить какъ яхта и какъ военный пароходъ. За чертежи и модели велѣлъ мнѣ выдать 5 тысячъ рублей. Но какъ же на меня разсердился Меньшиковъ, когда я возвратился въ С. Петербургъ. Все медлилъ посылкой меня въ Америку и только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправилъ...»«Камчатка», такъ назывался пароходъ, говорятъ, положилъ основаніе его состоянію и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался поводомъ къ постояннымъ самовосхваленіямъ. «Когда я строилъ «Камчатку», я дѣйствовалъ такъ-то», говорилъ онъ обыкновенно, желая изобразить что-нибудь образцово хорошее. Дѣйствительно его «Камчатка» по общимъ отзывамъ была очень хорошее судно и прослужила очень долго, при чемъ онъ ею командовалъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Вслѣдствіе постоянныхъ разсказовъ Шанца о «Камчаткѣ», Шанцъ и «Камчатка» сдѣлались до такой степени тождественными, что не найдено было ничего удивительнаго, что Иванъ Ивановичъ въ одинъ прекрасный день, когда наконецъ за старостью разрѣшено было разбирать «Камчатку» на дрова, улучилъ удобный случай и на своемъ русско-чухонскомъ языкѣ въ юмористической формѣ высказалъ великому князю мысль, что было бы справедливо старику Шанцу подарить «на память» котелъ съ разбиравшагося судна. Дѣло въ томъ, что котелъ былъ мѣдный. Оригинальное предложеніе возбудило смѣхъ, спросили, намѣренъ ли онъ поставить этотъ котелъ къ себѣ на письменный столъ, но тѣмъ не менѣе котелъ отдали. Съ такими же юмористическими пріемами Шанцу удалось устроить въ Кронштадтѣ, чтобы при выниманіи котла изъ парохода не поскупились приложить къ котлу побольше мѣдныхъ тяжелыхъ скрѣпленій и другихъ металлическихъ принадлежностей! Затѣмъ было пущено въ ходъ умѣнье загребать жаръ чужими руками, и вотъ котелъ двинулся въ С.-Петербургъ при содѣйствіи казенныхъ людей и подъ наблюденіемъ какихъ-то маленькихъ офицеровъ, трудившихся Богъ знаетъ изъ чего, чтобы угодить адмиралу. Но результатомъ всего этого было то, что котелъ, проданный въ С.-Петербургѣ, доставилъ 10 тысячъ рублей въ карманъ Ивану Ивановичу, и только тогда, когда Шанцъ ограничилъ свою благодарность

за труды обѣщаніемъ своей протекціи, усердные исполнители замѣтили, что они сыграли роль пѣшекъ. Въ другой разъ на моей памяти казна послужила Шанцу дойною коровою не въ такой большой суммѣ. Онъ былъ великій мастеръ выдумывать или заимствовать разные практическіе пріемы и приспособленія для морской спеціальности, а что Иванъ Ивановичъ дѣльнаго выдумаетъ или замѣтитъ никогда не оставалось подъ спудомъ. Онъ не только протрезвонитъ объ этомъ во всѣ колокола, но и напечатаетъ статейку и съ полною подписью. Въ теченіе долговременной его службы такихъ произведеній Шанца накопилось на нѣсколько книжекъ, и вотъ онъ вздумалъ собрать ихъ во едино въ видѣ полнаго изданія сочиненій. Но такъ какъ это стоитъ денегъ, а Иванъ Ивановичъ ставитъ ихъ выше безсмертія своего имени, то онъ употребилъ и въ этомъ случаѣ тотъ же пріемъ, какъ въ дѣлѣ съ котлами, но только повелъ свою аттаку на Краббе. Результатомъ было то, что всѣ его сочиненія собраны казенными руками и отпечатаны на казенный счетъ. Денежный разсчетъ не оставляетъ Шанца никогда. Встрѣчаю его у Н. П. Епанчина, которому пожалована брилліантовая табакерка. Другіе разсматриваютъ; Шанцъ повѣшалъ на рукѣ и обращается съ вопросомъ: «А что она стоитъ?» Получилъ самъ брилліантовую Александровскую звѣзду, тотъ же вопросъ. Великій князь генералъ-адмиралъ былъ въ Кронштадтѣ, у его высочества завтракали на пароходѣ, и Иванъ Ивановичъ съ горестью видитъ, что большой кусокъ вестфальской ветчины остался къ концу завтрака почти не тронутымъ. «А что, Самуилъ Алексѣевичъ», спрашиваетъ Шанцъ Грейга, который въ то время былъ адъютантомъ у великаго князя и распоряжался завтракомъ, «какъ вы думаете, можетъ русскій адмиралъ имѣть такую ветчину у себя на столѣ дома?» Грейгъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, нѣтъ, такъ какъ она дорога. «А вѣдь весь этотъ отличный кусокъ съѣдятъ вотъ эти хамы», сказалъ Шанцъ, указывая на придворныхъ лакеевъ. «Вѣроятно, отвѣчалъ Грейгъ. «Могу ли я взять этотъ кусокъ къ себѣ домой?» спросилъ Шанцъ и, когда получилъ разрѣшеніе, былъ очень доволенъ, что отбилъ такимъ образомъ добычу у «хамовъ».

Адмиралъ Константинъ Ивановичъ Истоминъ. было умный человѣкъ, но эгоистъ до конца ногтей. Направляется ли дѣло свыше такъ или иначе, ему рѣшительно все равно, не приложитъ онъ души ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, а, если хорошо исполнитъ, то потому, что этимъ обусловливается его служебная карьера.

Генералъ Иванъ Аѳанасьевичъ Амосовъ—почтенный, очень старый корабельный инженеръ и назначенъ былъ членомъ адмиралтействъ совѣта послѣ очень долгой службы въ званіи корабельнаго инженера и инспектора кораблестроительныхъ работъ. Когда онъ представлялся по поводу этого назначенія государю, государь спросилъ его, сколько ему лѣтъ. Старику послышалось, что государь

спрашиваетъ, сколько онъ лѣтъ на службѣ. «Пятьдесятъ, ваше величество», отвѣчалъ Амосовъ. «Ну, врешь, братъ, хвастаешь»,— сказалъ государь, смѣясь.

Объ адмиралѣ Богданѣ Александровичѣ Глазенапѣ и вице-адмиралѣ Аркадіи Васильевичѣ Воеводскомъ я не буду здѣсь говорить, такъ какъ съ ними у меня было очень много общаго дѣла, когда они были: первый—главнымъ командиромъ Николаевскаго порта, а второй—директоромъ кораблестроительнаго департамента и главнымъ командиромъ С.-Петербургскаго порта, и мнѣ придется еще упоминать о нихъ не разъ.

Адмиралъ Степанъ Васильевичъ Воеводскій 1-й кажется мнѣ нетлѣннымъ. Въ теченіе 20 лѣтъ, которыя я его знаю (письмо въ концѣ 1878 г.), онъ не постарѣлъ, не посѣдѣлъ и не поумнѣлъ. Въ то время, когда онъ былъ главнымъ командиромъ Астраханскаго порта, я имѣлъ съ нимъ дѣла, и онъ всегда поражалъ меня непроходимою своею глупостью, которая приводила меня просто въ отчаяніе. Все, что онъ представлялъ, было до такой степени лишено всякаго основанія, всѣ его доводы до такой степени изобличали полнѣйшее отсутствіе работы мысли, что положительно приходилось опускать руки. Напр., вопросъ объ упраздненіи Астраханскаго военнаго порта заявлялъ себя все настоятельнѣе, и наконецъ, когда однажды Воеводскій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, меня заставили войти съ нимъ въ его обсужденіе. Я могъ ожидать, что онъ мнѣ будетъ доказывать необходимость порта по обстоятельствамъ политическимъ, экономическимъ, морскимъ. Ничуть не бывало! Онъ находилъ портъ безполезнымъ, но объяснилъ мнѣ, что никогда не выскажетъ этого офиціально, потому что въ портѣ служатъ чиновники, а онъ не хочетъ лишить ихъ куска хлѣба. Адмиралу этому, очень некрасивому и косому, суждено вмѣстѣ съ тѣмъ судьбою обращать на себя особенное вниманіе каждый разъ, когда онъ бывалъ въ полной парадной формѣ. Дѣло въ томъ, что персидскому шаху Насръ-Эддину, какъ-то вздумалось впервые въ жизни покататься по морю, и онъ обратился къ государю съ просьбою прислать ему пароходъ для этой цѣли къ его владѣніямъ въ Каспійскомъ морѣ. Пароходъ послали, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправили и адмирала Воеводскаго, какъ главнаго командира, въ Тегеранъ, чтобы доложить шаху, что пароходъ готовъ, и чтобы принять гостя на пароходѣ. Когда шахъ, не бывавшій еще въ то время въ Европѣ, спросилъ, что это за чинъ «адмиралъ», то ему перевели это по-персидски «повелитель морей», и шахъ рѣшилъ, что этотъ своего рода Нептунъ въ образѣ Воеводскаго достоинъ получить отъ него высшій персидскій орденъ—портретъ съ его изображеніемъ на шею. Вотъ этотъ-то портретъ съ тѣхъ поръ и носитъ Воеводскій. Портретъ, изображающій шаха въ высочайшей шапкѣ наголовѣ, такъ великъ, что на него рѣшительно нельзя не обратить вниманія, и Воеводскаго теперь всѣ знаютъ, благодаря этому портрету.

Къ адмиралу Евгенію Андреевичу Беренсу я всегда питалъ особенное расположеніе не только благодаря его любезному и живому характеру, но и благодаря той связи, которая установилась между нами въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ общей работы. Массу самыхъ разнообразныхъ, частью устарѣлыхъ, между собою не согласованныхъ, а иногда и совершенно противорѣчащихъ постановленій, которыя я засталъ въ морскомъ вѣдомствѣ, сдѣлавшись директоромъ канцеляріи, нельзя было привести сколько-нибудь въ порядокъ безъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ законодательныхъ и кодификаціонныхъ работъ по различнымъ отраслямъ морского управленія и хозяйства. Надо было составить, сперва на основаніи имѣющихся уже постановленій и вновь изданныхъ законоположеній, положенія по той или другой части, чтобы создать такимъ образомъ краеугольные камни нашего морского законодательства, и потомъ приступить къ изданію «свода морскихъ постановленій». Для этого были учреждаемы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдѣльныя комиссіи изъ разныхъ спеціалистовъ, и всѣ онѣ ставились подъ предсѣдательство Евгенія Андреевича. Съ живымъ участіемъ къ пользѣ дѣла, къ благосостоянію флота и матроса, къ сбереженію казеннаго рубля работалъ адмиралъ Беренсъ, и довелъ всѣ эти дѣла до конца. Издаваемые при его содѣйствіи: «Морской уставъ», «Хозяйственный уставъ для флота», «Штаты снабженія судовъ флота» и др. служатъ живымъ свидѣтельствомъ его полезной дѣятельности. Онъ очень любилъ меня, неоднократно это мнѣ высказывалъ и въ высшей степени сочувственно слѣдилъ за моими работами. Въ засѣданіяхъ адмиралтействъ совѣта его живой характеръ высказывался въ полномъ блескѣ. Не дослушавъ еще доклада, онъ весь уже вспыхиваетъ и устремляется въ бой, если дѣло идетъ о какомъ-нибудь непроизводительномъ расходѣ или неправильномъ требованіи главныхъ командировъ. И всегда это съ самыми благими намѣреніями, съ самою чистою любовью къ морскому дѣлу.

Генералъ-лейтенантъ Василій Николаевичъ Мещеряковъ дослужился до этого званія изъ нижнихъ чиновъ, проходя службу сперва въ Черноморскомъ, а потомъ въ Балтійскомъ флотѣ по артиллеріи. Я засталъ его въ морскомъ вѣдомствѣ въ качествѣ начальника артиллерійской части кронштадтскаго порта, потомъ онъ былъ предсѣдателемъ артиллерійскаго отдѣленія морского техническаго комитета и отсюда назначенъ въ адмирайлтействъ совѣтъ. Онъ былъ уже очень старъ. Въ совѣтѣ онъ *никогда* не говорилъ. Одинъ разъ при назначеніи пособій докладчикъ заявилъ, что о пособіи ходатайствуетъ капитанъ Мещеряковъ. Никто изъ членовъ совѣта его не зналъ и затруднялись рѣшить, назначить ли ему или нѣтъ. Наконецъ одинъ изъ членовъ спросилъ Василія Николаевича: «Не родственникъ ли онъ вамъ?» —Да, это мой родной братъ,—отвѣчалъ Мещеряковъ, и это было единственный разъ, когда онъ произнесъ

фразу во время засѣданія въ совѣтѣ, если не считать словъ «да» или «нѣтъ», которыя онъ вынужденъ былъ иногда произносить при подачѣ голосовъ. Онъ такъ былъ старъ и слабъ, что могъ кое-какъ ходить только по гладкому полу и съ величайшимъ затрудненіемъ передвигался по ковру. За годъ до моего назначенія онъ вздумалъ поѣхать въ Старую Руссу пить воды. Меня не было въ это время въ С.-Петербургѣ, и, возвратившись, я спросилъ у кого-то изъ чиновниковъ канцеляріи: «Ну что Василій Николаевичъ поправился-ли?» «Какъ же»—сострилъ спрашиваемый мною, поправился: до поѣздки онъ, войдя въ залу засѣданія, шелъ прямо къ своему мѣсту, а теперь проходитъ сперва къ окну, а потомъ уже идетъ на свое мѣсто». Говорятъ, въ свое время онъ былъ хорошій артиллеристъ. Я же могу о немъ сказать только, что онъ былъ смирный и добрый человѣкъ, весьма боявшійся всякаго начальства.

Наконецъ о вице-адмиралѣ Михаилѣ Осиповичѣ Дюгамелѣ могу только сказать, что онъ человѣкъ образованный, живой и bon vivant. Морскую карьеру его не знаю.

Вотъ и всѣ мои *товарищи* въ адмиралтействѣ совѣтѣ во время моего вступленія въ совѣтъ. Пишу это въ концѣ 1878 г., и сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ!

Передъ отъѣздомъ за границу мнѣ хотѣлось еще посовѣтоваться съ знаменитымъ с-петербургскимъ окулистомъ, профессоромъ Эдуардомъ Андреевичемъ Юнге, относительно моихъ глазъ. Зрѣніе мое было очень разстроено, и черная сѣтка передъ глазами, давно уже появившаяся, значительно участилась въ послѣдніе годы. При томъ, такъ какъ появленію мигрени всегда предшествовали серпо-образные огни передъ глазами, то я думалъ, не кроется ли причина моей болѣзни въ зрѣніи. Весьма ко мнѣ расположенный контръ-адмиралъ Дмитрій Ильичъ Рудаковъ, большой пріятель Юнге, взялся предупредить его о моемъ посѣщеніи, и Юнге, крайне занятый практикой и профессурой, назначилъ мнѣ день и часъ, когда меня приметъ. Онъ осмотрѣлъ мои глаза съ величайшею тщательностью и далъ неутѣшительный отзывъ. Зрѣніе мое не поправимо, нужно менѣе утруждать его, не носить очковъ, открывающихъ видъ въ даль, а, напротивъ того, надѣвать слабые очки для чтенія и письма, чтобы не наклоняться. Затѣмъ онъ предлагалъ сдѣлать еще болѣе подробное испытаніе въ томъ отношеніи, оба ли глаза одинаково у меня сильны, при помощи впуска въ глаза атропина. Но для этого необходимо было привести мои глаза въ такое положеніе чрезъ расширеніе зрачковъ, что я въ теченіе нѣкоторыхъ дней ничего не видѣлъ бы. Я на это не рѣшился.

Наступали послѣдніе дни моего пребыванія въ С.-Петербургѣ предъ отъѣздомъ за границу, и я рѣшился еще разъ, такъ сказать на прощанье, послушать у себя дома квартеты.

Страсть къ музыкѣ, кажется, у меня врожденная. Сколько

помню себя, я всегда любилъ музыку, но долгое время я ограничивался слушаніемъ оперной музыки, музыки, исполняемой въ концертахъ виртуозами, садовой музыки и только изрѣдка симфонической. Камерная музыка мнѣ была почти неизвѣстна, хотя въ ранней юности я имѣлъ уже о ней понятіе. Но какое это понятіе? Наше семейство считалось въ началѣ 50-хъ годовъ однимъ изъ наиболѣе музыкальныхъ въ Москвѣ, моя матушка была учительницей музыки, пользовавшейся такою извѣстностью, что у нея не доставало наконецъ свободнаго времени, и она вынуждена была отклонять дѣлавшіяся ей предложенія давать уроки. Сестра моя такъ хорошо играла разныя модныя въ то время пьесы Талберга и Листа, что получила подарокъ отъ пользующагося европейскою извѣстностью автора «Nouvelle biographie de Mozart» А. Д. Ульяшева. Это его сочиненіе съ надписью: «Александрѣ Александровнѣ Маннъ въ знакъ уваженія къ прекрасному ея таланту». И въ этомъ семействѣ не только почти не знали произведеній Бетховена, но даже считали ихъ чепухой, написанной человѣкомъ, у котораго умъ за разумъ зашелъ. Первый скрипачъ Московскаго опернаго оркестра, нѣкто Аѳанасій Макаровичъ Аматовъ, бывшій крѣпостной человѣкъ какого-то барича, услышавъ гдѣ-то игру сестры, предложилъ у насъ играть безплатно съ нею тріо Бетховена. Нашелся и даровой віончелистъ, но предложеніе не было принято за сухостью и отсутствіемъ мелодій въ музыкѣ этого автора, и года три пли четыре у насъ все играли тріо Фески, Рейснера и Гуммеля и дуэты Вольфа и Беріо и К°. Съ этимъ запасомъ свѣдѣній по части камерной музыки я пріѣхалъ въ 1850 г. въ С.-Петербургъ на службу. Въ С.-Петербургѣ я почти ничего не слыхалъ по этой части, потому что публичныхъ квартетныхъ вечеровъ тутъ не устраивалось до конца 60-хъ годовъ, а въ частныхъ домахъ, гдѣ играли квартеты, я не бывалъ. Помню только что разъ какъ-то слышалъ квартетъ, при исполненіи партіи первой скрипки Вьетаномъ въ домѣ слѣпого старика графа Строганова, на Михайловской улицѣ. Входъ былъ за деньги, но обстановка музыкальнаго утра имѣла домашній характеръ. Играли въ библіотекѣ; тутъ же въ большихъ креслахъ сидѣлъ и слѣпой графъ Строгановъ. Въ другой разъ, помню, слышалъ исполненіе квартетовъ братьевъ Миллеръ, пріѣзжавшихъ изъ-за границы и удивлявшихъ знатоковъ своею необыкновенною сыгранностью между собою. Они давали свой музыкальный вечеръ въ залѣ дома Мятлевой противъ Исакіевскаго собора. Въ соборѣ шла всенощная, и гудѣніе колоколовъ страшно мѣшало артистамъ и отвлекало вниманіе публики. Съ учрежденіемъ русскаго музыкальнаго общества въ Петербургѣ начались квартетные вечера, но я почти не посѣщалъ ихъ, уже въ то время чрезмѣрно занятый службой. Наконецъ однообразный репертуаръ итальянской оперы мнѣ началъ надоѣдать, а вмѣстѣ съ тѣмъ я уже вполнѣ умѣлъ цѣнить произведенія музыкальныхъ ге-

ніевъ Германіи: Бетховена, Моцарта, Гейдна, Мендельсона, зналъ уже почти всѣ написанныя ими оркестровыя сочиненія и предчувствовалъ, какое высокое наслажденіе могутъ доставить камерныя произведенія этихъ великихъ творцовъ, если въ нихъ вслушаться. Небезызвѣстны мнѣ были также имена Брамса, Раффа, хотя и не въ привлекательномъ свѣтѣ. Произведенія ихъ мнѣ представлялись отрицающими мелодію, плодами ума, а не вдохновенія, подъ стать «музыкѣ будущности», какъ тогда въ насмѣшку называли музыку Вагнера, которую я также въ то время вовсе не зналъ. Мысль познакомиться поближе со всѣми замѣчательными произведеніями камерной музыки, познакомиться не случайно и отрывочно въ публичныхъ собраніяхъ, но систематически у себя дома, глубоко мнѣ запала въ душу и была одною изъ причинъ, заставившихъ меня перемѣнить въ 1872 году квартиру на болѣе обширную съ помѣстительной комнатой для исполненія квартетовъ. Въ концѣ 1872 года началось у меня исполненіе квартетной музыки, а къ тому времени, которое я теперь описываю, у меня не только была прекрасная библіотека камерной музыки и хорошіе музыкальные инструменты для квартета, но исполнены были 134 пьесы, и исполнены прекрасно. Всѣ лучшія произведенія классиковъ по части камерной музыки мнѣ были уже хорошо извѣстны, но я началъ понимать камерныя произведенія и новѣйшихъ композиторовъ, а Брамсъ сдѣлался моимъ любимцемъ. Болѣе всего въ этомъ дѣлѣ я обязанъ старому и заслуженному музыканту Александру Федоровичу Дробишу. Сынъ опернаго капельмейстера въ оркестрѣ, состоявшемъ еще изъ крѣпостныхъ людей Тенлова, онъ получилъ первое музыкальное образованіе у отца; лучше сказать, отецъ далъ ему понятіе объ игрѣ на віолончели. Въ 15 лѣтъ онъ уже такъ игралъ, что знаменитый А. Ѳ. Львовъ приходилъ въ восторгъ отъ игры его въ квартетахъ. Но молодой человѣкъ не только пользовался уроками отца. Послѣдній женился во второй разъ, и мачеха стала сильно притѣснять пасынка. Дѣло дошло до того, что въ одинъ прекрасный день молодой Дробишъ, послѣ какой-то перепалки съ мачехой, опрокинулъ на нее накрытый къ обѣду столъ и удралъ изъ родительскаго дома безъ копейки денегъ. Домой онъ уже больше не возвращался, но какимъ образомъ добывалъ себѣ деньги, этого онъ никому теперь не разсказываетъ. Говорятъ, что онъ служилъ нѣкоторое время въ лакеяхъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ музыкальный талантъ его открылъ ему путь на государственную службу. Онъ зачисленъ былъ въ государственный контроль не съ тѣмъ, однако, чтобы служить, а чтобы играть на віолончели у своего начальника. Отсюда переходъ въ театральный оркестръ былъ уже не труденъ, и Александръ Ѳедоровичъ выслужилъ полный срокъ на полученіе пенсіи сперва артистомъ въ С.-Петербургскомъ оперномъ театрѣ, а затѣмъ віолончелистомъ-солистомъ въ Московскомъ. Я познакомился съ нимъ у моей сестры,

когда онъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ опять въ С.-Петербургѣ своею пенсіею и уроками. Престранное было наше знакомство! Представленные другъ другу мы, кланяясь, такъ сильно стукнулись лбами, что у обоихъ посыпались искры изъ глазъ. Я въ то время никакъ не предполагалъ, что это предзнаменованіе нашей дружбѣ въ будущемъ.

Любящій музыку до страсти, надѣленный самою тонкою музыкальною природою, замѣчательный техникъ въ игрѣ на віолончели и на альтѣ, А. Ѳ. Дробишъ въ теченіе своей продолжительной музыкальной карьеры переигралъ много разъ рѣшительно все, что было написано сколько-нибудь замѣчательнаго по части камерной музыки. Нельзя было придумать лучшаго организатора для квартетнаго исполненія. Глубокое и вѣрное пониманіе пьесы, тонкій вкусъ, необыкновенно развитый слухъ, достаточно твердый характеръ, чтобы руководить и сдерживать излишніе порывы другихъ исполнителей для приведенія всего исполненія къ столь важному въ квартетѣ единству—все это дѣлало Дробиша неоцѣнимымъ. Ему же обязанъ я знакомствомъ съ другимъ замѣчательнымъ исполнителемъ, скрипачомъ оркестра русской оперы Алексѣемъ Тимоѳеевичемъ Григоровичемъ. Сынъ дьячка, онъ былъ вывезенъ изъ Малороссіи въ пѣвчіе въ пѣвческую капеллу, скоро спалъ съ голоса, но обратилъ на себя вниманіе необыкновеннымъ природнымъ юморомъ разсказывать и необыкновенными своими музыкальными способностями. Первое, т. е. разсказы, дали ему доступъ во дворецъ. Когда онъ былъ 15-ти, 16-ти лѣтнимъ мальчикомъ, его водили разсказывать сказки императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, великимъ княжнамъ и князьямъ. Въ одинъ изъ подобныхъ приглашенныхъ сеансовъ въ комнату неожиданно вошелъ самъ императоръ Николай I. «Прослушавъ разсказъ,—передавалъ мнѣ какъ-то Григоровичъ, «онъ спросилъ меня: «кто твой отецъ?» Мнѣ совѣстно было сказать, что дьячокъ, и я солгалъ: сказавъ, что протодьяконъ». Второе, т. е. музыкальныя способности, дали поводъ А. Ѳ. Львову учить его игрѣ на скрипкѣ. Дѣйствительно талантъ у него былъ огромный. Что за удивительный смычекъ, что за берущее за душу пѣніе! Но рядомъ съ этимъ талантомъ и малороссійская лѣнь. Изъ него никогда не вышло бы концертнаго виртуоза не по недостатку таланта, но потому, что онъ не любилъ трудиться. Изъ него не вышло бы и серьезнаго исполнителя камерной музыки, если бы судьба не натолкнула на него Дробиша. Оцѣнивъ всю силу этого таланта, Дробишъ залучилъ какъ-то Григоровича къ себѣ, засадилъ за квартетъ и началъ муштровать. Муштровать—это настоящее здѣсь слово. Нужно было всю страсть Дробиша къ музыкѣ, всю его огромную опытность въ исполненіи камерной музыки, предъ которою, т. е. опытностью, всѣ безусловно преклонялись, наконецъ его годы и убѣленную сѣдинами голову, дававшими

ему право дѣлать наставленія, чтобы справиться съ Григоровичемъ. Впослѣдствіе я иногда присутствовалъ при подобныхъ муштрованіяхъ. Григоровичъ, бывало, такъ и рвется блеснуть въ ущербъ другимъ, отдѣлаться въ какомъ-нибудь трудномъ ансамблѣ, спустя рукава. Нѣтъ, стой! Какой-нибудь малѣйшій оттѣнокъ упущенъ, и мѣсто въ квартетѣ повторяется два, три, четыре раза, пока дѣйствительно не достигнется само совершенство. И это происходило обыкновенно на какомъ-нибудь чердакѣ, гдѣ-нибудь въ крошечной комнаткѣ, нанимавшейся Дробишемъ у хозяйки, въ такъ называемыхъ нумерахъ. Въ этихъ-то нумерахъ я научился цѣнить артистовъ, и мнѣ нисколько не жаль было платить имъ деньги. Мнѣ всегда приходило въ голову: еще Богъ знаетъ, приносимъ ли мы чиновники какую-нибудь пользу нашею дѣятельностью, а во сколько кратъ лучше наше вознагражденіе! Григоровича корчило отъ такихъ муштрованій, можетъ быть, внутренно онъ и посылалъ своего учителя къ черту въ такія минуты, но повиновался безпрекословно и шелъ къ нему опять и опять, вполнѣ сознавая всю пользу, извлекаемую имъ изъ опытности учителя. Впослѣдствіи Григоровичъ началъ играть квартеты въ публикѣ, во главѣ такъ называемаго русскаго квартета, состоявшаго изъ русскихъ артистовъ въ противоположность квартету Ауэра, Пиккеля, Вейкмана и Давыдова, считавшихся нѣмцами. Здѣсь великій князь Константинъ Николаевичъ услышалъ его и сдѣлалъ своимъ придворнымъ скрипачемъ, участвовавшимъ у него въ домашнихъ квартетахъ.

Третьимъ исполнителемъ, получавшимъ гонораръ, былъ у меня также изъ оркестра русской оперы артистъ Сергѣй Евлампіевичъ Васильевъ. Къ этимъ лицамъ присоединились любители: трое моихъ племянниковъ Бражниковыхъ, изъ которыхъ Борисъ игралъ отлично на скрипкѣ, Владиміръ—на фортепіано и альтѣ и Константинъ довольно сносно—на віолончели, студентъ академіи художествъ по части архитектуры Владиміръ Карловичъ Эшлиманъ (скрипачъ), отставной инженеръ генералъ-лейтенантъ Василій Ивановичъ Витковскій (скрипачъ и альтистъ), служившій въ телеграфномъ департаментѣ Адольфъ Карловичъ Рутценъ (віолончелистъ), наконецъ сестра Александра Александровна. Съ такими средствами оказалось возможнымъ играть не только квартеты, но и квинтеты, секстеты и даже октеты, и эти вечера доставляли мнѣ нѣсколько лѣтъ величайшее удовольствіе.

Въ довольно обширной столовой, хорошо освѣщенной, теплой, уютной и отличающейся превосходнымъ резонансомъ и въ смежномъ комфортабельномъ кабинетѣ собирались эти исполнители и весьма небольшой кружокъ родныхъ и знакомыхъ. Сохранялась большая тишина между присутствовавшими, такъ что ни одной нотки нельзя было проронить, а у меня было свое излюбленное мѣсто. И вотъ у себя дома, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, наслаждал-

ся я отъ всей души, слушая великихъ творцовъ камерной музыки. Обыкновенно вечеръ состоялъ изъ четырехъ пьесъ, трехъ смычковыхъ и одной съ фортепіано, но иногда къ нимъ присоединялась на закуску и пятая, небольшой квинтетъ Боккерини, котораго, кромѣ моего дома, кажется, нигдѣ уже въ С.-Петербургѣ не играли, и который, несмотря на устарѣлость его произведеній, представляетъ такъ много интереснаго. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось достать полное собраніе его твореній и то только при посредствѣ извѣстнаго впослѣдствіи «героя» парохода «Веста» Баранова, когда онъ устраивалъ нашъ отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ, и нашего агента въ Берлинѣ Неваховича. Исполненіе всегда было прекрасное, и большею частью у меня играли послѣ предварительной репетиціи, а трудныя, сложныя пьесы, какъ напр. Брамса, послѣ двухъ репетицій. Въ возможности устроить такіе вечера я видѣлъ для себя полное вознагражденіе за ту трудовую жизнь, которую мнѣ пришлось провести со времени оставленія студенческой скамьи.

13 февраля было это послѣднее квартетное собраніе у меня передъ отъѣздомъ за границу. Исполнены были: квартеты B—dur № 65 Гайдна, октетъ A—dur Op. 3 Свендсена, квартетъ Fmoll № 11 Бетховена и квинтетъ Es-dur съ фортепіано Шумана. Въ этотъ вечеръ было мнѣ такъ хорошо, я такъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, что мнѣ не разъ приходило въ голову, зачѣмъ я ѣду. Но мысль возвратить здоровье взяла верхъ, и на среду 26 февраля окончательно былъ назначенъ отъѣздъ[1]).

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Дальнѣйшія «Воспоминанія» К. А. Манна, переходя въ дневникъ, не представляютъ собою связнаго разсказа въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому въ ближайшихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» будутъ напечатаны лишь отдѣльные эпизоды изъ «Дневника» Манна (о Н. М. Барановѣ и дѣлѣ тайнаго совѣтника Резена), а также нѣкоторые разсказы изъ прошлаго, записанные К.А. Манномъ въ разныхъ мѣстахъ его «Дневника».

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА[1].

XI.

Знакомство съ Н. М. Барановымъ.—Мысль объ устройствѣ Морского музея.—Дѣятельность по образованію его Н. М. Баранова.—Характеристика Баранова.—Его отношенія къ наслѣднику престола.

ПЕРВОЕ мое знакомство съ Николаемъ Михайловичемъ Барановымъ относится къ давно прошедшему времени. Въ 1864 году, когда я былъ еще вице-директоромъ канцеляріи Морского Министерства, получилъ я какъ-то отъ Управляющаго Морского Министерства Краббе нумеръ газеты «Кронштадтскій Вѣстникъ» съ просьбой переговорить съ нимъ по статьѣ, напечатанной въ этомъ нумерѣ, о трофеяхъ, хранящихся въ церкви въ Павловскѣ. Кто-то изъ морскихъ офицеровъ зашелъ въ эту церковь и увидѣлъ въ одномъ изъ угловъ флаги, расположенные въ видѣ трофеевъ. «Что это за флаги?» спросилъ онъ сторожа. «А Богъ ихъ знаетъ»,—отвѣчалъ сторожъ. «Вотъ прежній сторожъ, тотъ зналъ, но онъ умеръ. А мнѣ откуда знать?» Любознательный туристъ, разсказавъ въ газетѣ этотъ фактъ, разсуждаетъ въ заключеніе о равнодушіи нашемъ къ отечественнымъ памятникамъ славы.

На другой день я явился къ Краббе съ нумеромъ «Кронштадтскаго Вѣстника».—«Посмотрите,—сказалъ Краббе,—что о насъ пишутъ, и пишутъ совершенно справедливо. У насъ въ залѣ Адмиралтейства на окнѣ находится судовая модель собственноручной

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXLVIII, стр. 340.

работы Петра Великаго, и даже не прикрытая колпакомъ. Жидъ-сторожъ копаетъ тамъ своими руками каждый разъ, когда ему придетъ на умъ стереть пыль. Вѣроятно, найдутся въ разныхъ мѣстахъ и другія достопримѣчательности. Подумайте, что можно сдѣлать для сохраненія подобныхъ вещей?»

Изслѣдовавъ это дѣло, я убѣдился, что къ нему можетъ быть примѣнена поговорка: ничто не ново подъ луной. Оказалось, что въ морскомъ вѣдомствѣ съ самаго основанія флота принимались мѣры къ собранію и сохраненію моделей и предметовъ, по чему-либо примѣчательныхъ или полезныхъ, какъ образцы для морской науки и практики, что въ немъ существовалъ даже морской музей, но все это исчезло въ водоворотѣ различныхъ административныхъ распоряженій.

Еще Петръ Великій въ регламентѣ своемъ, между прочимъ, постановилъ: всѣ пріобрѣтаемыя книги, модели, чертежи и другія вещи, относящіяся до морского искусства, хранить при Адмиралтействъ-коллегіи. Какимъ образомъ это постановленіе было исполняемо до 1805 года, я не подвергалъ изслѣдованію. Но въ дѣлахъ мною найдено, что въ 1805 году, по иниціативѣ Морского Министра адмирала Чичачова, состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи при адмиралтейскомъ департаментѣ морского музея. При энергичномъ участіи адмирала Чичагова возникшій музей быстро пополнился коллекціями разнообразныхъ предметовъ и книгъ, не имѣвшихъ въ значительной степени прямой связи съ морскими спеціальностями. Между моделями судовъ, машинъ находились окаменѣлости, древнія медали, раковины, а также оружіе и одежда дикихъ народовъ, доставленныя изъ кругосвѣтныхъ плаваній Лисянскимъ, Крузенштерномъ, Литке, Беллинсгаузеномъ, Лазаревымъ и другими нашими моряками. Собраніе же книгъ въ томъ же 1805 году весьма много пополнилось покупкою въ Копенгагенѣ у извѣстнаго датскаго ученаго, графа Беренсдорфа, нѣсколькихъ тысячъ томовъ, въ томъ числѣ на языкахъ греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, халдейскомъ и арабскомъ. По содержанію своему книги эти, весьма цѣнныя и рѣдкія, принадлежали преимущественно къ разряду наукъ историческихъ, затѣмъ слѣдовали отдѣлы наукъ богословскихъ, юридическихъ, политическихъ, дипломатическихъ, географическихъ, философскихъ, и медицинскихъ; встрѣчались между ними также сочиненія по отдѣлу изящной словесности, художества, естествознанія и, наконецъ, самое послѣднее мѣсто занималъ отдѣлъ путешествій; книгъ же морскихъ вовсе не было.

Этотъ столь разнообразный по своему составу музей никогда не достигалъ надлежащаго устройства. Причина этому была двоякая: во-первыхъ, при учрежденіи музея не было выработано опредѣленной программы для тѣхъ статей, которыя могли бы

входить въ составъ его, его, а потому въ скоромъ времени въ немъ сосредоточились самые разнообразные предметы, не имѣвшіе никакого отношенія къ морской спеціальности; во-вторыхъ, съ самаго начала въ управленіи музея открылась крайняя неурядица. Завѣдываніе музеемъ переходило отъ одного лица къ другому безъ сдачи хранившихся вещей и книгъ. Имущество музея находилось до такой степени безъ надзора, что для побужденія одного изъ директоровъ къ дѣятельности адмиралтейскій департаментъ предписалъ даже производить ему только половинное жалованье. Въ 1825 году начальникъ морского штаба вице-адмиралъ Моллеръ доложилъ Государю, что силы и свѣдѣнія одного человѣка недостаточны для наблюденія за такимъ разнообразнымъ музеемъ и просилъ разрѣшенія раздѣлить его на четыре части: а) заключающія въ себѣ морскія карты и атласы, б) библіотеку, в) натуральный кабинетъ и г) модель-камеру. На это послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, и каждая изъ частей была передана въ завѣдываніе отдѣльному лицу. Однако адмиралтейскій музей въ этомъ видѣ существовалъ не болѣе трехъ лѣтъ. Въ 1827 году для освобожденія мѣста подъ помѣщеніе гидрографическаго депо испрошено было Высочайшее повелѣніе на раздачу вещей, находившихся въ музеѣ, въ различныя вѣдомства. Кабинетъ натуральной исторіи, монеты, оружіе дикихъ народовъ, ихъ одежда и проч. были переданы въ Академію наукъ; экономическія модели—въ вольно-экономическое общество; портреты русскихъ адмираловъ, картины и скульптурныя модели судовъ—въ морской корпусъ. Оставлены только модель-камера и вещи, современныя Петру Великому или ему принадлежавшія. «Сіи вещи, кажется, не слѣдовало бы отпускать изъ вѣдомства адмиралтейства, но пріискать имъ приличное мѣсто для сбереженія и храненія», говоритъ въ своемъ рапортѣ директоръ гидрографическаго депо. Вещи эти дѣйствительно были оставлены въ Морскомъ Министерствѣ, по соотвѣтственнаго мѣста для сбереженія ихъ найдено не было. Модель-камера помѣщена была во дворѣ зданія главнаго адмиралтейства въ С.-Петербургѣ, въ тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи; вещи же, принадлежавшія великому основателю флота, были помѣщены въ залѣ Адмиралтейства, не будучи обезпеченными въ отношеніи разрушительнаго вліянія времени. Такъ, модель, сдѣланная собственноручно Петромъ Великимъ, стояла на окнѣ, ничѣмъ не прикрытая; штандартъ, подъ которымъ онъ плавалъ, помѣщался въ той же комнатѣ въ углу, за шкафомъ. Вещи, современныя Петру и принадлежащія къ послѣдующему времени, которыя представляли что-либо замѣчательное въ томъ или другомъ отношеніи, были сданы въ экипажескіе магазины и мало по малу разошлись по частнымъ рукамъ, будучи продаваемы для очистки помѣщенія въ магазинахъ, какъ негодныя и вышедшія изъ употребленія. Такимъ образомъ, между прочимъ,

были распроданы современные портреты русскихъ императоровъ и императрицъ и въ числѣ ихъ весьма рѣдкій современный портретъ императора Петра II. Находящійся нынѣ въ музеѣ прекрасный портретъ императрицы Екатерины II былъ купленъ однимъ чиновникомъ морского вѣдомства за 11 рублей и выкупленъ потомъ у него обратно музеемъ за 100 рублей.

Модель-камеру я нашелъ въ крайне запущенномъ состояніи. Содержатель ея, офицеръ, былъ уже нѣсколько времени боленъ: онъ сошелъ съ ума. Онъ находился въ больницѣ, но изъ состраданія къ нему и по родству съ директоромъ кораблестроительнаго департамента его не увольняли отъ должности. Такимъ образомъ модель-камера была на рукахъ сторожей. Нагроможденіе кое-какъ въ такомъ помѣщеніи, въ одной комнатѣ, моделей, покрытыхъ пылью, отсутствіе не только какого-нибудь каталога, но даже простой номенклатуры дѣлало пользованіе модель-камерой совершенно невозможнымъ; да о ней совсѣмъ и забыли. Въ то время, когда парусный флотъ замѣнялся паровымъ, деревянный—желѣзнымъ и потомъ броненоснымъ, въ то время, когда за большія деньги выписывалось изъ заграницы и изготовлялось большое число моделей новыхъ изобрѣтеній, модель-камера вовсе не пополнялась новыми моделями, и послѣднія, по миновaніи надобности, валялись въ разныхъ помѣщеніяхъ Адмиралтейства.

Въ представленной мною докладной запискѣ я предложилъ возстановить музей, преобразивъ въ него модель-камеру, въ которую назначить новаго содержателя. Съ своей стороны я указалъ на князя Ухтомскаго для замѣщенія этой должности. Краббе одобрилъ проектъ возстановленія музея, но относительно предлагавшагося мною лица сказалъ: «Ну нѣтъ, я вамъ назначу поспособнѣе для такой должности. Есть нѣкто лейтенантъ Барановъ; онъ великій мастеръ на всякія ручныя издѣлія. Вотъ онъ будетъ тутъ на мѣстѣ. Я вамъ пришлю его».

Дня черезъ два мнѣ доложили, что пришелъ лейтенантъ Барановъ. Въ кабинетъ вошелъ молодой человѣкъ, брюнетъ высокаго роста съ тонкими чертами лица и живыми, выразительными и проницательными глазами. Общее впечатлѣніе немного еврейскаго типа. Мундиръ съ иголочки сидѣлъ безукоризненно, но свободно, безъ перехватовъ; видно было, что сшитъ не военнымъ портнымъ, а хорошимъ статскимъ. Все было пригнано до степени совершенства, все блестѣло, но не кидалось особенно въ глаза: пуговицы съ рельефными орлами, цѣпочка, брелочки, орденъ маленькаго Станислава и медаль въ память войны 1853 года съ изящно завязанной ленточкой. Длинные пальцы оканчивались отрощенными ногтями безукоризненной чистоты и округленности, а на мизинцѣ, которымъ онъ обыкновенно указывалъ нужное на планахъ, картахъ и моделяхъ при представленіи ихъ, ноготь особенно длиненъ и кра-

совался перстень съ большой бирюзой. Я помню, что тщательность и изящество его туалета, строго согласнаго съ формой, тогда же произвела на меня впечатлѣніе, и эта отличительная черта никогда не покидала его. На работѣ, въ мастерской, въ гостинной, въ канцеляріи онъ былъ всегда одѣтъ не только чисто, но изящно. Говорятъ, что во время сраженія на «Вестѣ» онъ былъ также одѣтъ безукоризненно изящно.

Съ строгимъ соблюденіемъ того тона, съ которымъ подчиненный военнаго званія является къ начальству, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ сохраненіемъ достоинства и съ сдержанностью онъ лишь сказалъ, что управляющій министерствомъ назначаетъ его содержателемъ модель-камеры и состоящей при ней модельной мастерской, что онъ приказалъ ему явиться ко мнѣ, что онъ, Барановъ, любитъ эту часть, готовъ работать и явился за моими указаніями. Барановъ съ перваго же раза произвелъ на меня отличное впечатлѣніе. Было очевидно, что это человѣкъ умный, развитой, бывалый и ловкій. Изъ моихъ разспросовъ, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ, оказалось, что онъ плавалъ на военныхъ судахъ, потомъ былъ на коммерческихъ, затѣмъ былъ мировымъ посредникомъ и опять явился служить въ военномъ флотѣ. Я высказалъ ему мое удовольствіе, что съ нимъ познакомился, и разсказалъ результаты моихъ изысканій въ архивѣ. Мы порѣшили дѣйствовать такъ, какъ будто музей уже существовалъ, собирать пока вещи въ модель-камерѣ, а тамъ, что Богъ дастъ. Однимъ словомъ не затруднять начальство требованіями на первыхъ порахъ, но пользоваться обстоятельствами. Надо замѣтить, что я никогда не получалъ никакого спеціальнаго порученія на устройство музея, что высшее завѣдываніе этимъ дѣломъ сосредоточилось у меня въ рукахъ какъ-то само собой, и шуточное прозвище, данное мнѣ Краббе: «Маннъ-музей» такъ часто имъ повторялось, что дѣйствительно я сдѣлался олицетвореніемъ этого учрежденія.

Дѣло пошло очень успѣшно. Разобравъ модели и очистивъ ихъ отъ пыли, Барановъ вскорѣ нашелъ возможнымъ увеличить самое помѣщеніе модель-камеры и сдѣлать его сколько нибудь приличнымъ. Для этого онъ вывелъ изъ сосѣдняго помѣщенія квартиру сторожей и присоединилъ эту комнату къ модель-камерѣ, черезъ что образовалось помѣщеніе въ два свѣта. Модели и вещи расположены по стѣнамъ въ самой комнатѣ красивыми группами, все заблистало безукоризненной чистотой, вездѣ появились надписи, сторожа одѣлись въ новое съ иголочки, вытянулись, помолодѣли, стали вѣжливѣе и развязнѣе. Модельная мастерская, состоящая при модель-камерѣ, также помолодѣла и начала изготовлять самыя сложныя и мелкія издѣлія. Барановъ во всякое время, всегда на мѣстѣ. Съ видомъ человѣка, исполняющаго дѣло первой государственной важности, съ утонченной вѣжливостью и

предупредительностью принимаетъ онъ каждаго изъ посѣтителей, которыхъ самъ же искуссно завлекаетъ подъ разными предлогами въ забытое помѣщеніе модель-камеры, и всегда умѣетъ заинтересовать посѣтителя объясненіемъ ему какой-нибудь новинки, смотря по характеру и развитію послѣдняго. А новинки то-и дѣло стали появляться въ стѣнахъ модель-камеры. Экипажескіе магазины и другія портовыя и министерскія помѣщенія осмотрѣны, и все интересное въ историческомъ или техническомъ отношеніи и не распроданное еще начальствомъ для очистки помѣщеній «за негодностью» перенесено оттуда въ модель-камеру и получило объяснительные ярлыки. Въ архивахъ найдены слѣды, куда исчезли тѣ или другія вещи изъ бывшаго музея и, что было возможно вернуть въ министерство покупкою, или другими способами, возвращено. Центральнымъ мѣстомъ для моделей новыхъ изобрѣтеній также сдѣлалась модель-камера, и посѣщеніе ея стало поучительно. Число посѣтителей модель-камеры начало быстро увеличиваться, о ней начали говорить, ее посѣтилъ великій князь. Я помогалъ Баранову своимъ вліяніемъ, какъ вице-директоръ канцеляріи, содѣйствовалъ отысканію въ смѣтѣ денегъ на покрытіе расходовъ, но устройство модель-камеры въ подробностяхъ всецѣло принадлежало ему.

Человѣкъ очень умный и необыкновенно ловкій, съ такимъ изящнымъ, артистическимъ вкусомъ, онъ на лету хваталъ то, что не приходило ему самому въ голову при устройствѣ ввѣреннаго ему учрежденія, и развивалъ поданную ему мысль во всѣхъ деталяхъ превосходно. Вести съ нимъ дѣло было чрезвычайно пріятно, легко, интересно, увлекательно. Я восхищался каждый разъ, когда онъ показывалъ кому-нибудь при мнѣ модель-камеру или какую-нибудь вещь. «Вотъ человѣкъ,—говорилъ я себѣ сперва,—на своемъ мѣстѣ, какъ онъ умѣетъ заинтересовать, придать значеніе каждой вещи...» Черезъ нѣсколько времени, однако, какъ-то само собою сдѣлалось, что я началъ говорить про его объясненія: «Какъ онъ хорошо показываетъ казовый конецъ каждой вещи, какъ онъ умѣетъ пускать пыль въ глаза!» Наконецъ, присмотрѣвшись болѣе, въ одинъ прекрасный день я долженъ былъ сказать себѣ: «Да онъ просто лжетъ». И, сдѣлавъ это открытіе, я путемъ опыта убѣдился, что Барановъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ лжецовъ въ мірѣ, не стѣсняющійся размѣрами лжи до такой степени, что большинству лицъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, не приходило и въ голову, что онъ лжетъ, другіе же допускали только, что онъ привираетъ. Между тѣмъ по части лжи онъ великій артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Ловкость, съ которой онъ пускаетъ въ ходъ эту ложь, поистинѣ изумительна. Иногда въ видѣ намека, полуслова, иногда въ видѣ тонкой лести, вырвавшагося сердечнаго порыва, глубокаго чувства, съ которымъ онъ не въ состояніи совладѣть, Барановъ бро-

салъ въ обращеніе при удобномъ случаѣ разныя замѣтки, мнѣнія, истины, небывалые факты, которые могли быть полезны ему или повредить тѣмъ лицамъ, которымъ ему было выгодно напакостить. Онъ не стѣснялся размѣрами лжи въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельствъ нельзя было провѣрить или онъ зналъ, что изобличать его невыгодно и что изобличать не стоитъ. Такія импровизаціи давались ему необыкновенно легко, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, безъ запинки, спокойно, съ большой самоувѣренностью разсказывалъ онъ съ большими подробностями то, чего никогда не было, и иногда мнѣ казалось, что онъ самъ вѣритъ разсказываемому; онъ извивался и ловко выскользалъ всякій разъ, когда представлялось, что вотъ-вотъ его уловишь. Эта несчастная слабость Баранова ставила меня къ нему въ ненормальное положеніе. Я очень полюбилъ его за умъ, способности, готовность услужить, наконецъ, доброту и великодушіе къ подчиненнымъ, которыхъ онъ любилъ выдвигать впередъ и награждать. Хлопоча о себѣ, онъ любилъ подѣлиться пріобрѣтенными выгодами съ меньшей братіей и былъ очень щедръ. Но рядомъ съ этимъ у меня сдѣлалась привычкою, когда я говорилъ съ нимъ, всегда имѣть на умѣ, не лжетъ ли онъ, или сколько въ томъ, что онъ сказалъ, солгано. Барановъ лгалъ такъ умно и ловко, что ложь не только не внушала къ нему отвращенія, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ была увлекательна и возбуждала невольное сочувствіе. Напримѣръ, какъ онъ былъ хорошъ на всевозможныхъ международныхъ и отечественныхъ выставкахъ, куда его назначали представителемъ отъ морского вѣдомства посреди всевозможныхъ аферистовъ и благеровъ! Барановъ всегда любилъ представлять себя большимъ патріотомъ, таланты котораго возбуждаютъ зависть и не признаются по достоинству. Въ это первое время его патріотичная дѣятельность сосредоточилась на заботѣ о снабженіи нашихъ сухопутныхъ войскъ скорострѣльными ружьями. Въ 1867 году послѣ необыкновенныхъ успѣховъ пруссаковъ, благодаря игольчатымъ ружьямъ въ войнѣ ихъ съ Австріей, повсюду въ Европѣ стали вводить скорострѣльныя ружья, заряжающіяся съ казенной части. Наше военное сухопутное вѣдомство медлило, колебалось между различными предлагавшимися ему системами и имѣло въ виду не изготовленіе новыхъ ружей, но передѣлку въ скорострѣльныя находившихся въ изобиліи въ запасахъ семи линейныхъ нарѣзныхъ ружей, заряжающихся съ дула. Барановъ предложилъ на испытаніе свой образецъ, составлявшій примѣненіе системы Альбини къ нашимъ ружьямъ съ нѣкоторыми въ ней улучшеніями. Военно-сухопутное вѣдомство болѣе склонялось въ пользу другого образца, принадлежавшаго иностранцу Крынку. Барановъ очень искусно и тонко провелъ пропаганду въ пользу своего образца, распространяя подъ рукой извѣстіе, что изобрѣтенію его не даютъ хода потому, что оно

принадлежитъ русскому, а не иностранцу, и не даетъ возможности корыстоваться, кому слѣдуетъ. Въ послѣднемъ, вѣроятно, было не безъ правды, ибо взяточничество чиновниковъ и офицеровъ сухопутнаго артилерійскаго управленія процвѣтало въ то время въ обширныхъ размѣрахъ. Какъ отличный стрѣлокъ, онъ умѣлъ показать достоинства своего изобрѣтенія знатокамъ; передъ незнатокомъ онъ ограничивался щелканіемъ курка на своей винтовкѣ. Но какъ увлекательно онъ умѣлъ объяснять, съ какимъ видомъ достоинства и скромности умѣлъ онъ выставлять преимущества своего изобрѣтенія, какъ искусно и ловко у него вырывались полунамеки на интриги противниковъ, съ какимъ чувствомъ звучала патріотическая струна въ этихъ отрывистыхъ фразахъ! И какую чудесную щегольскую винтовку онъ показывалъ и какъ граціозно и мастерски она двигалась у него въ рукахъ! Онъ сумѣлъ какимъ-то образомъ заинтересовать этимъ дѣломъ наслѣдника престола, незадолго передъ тѣмъ получившаго это званіе послѣ смерти брата и не умѣвшаго еще различать предложеній аферистовъ отъ дѣла. «Отечество находится въ опасности, беззащитно», твердили его высочеству окружавшіе его молодые офицеры: графъ Воронцовъ-Дашковъ, Козловъ, графъ Олсуфьевъ и К°, сдѣлавшіеся изъ пріятелей и адъютантовъ великаго князя пріятелями и адъютантами наслѣдника престола, а потому и государственными людьми. «Нѣмцы у насъ повсюду; они помогаютъ своимъ собратьямъ-пруссакамъ». Мнѣ неизвѣстно, черезъ кого и какъ проникъ Барановъ къ наслѣднику; спрашивать его было неумѣстно, да онъ и не сказалъ бы правды, но сплелъ бы какую-нибудь исторію себѣ въ пользу. Какъ бы то ни было, а наслѣдникъ сдѣлался жаркимъ сторонникомъ ружья Баранова и вошелъ въ это дѣло со всѣмъ увлеченіемъ неосторожнаго молодого человѣка. Мнѣ неизвѣстно также достовѣрно, какъ примкнулъ къ этому дѣлу одинъ изъ величайшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнѣйшихъ р у с с к и х ъ аферистовъ, которыхъ я встрѣчалъ въ своей жизни, Николай Ивановичъ Путиловъ.

XII.

Н. И. Путиловъ и дѣятельность его по морскому министерству.—Устройство Морского музея.—Художественная сторона музея Великій Князь Константинъ Николаевичъ и художникъ Ге.—Общества: садоводства и духовой музыки.

Путиловъ получилъ образованіе въ Морскомъ корпусѣ, но вскорѣ оставилъ службу во флотѣ и занялся промышленностью. Во время восточной войны 1853-1856 годовъ онъ построилъ на коммерческомъ основаніи нѣсколько клиперовъ и по окончаніи постройки представилъ великому князю обратно нѣсколько десят-

ковъ тысячъ рублей, какъ остатокъ данной ему въ безотчетное распоряженіе суммы на постройку этихъ судовъ. Денегъ этихъ отъ него никто не требовалъ, и представленіе ихъ произвело большой эфектъ. Съ тѣхъ поръ слово «Путиловъ» и «честность» сдѣлались синонимами въ морскомъ вѣдомствѣ, и Николай Ивановичъ пошелъ шибко въ ходъ. А онъ не задумывался долго надъ избраніемъ предметовъ дѣятельности. Чего, чего онъ не предпринималъ? И чугунъ плавилъ, и пушки отливалъ, и ядра ковалъ, и рельсы прокатывалъ, строилъ желѣзныя дороги, устраивалъ морской каналъ и коммерческій портъ въ С. Петербургѣ. Все это онъ дѣлалъ съ большимъ шикомъ и трескомъ, бросалъ много денегъ направо и налѣво и не разбирая кому, устраивалъ лукулловскіе завтраки и обѣды, имѣлъ большой штабъ и свиту, въ которыхъ иногда появлялись довольно громкія имена. Морскаго канала и торговаго порта въ С. Петербургѣ онъ не устроилъ, а модель проэкта этихъ сооруженій, расположенная на зеркалѣ для лучшаго изображенія воды, съ игрушечными моделями церквей всѣхъ вѣроисповѣданій, больницы, пакгаузовъ, долго мозолила всѣмъ глаза и, наконецъ, попала въ музей. Онъ даже ухитрился, при неимѣніи въ сущности порта, дать представленіе, какъ два судна, одно пришедшее изъ Америки, а другое съ Волги, обмѣниваются у него въ порту товарами, и по этому случаю угостилъ очень многочисленное общество отличнымъ обѣдомъ и патріотическими спичами. Прокатка каждаго милліона рельсовъ на его желѣзно-прокаточномъ заводѣ давала ему также поводъ къ отличнымъ обѣдамъ и спичамъ. Обыкновенно посылались приглашенія въ такой формѣ: «Владѣтель рельсоваго и механическаго завода Н. Путиловъ, за себя и по порученію мастеровыхъ, имѣетъ честь покорнѣйше просить удостоить заводъ посѣщеніемъ (такого-то числа) для осмотра работъ на полномъ ходу при прокаткѣ (такого-то) милліоннаго пуда рельсовъ, затѣмъ откушать заводскаго хлѣба-соли и посмотрѣть праздникъ мастеровыхъ по случаю окончанія прокатки (такого-то) милліона пудовъ». На заводѣ при этомъ веегда давалось такое представленіе: Путиловъ приводитъ публику въ одну изъ мастерскихъ, гдѣ устроено нѣчто въ родѣ висѣлицы съ тяжелой бабой наверху и съ обозначеніемъ футовой мѣры на столбахъ. «Давай рельсъ съ нашего завода», командуетъ Путиловъ и приказываетъ его бить бабой сперва съ умѣренной высоты, а потомъ все болѣе и болѣе поднимая бабу до самаго верха. Рельсъ не ломается. «Давай англичанина», командуетъ затѣмъ Путиловъ, и рельсъ разбивается вдребезги при первомъ ударѣ, едва подняли бабу. Посѣщать эти обѣды съ представленіями не считалось предосудительнымъ лицами наиболѣе высоко поставленными, а равно вести съ Путиловымъ дружбу несмотря на его подрядческую дѣятельность. Какъ-то подразумѣвалось, что Путиловъ подрядчикъ не изъ барыша, а изъ патріотиз-

ма, что, хлопоча о предоставленіи ему того или другого предпріятія, онъ имѣетъ въ виду прежде всего выгоды отечества и жертвуетъ собою. «Я человѣкъ русскій. Спаси насъ Богъ и сохрани отъ нѣмцевъ! Потрудиться для младшаго брата, рабочаго, дать ему и его семейству сытный и обезпеченный кусокъ хлѣба и чарку хорошаго вина—вотъ цѣль моей дѣятельности». Такія и тому подобныя фразы такъ и сыпались у него и не могу сказать, чтобы не исходили изъ глубины убѣжденія. Путиловъ былъ прежде всего фантазеръ. Когда было возможно, онъ ограничивался такими фразами. Онъ былъ очень щедръ и, когда при деньгахъ, не жалѣлъ ихъ. Многіе, очень многіе, безъ сомнѣнія, поживились отъ него, но обезпеченности отъ него не ожидай. Черезъ его руки прошли не сотни тысячъ рублей, а милліоны, но онъ кончилъ тѣмъ, что умеръ, обремененный долгами и подъ опекой государственнаго банка. Это былъ человѣкъ иниціативы и благожелательной фантазіи, но не дѣла; однако дѣятельность его, какъ дорого она ни обошлась казнѣ и какъ печально ни окончилась для предпринимателя, имѣла положительно полезные результаты. Онъ будилъ нашу апатію въ администраціи и мѣшалъ передать всѣ предпріятія по желѣзнозаводскому дѣлу въ руки иностранцевъ, что было такъ удобно и безотвѣтственно для министерствъ, но ставило насъ въ зависимость отъ иностранцевъ не только въ дѣлѣ промышленности, но даже охраны государственной безопасности.

Въ 1867 году Путиловъ уже совсѣмъ сформировался въ такого дѣятеля, но не достигъ еще апогея своего величія. Показать изумительную свою дѣятельность наслѣднику престола и послужить патріотическому дѣлу очень польстило его самолюбію, и онъ, по приглашенію наслѣдника, принялъ на передѣлку 10 тысячъ пѣхотныхъ шестилинейныхъ винтовокъ въ скорострѣльныя ружья по образцу Баранова въ чрезвычайно короткій срокъ и на необыкновенно выгодныхъ условіяхъ съ тѣмъ, чтобы передѣлка производилась на морскихъ ижорскихъ заводахъ. Этимъ маневромъ хотѣли доказать, что система, предложенная Барановымъ, лучшая, и что у насъ имѣются и дѣятели, и средства, чтобы вооружить всю армію въ Россіи въ короткій срокъ и на выгодныхъ условіяхъ, была бы только охота со стороны военнаго вѣдомства дать ходъ такому патріотическому дѣлу. Управляющій морскимъ министерствомъ Краббе и Великій Князь генералъ-адмиралъ также нашли нужнымъ поддерживать Наслѣдника, который принялъ на себя расходы по передѣлкѣ оружія.

Ружья были дѣйствительно передѣланы Путиловымъ чрезвычайно скоро, но такое непрошенное вмѣшательство въ дѣла военнаго вѣдомства чрезвычайно оскорбило военнаго министра Милютина. Онъ просилъ отставки, и Государь сдѣлалъ нагоняй Наслѣднику, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ израсходованную сумму воз-

вратить ему изъ государственнаго казначейства. Весьма естественно, что военно-сухопутное вѣдомство не могло послѣ всего этого благопріятствовать ружьямъ Баранова, его имя произносилось въ Военномъ Министерствѣ съ скрежетомъ зубовъ, его система была забракована и отдано предпочтеніе образцу Крынка; передѣланныя же по образцу Баранова винтовки переданы въ Морское Вѣдомство для вооруженія матросовъ. Барановъ, впрочемъ, получилъ орденъ Владиміра и 10 тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства за свои хлопоты, Путиловъ также какую-то награду. Но вся эта исторія имѣла и хорошую сторону. Она обратила вниманіе на вопросъ о скорѣйшемъ введеніи скорострѣльныхъ ружей, и это дѣло быстро двинулось впередъ.

Около этого же времени чрезвычайно улучшилось положеніе Баранова, какъ начальника морского музея: съ задняго двора адмиралтейства музей перебрался въ бель-этажъ зданія Главнаго Адмиралтейства съ окнами на адмиралтейскую площадь и занялъ обширное помѣщеніе, которое вскорѣ еще расширилось.

Выше, по случаю передѣлки зданія Адмиралтейства въ квартиры для Управляющаго Министерствомъ и другихъ высшихъ административныхъ лицъ, я упомянулъ объ Инженерномъ и Артилерійскомъ училищахъ морского вѣдомства по поводу происходившихъ тамъ театральныхъ представленій. Училище это въ началѣ 60-хъ годовъ значительно сократилось, и прежнее помѣщеніе отъ среднихъ воротъ Адмиралтейства подъ шпицомъ до самой Невы со стороны Сената далеко превышало потребность училища. Обширныя комнаты въ бель-этажѣ отъ среднихъ воротъ до церкви стояли почти пустыя, занятыя кое-гдѣ квартирами офицеровъ училища; въ верхнемъ же этажѣ помѣщались, во исполненіе требованія Третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, агенты тайной полиціи. Заключая въ себѣ лицъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола, она имѣла обязанностью шпіонить въ толпѣ, подсматривать, подслушивать и доносить, кому слѣдуетъ. Люди эти переодѣвались въ разное платье, надѣвали парики, бороды; мальчики переодѣвались даже въ женское платье. Начальникомъ этой почтенной команды былъ нѣкто Газе, зять дѣлопроизводителя канцеляріи морского министерства Мицкевича, того самаго, который потомъ сдѣлался директоромъ канцеляріи министерства финансовъ, гофмейстеромъ, поднимавшимъ такъ высоко носъ и выдававшимъ себя за аристократа чистой крови. Я ничего не зналъ относительно этого родства, и, Боже, какъ онъ сконфузился, когда однажды, сопровождая меня при осмотрѣ помѣщенія чиновъ этой полиціи, нечаянно встрѣтилъ въ коридорѣ своего зятя.

Сдѣлавшись директоромъ канцеляріи Морского Министерства, я началъ хлопотать, чтобы свободныя комнаты въ бель-этажѣ отвести подъ музей. Тутъ мнѣ пришлось выдержать цѣлую битву съ

только что назначеннымъ главнымъ командиромъ С.-Петербургскаго порта, Аркадіемъ Васильевичемъ Воеводскимъ, предполагавшимъ помѣстить въ этихъ компатахъ вновь образованное въ то время управленіе С.Петербургскаго порта, сдѣланнаго главнымъ портомъ. Въ другомъ мѣстѣ я разскажу о значеніи этой мѣры и о томъ вліяніи, которое оно имѣло на мое служебное поприще. Въ дѣлѣ перенесенія музея въ новое помѣщеніе я настоялъ на своемъ, доказавъ, что для помѣщенія С. Петербургскаго порта совершенно достаточно верхняго этажа въ правомъ крылѣ Главнаго Адмиралтейства. Почти въ то же время мнѣ удалось придать музею значеніе учрежденія, существованіе котораго утверждено законодательной властью черезъ Государственный Совѣтъ. Для этого я включилъ постановленіе о существованіи музея, какъ составной части учрежденій министерства въ представленіе въ Государственный Совѣтъ о новомъ управленіи морскимъ министерствомъ, которое тогда экстренно разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ по случаю необходимости съ января 1867 года сдѣлать значительныя сокращенія въ смѣтѣ морского министерства. Я такъ много хлопоталъ о музеѣ, что мои сильныя симпатіи къ этому учрежденію были хорошо извѣстны какъ Краббе, такъ и Великому Князю, и оба они, шутя, увѣковѣчили мое участіе въ этомъ дѣлѣ. Слушая составленную мною записку для представленія въ Государственный Совѣтъ, которая заключала въ себѣ проэктъ преобразованія морского министерства и докладывалось мною же въ корректурныхъ листахъ, Краббе, когда я ему читалъ мѣсто о музеѣ, попросилъ у меня корректурные листы и набросалъ сбоку на поляхъ карандашемъ рисунокъ, изображающій какого-то господина въ круглой шляпѣ съ pince-nez верхомъ и подписалъ: «К. А. Маннъ на любимомъ конѣ». Когда послѣ этого я докладывалъ дѣло его высочеству, онъ увидѣлъ этотъ рисунокъ и спросилъ— «А это что за иллюстрація?» Я объяснилъ. «Да какъ же это? Николай Карловичъ ошибся, васъ нужно изобразить морякомъ, а не статскимъ» и нарисовалъ внизу другой эскизъ. Я храню эти два рисунка какъ воспоминаніе о времени созданія музея и моего въ этомъ дѣлѣ участія и думаю, что, когда насъ всѣхъ тутъ не будетъ въ семъ мірѣ, мѣсто этимъ оригинальнымъ иллюстраціямъ въ музеѣ.

При моемъ, какъ директора канцеляріи, содѣйствіи черезъ ассигнованіе денежныхъ средствъ и другими всякими способами, находившимися въ моей власти, Барановъ превосходно устроилъ музей въ новомъ помѣщеніи. Гдѣ-то, въ экипажескихъ магазинахъ. онъ нашелъ старый паркетъ и, перебравъ его заново, замѣнилъ въ залахъ музея досчатый полъ паркетнымъ. Цѣлыя арки вынуты, и комнаты превращены въ залы. Все заблестѣло, вещи соединились въ красивыя группы. Вскорѣ и верхній этажъ присоединился къ музею, такъ какъ чины тайной полиціи если не безчинствовали

въ зданіи Адмиралтейства, то по крайней мѣрѣ, страшно тамъ свинствовали и не признавали высшей власти, если не Управляющаго Министерствомъ, то по крайней мѣрѣ, смотрителя зданія. Этимъ обстоятельствомъ Краббе воспользовался, чтобы настоять у шефа жандармовъ на выселеніи этихъ гостей изъ своихъ владѣній, и такимъ путемъ верхній этажъ отошелъ къ музею. Это дало новый просторъ артистической фантазіи Баранова, и онъ устроилъ одну часть музея въ два свѣта съ помѣщеніемъ въ ней громадной модели корабля «Императоръ Николай» съ полнымъ вооруженіемъ. Вообще надо отдать справедливость Баранову: ему удалось устроить музей на славу. Вездѣ видна идея, все красиво, изящно.

Рядъ залъ, раздѣленныхъ широкими пролетами, начинался залою, предназначенною для лекцій, собраній и разныхъ засѣданій. Далѣе въ слѣдующихъ залахъ помѣщено въ послѣдовательномъ порядкѣ множество моделей и другихъ вещей, относящихся къ морской спеціальности, морской артилеріи, строительнаго искусства, быта людей на военныхъ судахъ, одежды и питанія людей, освѣщенія морей, спасательныхъ снарядовъ и пр. Тутъ же много вещей, пожертвованныхъ нашими командирами судовъ, возвращавшимися изъ кругосвѣтнаго плаванія, которыхъ Барановъ умѣлъ заинтересовать музеемъ. Въ глубинѣ музея устроенъ особый залъ, которому онъ присвоилъ названіе «Пантеонъ». Въ этомъ залѣ собраны всѣ вещи, принадлежащія флоту, съ именемъ которыхъ соединены особенно славныя воспоминанія. Баранову пришла счастливая мысль въ этомъ же залѣ помѣщать портреты всѣхъ морскихъ героевъ и непремѣнно всѣхъ моряковъ, которые получили военный орденъ св. Георгія 3 степени. Это такая высокая военная награда, что каждому, кто удостоился ея, по справедливости, принадлежитъ мѣсто въ музеѣ. Начали собирать коллекцію имѣющихся литографированныхъ или гравированныхъ такихъ портретовъ, снимать копіи съ портретовъ масляными красками, составляющихъ семейную принадлежность; съ тѣхъ моряковъ, имѣющихъ орденъ св. Георгія 3 степени, которые находятся еще въ живыхъ, положено снять портреты. Къ несчастью, въ этомъ послѣднемъ залѣ я совершенно неумышленно повредилъ успѣху: безъ вины виноватъ.

Съ Николаемъ Николаевичемъ Ге, извѣстнымъ нашимъ живописцемъ, я свелъ дружбу еще въ то время, когда онъ былъ ученикомъ Академіи художествъ. Окончивъ довольно ординарно курсъ въ Академіи, онъ потомъ въ Италіи написалъ извѣстную свою картину: «Тайная вечеря», отличающуюся не только широтою кисти и эфектнымъ сопоставленіемъ свѣта и тѣней, но и оригинальностью идеи. Подъ вліяніемъ незадолго передъ тѣмъ появившейся книги Эрнеста Ренана «Vie de Jésus», въ которой авторъ представилъ Іисуса Христа не Богомъ, но высоконравственнымъ человѣкомъ,

Ге изобразилъ тайную вечерю не по шаблону всѣхъ прежнихъ картинъ этого рода—Іисуса Христа въ серединѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, а ученики въ шеренгу вокругъ стола—а въ простой обстановкѣ бѣднаго жилища, и самое предательство Іуды представилъ не результатомъ корысти, но слѣдствіемъ различія убѣжденій, различія, которое окончательно выразилось во время тайной вечери. Картина именно выражаетъ тотъ драматическій моментъ, когда Христосъ окончательно разрываетъ съ Іудой, и послѣдній, набрасывая свою хламиду, оставляетъ мѣсто собранія. Картина произвела большой переполохъ въ С. Петербургскомъ обществѣ, когда появилась на выставкѣ. Цѣлыя толпы собирались смотрѣть ее, большинство, конечно, благодаря смѣлости и новизнѣ способа обработки сюжета. Но и присяжные цѣнители нашли картину до такой степени замѣчательной въ художественномъ отношеніи, что Ге получилъ званіе академика, и картина его пріобрѣтена Академіей художествъ. Другая картина: «Петръ Великій, допрашивающій царевича Алексѣя въ Монплезирѣ», написанная Ге черезъ нѣсколько времени, также произвела большое впечатлѣніе и куплена была Государемъ. Н. Н. Ге, милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, былъ мнѣ всегда очень симпатиченъ, и я находился съ нимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Я предложилъ Баранову его для снятія въ музей портретовъ съ морскихъ героевъ, находящихся въ живыхъ, такъ какъ на выставкѣ были уже нѣкоторые портреты работы Ге, обратившіе на себя также вниманіе публики. Условія вознагражденія были скоро установлены, и для дебюта положено снять портретъ съ адмирала Панфилова, одного изъ участниковъ Синопской битвы. Портретъ удался какъ нельзя лучше, сходство было поразительное, и Барановъ въ полной увѣренности, что портретъ будетъ одобренъ Великимъ Княземъ, повезъ его въ Мраморный дворецъ, чтобы получить согласіе его высочества на заказъ Ге и послѣдующихъ портретовъ. Музей въ то время такъ интриговалъ Великаго Князя, что безъ его одобренія нельзя было принять такой важной мѣры.

Въ это время я случайно былъ съ докладомъ у Его Высочества и, выйдя изъ его кабинета, нарочно остался въ бильярдной, гдѣ былъ выставленъ портретъ и находился Барановъ, чтобы присутствовать при торжествѣ Ге. Но намъ пришлось присутствовать при явленіи совершенно противоположнаго свойства. «Что за гадость?» вскричалъ Великій Князь, едва бросивъ взглядъ на портретъ. «Ничего хуже никогда не видывалъ; это какое-то мазанье для вывѣски! Нѣтъ, наше портретное искусство такъ упало, что музею не слѣдуетъ обращаться къ живописцамъ масляными красками. Теперь фотографія сдѣлала такіе большіе успѣхи, что для тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ музей, она вполнѣ можетъ служить. Заказывайте впредь большіе фотографическіе портреты.

раскрашенные красками», закончилъ онъ, обращаясь къ Баранову.

Великій Князь зналъ толкъ въ живописи, и меня чрезвычайно удивилъ такой рѣзкій, неумолимый приговоръ, въ которомъ просвѣчивала какая-то враждебность къ Ге. Впослѣдствіи я узналъ, что причина заключалась въ размолвкѣ, незадолго передъ тѣмъ происшедшей между Ге и сыномъ Великаго Князя, Николаемъ Константиновичемъ. Великій Князь Николай Константиновичъ незадолго передъ тѣмъ заказалъ Ге написать копію съ его же картины: «Петръ и царевичъ Алексѣй» и отказался уплатить условленную сумму. Вслѣдствіе этого между художникомъ, вообще благоговѣвшимъ передъ достоинствомъ людей, а не передъ титулами и званіями, и молодымъ Великимъ Княземъ произошли недоразумѣнія, которыя Великій Князь представилъ отцу какъ примѣръ возмутительной алчности со стороны Ге. Генералъ-Адмиралу пришлось судить портретъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, и чувство отца взяло верхъ надъ безпристрастіемъ офиціальнаго лица. Тѣмъ не менѣе портретъ адмиралъ Панфилова помѣщенъ въ музеѣ.

Два учрежденія примкнули къ музею. Общество садоводства, процвѣтавшее въ первое время своего существованія, въ началѣ 50-хъ годовъ, когда предсѣдателемъ его былъ С. Петербургскій городовой секретарь, Николай Егоровичъ Моллеріусъ, умный, образованный, любезный человѣкъ и большой любитель садоводства, а послѣ его смерти прозябавшее подъ предсѣдательствомъ состоявшаго по морскому вѣдомству камергера Захарія Николаевича Мухартова, также любезнаго человѣка, но совершеннаго нуля въ умственномъ отношеніи и Богъ знаетъ почему попавшаго въ предсѣдатели,[1]) воскресло снова и развернулось еще болѣе, когда предсѣдателемъ его сдѣлался Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ, въ то время еще бывшій директоромъ Канцеляріи Морского Министерства. Большой любитель садоводства, онъ началъ посѣщать собранія общества, происходившія въ одной изъ полуосвѣщенныхъ залъ Городской Думы, дошедшія до послѣдней степени малолюдства и не представлявшія рѣшительно ни для кого никакого интереса, и началъ возбуждать разные любопытные вопросы, касающіеся не администраціи общества, но техники са-

[1]) Захарій Николаевичъ былъ придворнымъ человѣкомъ до конца ногтей. Красивый когда-то собой, представительный, изящныхъ манеръ, говорящій безукоризненно по-французски, богатый, онъ жилъ и дышалъ только обществомъ. Онъ былъ долгое время камеръ-юнкеромъ, и вдругъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники его не сдѣлали одновременно камергеромъ. Боже мой, какъ онъ затосковалъ! «Я десять лѣтъ былъ камеръ-юнкеромъ и исполнялъ въ это время самыя трудныя порученія при дворѣ, и вдругъ меня не сдѣлали камергеромъ. Что, я разбилъ тарелку во время обѣда, наступилъ кому-нибудь на шлейфъ?» говорилъ онъ мнѣ съ отчаяніемъ въ голосѣ. Къ счастью, его отчаяніе было услышано: онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ даже гофмейстеромъ. Авт.

доводства и огородничества. Появленіе блестящаго свѣтскаго генерала, умнаго и умѣющаго говорить, сосредоточило на немъ все вниманіе присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ. Бѣдный Захарій Николаевичъ исчезалъ передъ нимъ, не смотря на свое предсѣдасѣдательское званіе, и потому не удивительно, что при первой же очередной баллотировкѣ Грейгъ былъ выбранъ предсѣдателемъ общества. Онъ тотчасъ же возвысилъ значеніе общества, сдѣлавъ собранія интересными для спеціалистовъ, увеличилъ число членовъ, вербуя ихъ между своими многочисленными знакомыми, усиливъ денежныя средства общества, исходатайствовалъ ему наименованіе императорскаго, вошелъ въ сношеніе съ иностранными обществами и даже устроилъ первую международную выставку садоводства въ Россіи. Зато какимъ же деспотомъ онъ былъ въ этомъ обществѣ! Его воля была здѣсь болѣе, чѣмъ законъ, и въ голову никому не приходило ему противорѣчить. Самыя собранія ожидали его часами. Помѣщеніе въ думѣ было для него неудобно и некомфортабельно. Поэтому онъ обратился ко мнѣ съ просьбою отвести въ музеѣ помѣщеніе для канцеляріи, гербарія и библіотеки общества и дать обществу право собираться въ большой залѣ музея въ условленные дни. Это устроилось, и музей пріютилъ общество садоводства. Не могу по этому случаю не вспомнить о томъ ужасномъ положеніи, въ которое поставилъ меня Грейгъ.

Онъ вздумалъ отпраздновать новоселье общества молебномъ и обѣдомъ. Вообще охотникъ до религіозныхъ торжествъ по православному обряду, хотя самъ былъ англиканцемъ, и до обѣдовъ со спичами, которые превосходно говорилъ, Грейгъ въ этомъ случаѣ тѣмъ охотнѣе сдѣлалъ подобное предложеніе, что возсѣданіе за трапезой съ разными садовниками и огородниками увеличивало его популярность, а проявленіе на подобныхъ собраніяхъ различными способами несомнѣннаго «обожанія» со стороны членовъ общества къ его особѣ пріятно щекотало его самолюбіе. Обѣдъ былъ устроенъ по подпискѣ, но и я, подъ вліяніемъ, очевидно, Грейга, получилъ приглашеніе въ число гостей. Мнѣ крайне не котѣлось появляться на обѣдѣ, ибо я зналъ, что дѣло не обойдется безъ тоста въ мою честь какъ по поводу устроеннаго мною новоселья, такъ и потому, что я уже нѣсколько времени помогалъ обществу въ его различныхъ потребностяхъ съ тѣхъ поръ, какъ оно начало устраивать свои общія собранія въ залахъ Адмиралтейства. Я хотѣлъ отказаться отъ обѣда подъ предлогомъ болѣзни, но Грейгъ и слышать не хотѣлъ. Онъ такъ настаивалъ, чтобы я пріѣхалъ, что я, наконецъ, согласился, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ далъ мнѣ честное слово не предлагать тоста въ мою честь. Въ концѣ обѣда я преспокойно трудился надъ какимъ-то цыпленкомъ или куропаткой въ образѣ жаркого, когда Грейгъ послѣ блестящаго спича, въ которомъ онъ разсказалъ исторію

возникновенія и развитія общества садоводства, всталъ во второй разъ, чтобы говорить. «Я имѣю обыкновеніе», сказалъ онъ, «хранить крѣпко разъ данное честное слово, но, когда такое слово дано въ удовлетвореніе ни съ чѣмъ не сообразнаго каприза ближняго, кажется, можно его нарушить. Вотъ мой сосѣдъ (онъ указалъ на меня) взялъ съ меня слово, что я не упомяну о немъ въ тотъ день, когда мы празднуемъ новоселье, которымъ мы ему обязаны. Сообразно-ли это съ самыми основными правилами справедливости? Вы, господа, согласитесь со мною, что мнѣ слѣдуетъ нарушить слово, и я его нарушаю. Вотъ, что онъ сдѣлалъ для насъ...» и пошелъ и пошелъ. Я очень хотѣлъ провалиться сквозь землю, но такъ какъ это мнѣ не удалось, то я принужденъ былъ принять тостъ и отвѣчать на него. Это было въ первый разъ, что я говорилъ въ обществѣ и притомъ, не приготовившись. Сердце сильно у меня билось, когда я всталъ съ бокаломъ въ рукахъ, и въ залѣ воцарилось молчаніе. Поэтому я могъ только ограничиться нѣсколькими словами, сказавъ, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ, что мои заслуги преувеличены Самуиломъ Алексѣевичемъ, что общество своею полезною дѣятельностью само открыло себѣ путь въ Адмиралтейство, что я только помогъ отворить дверь. Сильно досадовалъ я въ то время на почтеннаго Самуила Алексѣевича, но вскорѣ мнѣ пришлось искренно благодарить его за эту вышеприведенную «пробу пера» моего краснорѣчія. Послѣ обѣда вздумали меня еще качать: чуть не вырвало.

Къ другому обществу, нашедшему также пріютъ въ музеѣ, я не имѣлъ никакого отношенія. Оно введено въ музей Барановымъ, и замѣчательно тѣмъ, что въ немъ участвовалъ Наслѣдникъ престола. Это общество духовой музыки. Цесаревичъ пожелалъ играть марши на духовыхъ инструментахъ, подобралъ желающихъ угодить ему въ этомъ дѣлѣ, и вскорѣ образовалось музыкальное общество, «негласное», которое собиралось въ музеѣ для репетицій и потомъ отъ времени до времени играло во дворцѣ Наслѣдника, иногда даже въ присутствіи Государя. Въ тѣ вечера, когда общество собиралось въ музеѣ, послѣдній становился недоступной святыней, и Барановъ, какъ хозяинъ, охранялъ эту недоступность. Какъ онъ умѣлъ показать всю важность своей задачи! Это было не чванство выскочки; это было скорѣе стараніе скрыть самое существованіе собраній и участіе въ нихъ Цесаревича, стараніе, не удающееся вслѣдствіе важности самаго событія. Если по пословицѣ и простого шила нельзя утаить въ мѣшкѣ, то какъ же ему, Баранову, сумѣть утаить присутствіе въ музеѣ Наслѣдника престола, и у него вырывались фразы о добротѣ къ нему Наслѣдника, объ умѣ и патріотизмѣ Его Высочества, о добротѣ и привѣтливости Цесаревича, объ умѣ ихъ малютки-сына. Такимъ образомъ для простыхъ смертныхъ Барановъ явился уже окруженный ореоломъ

августѣйшей бесѣды, рукопожатій и ужиновъ. Съ другой стороны, Наслѣднику Барановъ представлялся человѣкомъ очень умнымъ и дѣльнымъ: это мнѣ положительно извѣстно со словъ Краббе. Барановъ могъ обворожить всякаго, кого пожелалъ бы; какъ же ему было не заинтересовать Наслѣдника, къ чему онъ, безъ сомнѣнія, приложилъ особое стараніе, если принять во вниманіе, что Цесаревичу и въ голову не могла придти мысль, что Барановъ великій мастеръ соединять быль съ небылицей!

Музей получилъ видное положеніе въ разрядѣ учрежденій Министерства; все, что было живого и мыслящаго въ морскомъ вѣдомствѣ, интересовалось имъ; его посѣтилъ Государь, посѣщали Великіе Князья, и Генералъ-Адмиралъ посѣщалъ довольно часто. Барановъ плавалъ посреди всего этого, какъ рыба въ водѣ, то и дѣло выставляя въ музеѣ новыя приманки. Вся обстановка въ музеѣ была такъ хороша, удобна и комфортабельна, что Барановъ никакъ не могъ пожаловаться на недостатокъ гостей. То и дѣло собирались въ этомъ модномъ въ то время учрежденіи засѣданія разныхъ комиссій, обществъ. Въ открытые для публики дни въ музей стало являться много посѣтителей. Самъ Барановъ много выросъ и расширялъ свою дѣятельность за предѣлы Адмиралтейства сперва по поводу устройства Московской политехнической выставки, а потомъ—Вѣнской всемірной.

XIII.

Московская политехническая выставка.—Участіе морского министерства.—В. М. Лосевъ и П. Е. Щуровскій.—Великій князь Алексѣй Александровичъ.—Дѣятельность Н. М. Баранова и моя.

Возникновеніе и устройство Московской политехнической выставки имѣетъ болѣе тѣсную связь съ Морскимъ Министерствомъ, чѣмъ это извѣстно офиціально. Дѣло происходило вотъ какимъ образомъ.

Въ 1870 году мнѣ было необходимо писать всеподданѣйшій отчетъ о дѣятельности Морского Министерства. Подобные отчеты обыкновенно пишутся директоромъ канцеляріи, такъ какъ ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстенъ весь ходъ дѣлъ въ вѣдомствѣ, общій его смыслъ и виды лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, т. е. Управляющаго Морскимъ Министерствомъ и Генералъ-Адмирала. Въ это время я былъ уже сильнымъ человѣкомъ въ Морскомъ Министерствѣ. Управленіе всѣхъ хозяйственныхъ департаментовъ въ 1867 году чрезвычайно увеличило дѣятельность канцеляріи Морского Министерства, такъ какъ не мелочное хозяйничанье, перешедшее въ порты, но направленіе дѣлъ и надзоръ за ними стало задачей Управляющаго министерствомъ и дало возможность

послѣднему быть не номинальнымъ, а дѣйствительнымъ распорядителемъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Я хорошо понималъ общій смыслъ дѣла, безъ преувеличенія могу сказать, былъ правой рукой Краббе, и онъ безусловно мнѣ довѣрялъ. Но вслѣдствіе этого и дѣла у меня въ рукахъ сосредоточилось очень много. Можетъ быть, мнѣ когда нибудь удастся разсказать въ подробностяхъ значеніе этого преобразованія и о томъ участіи, которое я принималъ въ немъ. Здѣсь упомяну только, что дѣйствительное, а не номинальное сосредоточеніе общаго направленія въ рукахъ центральной власти съ большимъ уменьшеніемъ письменнаго дѣлопроизводства, ежедневно привлекало массу лицъ къ объясненію со мною, дѣлало необходимыми мои частые доклады Управляющему министерствомъ и Великому Князю и постоянно прерывало всякую серьезную организаторскую работу. Составленіе всеподданнѣйшаго отчета изъ сырыхъ, дурно редактированныхъ матеріаловъ требовало возможности оглянуться, не торопясь. Я рѣшительно не могъ этого сдѣлать, исправляя должность, и мнѣ пришла въ голову мысль уѣхать на двѣ недѣли, страстную и святую, въ Москву, чтобы тамъ пробыть дней десять въ совершенномъ уединеніи и составить отчетъ. Краббе одобрилъ мою мысль, и я собрался въ путь.

Передъ самымъ отъѣздомъ я отправился къ Великому Князю съ какимъ-то докладомъ и ожидалъ по обыкновенію въ бильярдной своей очереди, чтобы идти къ Его Высочеству. Изъ кабинета вышелъ адъютантъ Великаго Князя, князь Ухтомскій, разстроенный и недовольный. «Никакой нѣтъ возможности сладить съ Великимъ Княземъ», сказалъ онъ, отводя меня въ сторону. «Вамъ извѣстно, что вскорѣ послѣ Святой Его Высочество ѣдетъ въ Каспійскіе порты и на югъ. Путь лежитъ черезъ Москву, и это было бы первое посѣщеніе ея послѣ намѣстничества Великаго Князя въ Польшѣ. Но, помня тогдашніе нападки Москвы и «Московскихъ Вѣдомостей» на него, онъ никакъ не хочетъ ѣхать черезъ Москву и поручилъ мнѣ составить маршрутъ черезъ Рыбинскъ. Великій Князь, русскій и православный до мозга костей, сдѣлалъ такъ много для Россіи, сердечно любитъ Москву и не въ ладахъ съ Москвой! На что это похоже! Если онъ теперь минуетъ Москву, потомъ еще труднѣе будетъ покончить это непріятное недоразумѣніе. Я убѣждалъ его всѣми святыми, доказывалъ несомнѣнность хорошаго пріема... никакъ не хочетъ отступить отъ своей мысли. Вы ѣдете въ Москву. Нельзя ли тамъ что нибудь устроить на встрѣчу къ Великому Князю, что показало бы расположеніе къ нему и заставило бы Великаго Князя измѣнить принятое рѣшеніе ѣхать на Рыбинскъ?» Зная убѣжденія Его Высочества, проникнутыя глубочайшимъ патріотизмомъ истинно-русскаго человѣка, зная благотворную его дѣятельность на пользу Россіи по всѣмъ преобразованіямъ

того времени, а равно то глубокое огорченіе, которое доставляли ему пристрастныя сужденія Москвы и «Московскихъ Вѣдомостей» во время намѣстничества въ Польшѣ, я душевно желалъ содѣйствовать устраненію этого прискорбнаго недоразумѣнія тѣмъ болѣе, что Его Высочество по своему вліянію, какъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта и какъ Великій Князь, могъ всегда сдѣлать очень много добраго Москвѣ. Поэтому по пріѣздѣ въ Москву я обратился за совѣтомъ къ одному большому моему пріятелю Василію Михайловичу Лосеву, занимавшему въ то время уже не первое трехлѣтіе должность городского секретаря. Человѣкъ образованный, въ высшей степени добрый и благонамѣренный, проникнутый искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ своему родному городу Москвѣ, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ, Василій Михайловичъ пользовался тогда огромнымъ вліяніемъ среди Московскаго городского общества, состоявшаго изъ представителей всѣхъ сословій. Я разсказалъ ему все откровенно, такъ какъ на скромность и тактъ Лосева вполнѣ можно было положиться. «Не знаю, что вамъ посовѣтовать?»—сказалъ онъ мнѣ. «Развѣ нельзя-ли чего нибудь сдѣлать изъ предположенія общества естествознанія, состоящаго при Московскомъ Университетѣ, которое имѣетъ въ виду устроить въ Москвѣ политехническую выставку въ годовщину двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго? Извѣстный вамъ заслуженный профессоръ Григорій Евфимовичъ Щуровскій душа всего этого дѣла». «Мысль хорошая», отвѣчалъ я. «Техника и Петръ Великій, во имя которыхъ устраивается выставка, близки къ интересамъ и сердцу морского вѣдомства. Но я вовсе не знаю Щуровскаго. Вамъ извѣстно, что я былъ на юридическомъ факультетѣ, а онъ профессоръ математическаго. Я слышалъ только нѣсколько его лекцій по минералогіи, заходя къ нему въ аудиторію въ свободные часы, такъ, изъ любопытства...» «Ну, такъ я съ вами его познакомлю», сказалъ Лосевъ и на другой день пріѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Щуровскимъ.

Почтенному Григорію Евфимовичу въ то время было подъ семдесятъ, но что за энергія, что за живость, воспріимчивость! Онъ просто очаровалъ меня, и послѣ часовой бесѣды мы разстались, какъ будто я былъ съ нимъ знакомъ десятки лѣтъ. Мы порѣшили, что Московскій Университетъ въ уваженіе заслугъ Великаго Князя и по поводу слуховъ о предстоящемъ пріѣздѣ его черезъ Москву выберетъ его почетнымъ членомъ университета, что депутація отъ университета немедленно же отправится въ С. Петербургъ и поднесетъ Его Высочеству дипломъ на это званіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены общества естествознанія обратятъ вниманіе Великаго Князя на предполагаемую выставку, предсѣдательство на которой уже было въ то время предложено Великому Князю Алексѣю Александровичу. «Ни минуты не надо терять времени

на устройство этого предпріятія», говорилъ Щуровскій, прощаясь со мною. «Подумайте, осталось всего два года до срока открытія...»

Оставшись вдвоемъ съ Лосевымъ, мы не могли не подивиться энергіи этого человѣка, стоящаго уже одной ногой въ могилѣ. «Разсчитывать за два года впередъ въ его годы! Да проживетъ ли онъ столько?»—разсуждали мы. Наши опасенія за Щуровскаго не оправдались: онъ не только довелъ выставку до конца, но и осуществилъ мысль о постройкѣ и устройствѣ громаднаго политехническаго музея въ Москвѣ. И до сихъ поръ (октябрь 1880 года), онъ, слава Богу, здравствуетъ, а бѣдный Лосевъ, который по лѣтамъ годился, если не во внуки, то въ сыновья Щуровскому, не дожилъ и до открытія выставки. Воспоминаніе о немъ одно изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни и всегда соединено съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія объ его утратѣ.

Все такъ и случилось, какъ было предположено. Московскій университетъ 16-го мая единогласно избралъ Великаго Князя своимъ почетнымъ членомъ и немедленно же отправилъ въ С. Петербургъ депутацію изъ ректора и декановъ факультета съ приглашеніемъ осчастливить университетъ своимъ посѣщеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ депутація просила о содѣйствіи выставкѣ. Великій Князь обѣщалъ такое содѣйствіе и поручилъ мнѣ сообразить, что можно было бы сдѣлать. Согласившись въ общихъ чертахъ относительно программы съ Щуровскимъ и московскимъ городскимъ головой княземъ Черкасскимъ (устроителемъ впослѣдствіи администраціи въ Болгаріи), я предложилъ образовать въ морскомъ министерствѣ комиссію для обсужденія вопроса объ участіи морского вѣдомства въ выставкѣ и, въ виду того, что Великій Князь Алексѣй Александровичъ уже считался почетнымъ предсѣдателемъ выставки, сдѣлать воспитателя его адмирала Посьета предсѣдателемъ этой комиссіи. Комиссія образована, я назначенъ членомъ ея, а Барановъ дѣлопроизводителемъ.

Засѣданія комиссіи происходили въ музеѣ. Предсѣдательство Посьета было не долгимъ по обстоятельствамъ, о которыхъ скажу ниже, но онъ очень много сдѣлалъ для выставки. Благодаря ему Путиловъ, чтобы заручиться его покровительствомъ для своихъ промышленныхъ предпріятій, сдѣлалъ крупное пожертвованіе для выставки, принявъ на себя постройку изъ рельсовъ и стеколъ двухъ зданій, изъ которыхъ въ одномъ долженъ былъ помѣститься морской отдѣлъ, а другое предназначалось Путиловымъ для помѣщенія его галлереи русскихъ дѣятелей, состоявшей изъ множества копій съ портретовъ лицъ, упоминаемыхъ въ русской исторіи, и отчасти портретовъ живыхъ лицъ, нужныхъ Путилову для его предпріятій и возведенныхъ имъ вслѣдствіе этого въ чинъ русскихъ историческихъ дѣятелей. Мысль объ устройствѣ такой галлереи

въ Москвѣ на выставкѣ Путиловъ почему-то послѣ оставилъ, и построенный имъ павильонъ послужилъ для помѣщенія выставки садоводства. Посьетъ испросилъ ранѣе Высочайшее соизволеніе на перевозъ въ Москву на выставку съ помѣщеніемъ въ морскомъ отдѣлѣ, изъ Эрмитажа и дворцовъ всѣхъ оригинальныхъ картинъ, содержаніе которыхъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ музею. Онъ же исходатайствовалъ у министра финансовъ 10 тысячъ рублей на переводъ и изданіе разныхъ иностранныхъ сочиненій, полезныхъ для дѣла торговаго мореплаванія. Но предсѣдательствованіе его въ комиссіи была вещь вообще нелегкая для ея членовъ, въ особенности же для меня, какъ представителя въ ней морской центральной власти, подпись котораго въ журналѣ была равносильна заявленію, что исполненіе предлагаемой мѣры возможно въ финансовомъ и административномъ отношеніяхъ. Мнѣ приходилось вести тяжелую борьбу въ комиссіи съ Посьетомъ, несмотря на все личное къ нему сочувствіе. Съ одной стороны онъ хотѣлъ, чтобъ на выставкѣ находились только предметы, имѣющіе отношеніе къ торговому мореплаванію. Я опровергалъ эту мысль, указывая на крайнюю бѣдность этого рода предметовъ, которые мы могли бы собрать и на богатство, напротивъ того, интересныхъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, относящихся вообще къ морской техникѣ, если имѣть въ виду и военный флотъ. Многое, выработанное нами для военнаго плаванія, можетъ быть полезно и для коммерческаго. Притомъ выставка имѣетъ въ виду вообще технику, а не только коммерческую, и осѣняется именемъ Петра Великаго. Слѣдовательно, какое же мы имѣемъ право не показать на выставкѣ результатовъ дѣятельности нашихъ заводовъ въ изготовленіи вещей для военнаго флота? Съ другой стороны Посьетъ расширилъ задачу выставки по отношенію къ коммерческому флоту до невозможныхъ предѣловъ. Такимъ образомъ онъ предлагалъ комиссіи заняться пересмотромъ торговаго устава. Я рѣшительно протестовалъ противъ этого послѣдняго намѣренія, говоря, что комиссія компетентна въ разсмотрѣніи вопросовъ объ устройствѣ выставки, но никакъ не въ законодательномъ трудѣ по части торговли, для чего необходимо участіе представителей Министерства финансовъ, второго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и Министерства юстиціи. Такіе споры замедляли работы комиссіи, но не останавливали ихъ. Личное самолюбіе не усложняло эти споры; напротивъ того, желаніе успѣха дѣлу было общее для обѣихъ сторонъ. Барановъ былъ великолѣпенъ посреди этихъ споровъ. Не вмѣшиваясь въ нихъ въ засѣданіяхъ комиссіи, но хорошо понимая, гдѣ правда и практичность, онъ ловко помогалъ подъ рукою безостановочному ходу дѣла. Всѣ, рѣшительно всѣ, были имъ чрезвычайно довольны. Скоро, впрочемъ, Посьетъ вынужденъ былъ обстоятель-

ствами оставить комиссію менѣе, чѣмъ на полдорогѣ, и передать мнѣ предсѣдательствованіе въ ней.

Почетный предсѣдатель выставки Великій Князь Алексѣй Александровичъ, влюбившись въ фрейлину Жуковскую, дочь нашего знаменитаго поэта, вошелъ съ ней въ связь. Она сдѣлалась беременною, и молодой князь, еще не искусившійся на привольномъ поприщѣ жизни августѣйшихъ особъ, рѣшился на ней жениться. Это сдѣлалось извѣстнымъ родителямъ и произвело переполохъ въ августѣйшей семьѣ. Разсказывали въ то время, что Государь собралъ у себя всѣхъ своихъ сыновей и взялъ съ нихъ слово не разрѣшать никогда своимъ братьямъ жениться на подданныхъ. Думалъ ли онъ тогда, что первый самъ же нарушитъ запретъ! Жуковская была сослана за границу, а Великому Князю Алексѣю Александровичу назначено отправиться въ продолжительное заграничное плаваніе въ Америку, чтобы провѣтриться, чтобы дурь вышла изъ головы. Снаряженъ былъ фрегатъ «Свѣтлана». Посьетъ, какъ воспитатель Великаго Князя, долженъ былъ состоять при немъ.

Плаваніе это продолжалось очень долго, около двухъ лѣтъ, съ августа 1871 года по весну 1873 года. Главною цѣлью этого плаванія были Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Великій князь былъ тамъ принимаемъ съ большими овиціями. Но не смотря на такія торжества и воспитанникъ, и воспитатель одинаково стремились домой. Государь былъ твердъ и, не видя раскаянія въ сынѣ, не давалъ разрѣшенія идти въ Россію. Тщетно Посьетъ писалъ и телеграфировалъ, что возвращеніе снова въ Сѣверо-Американскіе Штаты послѣ такихъ овацій неловко, что и въ первое ихъ путешествіе, въ концѣ, слышался въ Штатахъ ропотъ на издержки, порожденныя пріемомъ Великаго Князя для государственной казны, что котлы «Свѣтланы» такъ не надежны, что не выдержатъ долгого плаванія, что ихъ нужно замѣнить другими, Государь оставался непоколебимъ. Великій Князь проплавалъ еще весь 1872 годъ между южной Америкой, Китаемъ и Японіей, и только весною 1873 г. ему разрѣшено было вмѣстѣ съ Посьетомъ ѣхать въ С. Петербургъ сухимъ путемъ черезъ Сибирь. Въ это время выставка была уже окончена и закрыта. Плаваніе это, кажется, повліяло на молодого князя; по крайней мѣрѣ, безобразная и наглая француженка, актриса Мокуръ, съ этого времени заняла мѣсто его фаворитки и начала выставлять на показъ свою новую должность.

Отбытіе Посьета въ 1871 году сосредоточило въ моихъ рукахъ все дѣло устройства морского отдѣла политехнической выставки. Не отступая отъ мысли Посьета о сосредоточеніи въ отдѣлѣ всего, что относилось къ торговому флоту, я имѣлъ, однако, возможность дать большее развитіе всему тому, что касалось военнаго флота,

и это чрезвычайно облегчило задачу. Не помню, кому принадлежитъ мысль о посылкѣ въ Москву по случаю выставки ботика Петра Великаго и объ устройствѣ тамъ торжества, подобнаго тому, какое имѣло мѣсто при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, когда онъ, окончивъ сооруженіе трехъ дивизій флота, согласно предположенной имъ же программѣ, вздумалъ показать ботику свой флотъ. Теперь имѣлось въ виду показать ботику результаты техники. Кажется, мысль эта возникла еще при Посьетѣ; она должна была придать морскому отдѣлу много блеска. Присутствіе и перевозка ботика была сопряжена съ присутствіемъ на выставкѣ отряда матросовъ съ офицерами и всей морской обстановки. Точно также посланъ на выставку стволъ стального орудія 12-ти дюймоваго калибра, отлитаго и отдѣланнаго на морскомъ пушечномъ Обуховскомъ заводѣ. Для отливки этого ствола была употреблена масса стали въ 2400 пудовъ. Въ отточенномъ и высверленномъ видѣ стволъ вѣсилъ 1200 пудовъ. Перевозка такого громаднаго орудія въ Москву составило цѣлое событіе. Масса вещей, подлежавшихъ помѣщенію на выставкѣ, оказалась очень велика. Барановъ былъ назначенъ распорядителемъ по устройству морского отдѣла на мѣстѣ.

Элементы были достаточно блестящи, чтобы можно было щегольнуть ими и простому смертному. Какое же раздолье представляли они для исполненнаго фантазіи ума Баранова, для его кипучей дѣятельности! Подобравъ себѣ въ помощники нѣсколькихъ офицеровъ, также очень дѣятельныхъ и безусловно ему преданныхъ, онъ энергично повелъ работу по устройству зданія для помѣщенія морского отдѣла выставки внѣ кремлевскихъ садовъ, предназначенныхъ для выставки, на набережной Москвы рѣки, слѣдовательно при водѣ. Взявшись построить это зданіе изъ старыхъ рельсовъ, бѣдный Путиловъ кряхтѣлъ при удовлетвореніи требованій Баранова. Говорятъ, постройка этого зданія стоила ему, кромѣ цѣнности рельсовъ, до 40 тысячъ руб., и я этому вѣрю. Скоро громаднаго зданія изъ рельсовъ и стекла оказалось недостаточно для фантазіи Баранова. Потребовалось возвести вокругъ еще нѣсколько лишнихъ строеній; онъ же затѣялъ воздвигнуть около зданія фрегатскую мачту въ натуральную величину и вооружить ее по всѣмъ правиламъ морского искусства. Тутъ уже мнѣ пришлось кряхтѣть, входя поминутно съ докладомъ къ Управляющему Министерствомъ, впрочемъ очень симпатизировавшему выставкѣ, объ ассигнованіи дополнительныхъ суммъ на «окончаніе» устройства выставки. Остановить дѣло на полдорогѣ было невозможно. Барановъ то и дѣло перелеталъ изъ С.-Петербурга въ Москву и обратно и блестящимъ метеоромъ появлялся на москосвскомъ небосклонѣ, очаровывая тамъ всѣхъ отъ генералъ-губернатора и митрополита до послѣдняго плотника, не останавливаясь ни передъ какими обѣщаніями и возвращаясь въ С. Петербургъ съ полными карманами этихъ данныхъ

имъ обѣщаній. Все это онъ выкладывалъ предо мною въ формѣ самыхъ невинныхъ затѣй, какъ естественное слѣдствіе того, что будто уже прежде мною было «указано», искусно сопоставляя и противопоставляя были съ небылицами, московское начальство съ министерскимъ, профессоровъ-распорядителей и Путиловымъ и заводчиками, митрополита съ чертомъ. Я протягивалъ ему кончикъ мизинца въ помощь какой-нибудь затѣѣ; онъ втягивалъ сначала всю руку, а потомъ и всю мою особу. Императорское общество любителей естествознанія, состоящее при московскомъ университетѣ, прислало мнѣ, по окончаніи выставки, почетный адресъ первой степени и золотую медаль, выразивъ въ адресѣ, что мнѣ присуждаются эти высокія награды за заслуги, состоящія: 1) въ иниціативѣ мысли объ испрошеніи содѣйствія Морского Министерства къ устройству выставки, участіе котораго скоро вызвало и содѣйствіе другихъ вѣдомствъ, столь значительно расширившихъ и обогатившихъ выставку; 2) въ трудахъ по устройству замѣчательнаго и заслужившаго общее одобреніе морского отдѣла, ставшаго однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки; 3) въ постоянномъ, неизмѣнномъ содѣйствіи обществу во всѣхъ его ходатайствахъ и начинаніяхъ, потребовавшихъ содѣйствія предсѣдателя морского отдѣла, и 4) въ содѣйствіи къ обогащенію политехническаго музея многими замѣчательными и цѣнными собраніями. Все это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе я долженъ покаяться, что не будь Посьета и Баранова я и сотой доли не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ для выставки. Первый, при самыхъ благихъ намѣреніяхъ, затѣялъ постройку огромнаго зданія для морского отдѣла, и нужно было его наполнить; второй вовлекалъ меня мало по малу въ это дѣло и постоянно ставилъ въ такое положеніе, что я долженъ былъ или содѣйствовать его фантазіямъ, или отречься отъ сдѣланныхъ имъ на мѣстѣ распоряженій, данныхъ обѣщаній, и произвести скандалъ. Само собою разумѣется, моя любовь къ Москвѣ, мое благоговѣніе передъ университетомъ, мое желаніе служить распространенію образованія въ народѣ заставило меня быть къ ухищреніямъ Баранова болѣе, чѣмъ снисходительнымъ; я постоянно имѣлъ въ виду, что затѣи его очень хороши, но самъ я не пошелъ бы такъ далеко и, если бы зналъ въ началѣ, что будетъ стоить Морскому Министерству устройство морского отдѣла, не затѣвалъ бы дѣла. Но расходы возникали мало по малу, и каждый разъ послѣ крупныхъ объясненій съ Барановымъ по каждой новой его затѣѣ, я смягчался, вспоминая о цѣли и оправдывая себя тѣмъ, что не грѣшно увеличивать сумму на народное образованіе, отпускаемую правительствомъ въ столь неограниченномъ размѣрѣ. Притомъ Барановъ дѣйствовалъ такъ со мною не изъ корыстныхъ видовъ, а изъ желанія удовлетворить своему самолюбію устройствомъ чего-нибудь выходящаго изъ ряда. Тѣмъ не менѣе одно время я былъ на него до того

золъ, что запретилъ ему всякое другое сношеніе со мною кромѣ офиціальнаго, бумагами за нумерами. Онъ былъ такъ увлеченъ своимъ успѣхомъ въ Москвѣ, что позабылъ о своемъ состояніи на службѣ и началъ чествть начальство, на чемъ свѣтъ стоитъ. Принятая мною мѣра имѣла отличное вліяніе. Онъ тотчасъ же понизилъ тонъ и сдѣлался шелковымъ. Но, несмотря на всю его проницательную ловкость соединять были съ небылицами, это свойство его характера не осталось незамѣченнымъ въ Москвѣ. Какъ то разъ почтеннѣйшій Григорій Евфимовичъ Щуровскій, притворивъ двери и оглядѣвшись кругомъ, дѣйствительно ли никого нѣтъ въ комнатѣ, шепотомъ спросилъ меня, какъ поступать, когда Барановъ говоритъ такія вещи, которыя ни съ чѣмъ не сообразны, положительно ложны.

Во время постройки и приготовленія морского отдѣла къ выставкѣ я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Москву и въ одну изъ такихъ поѣздокъ долженъ былъ явить въ московскомъ университетѣ образецъ своего краснорѣчія. При нашей всеобщей непривычкѣ говорить въ публикѣ я отличался еще отсутствіемъ во мнѣ ораторскихъ способностей и застѣнчивостью. Разбирать дѣло въ тиши кабинета, изложить его просто и ясно—это моя сфера. Но найтись вдругъ возражать или отвѣтить въ требуемый моментъ—это свыше моихъ силъ; фразы выходятъ у меня при такихъ обстоятельствахъ неуклюжія, и по окончаніи слова мнѣ всегда приходится сообщать, что я не досказалъ чего нибудь существеннаго. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Москву, распорядительный комитетъ выставки пригласилъ меня посѣтить его собраніе. Въ полной увѣренности, что все ограничится дѣловымъ обсужденіемъ различныхъ подробностей выставки, я пріѣхалъ. Засѣданіе происходило въ залѣ университета, въ которой я когда-то экзаменовался; присутствовавшихъ было человѣкъ сотня и между ними профессора: нашъ извѣстный историкъ Соловьвьевъ, Щуровскій, деканъ математическаго факультета Давыдовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ устроительныхъ устроителей выставки профессоръ зоологіи Богдановъ и другіе. Уже мѣсто собранія и лица произвели довольно сильное впечатлѣніе на мою нервную натуру. Помѣстившись въ нѣсколько рядовъ вокругъ огромнаго стола, они меня посадили рядомъ съ предсѣдателемъ. Все смолкло. Поднимается Давыдовъ и въ самыхъ лестныхъ словахъ начинаетъ засвидѣтельствованіе мнѣ отъ имени общества естествознанія благодарность за содѣйствіе, оказываемое его предпріятію. «Вашей иниціативѣ, Константинъ Александровичъ», сказалъ онъ въ заключеніе, «общество очень много обязано, такъ какъ выраженное вами сочувствіе выставкѣ и увѣреніе въ благопріятномъ пріемѣ ходатайства общества въ Морскомъ Министерствѣ разсѣяли наше опасеніе офиціально предъявить свое ходатайство лицамъ, стоящимъ во главѣ морского дѣла въ Россіи. Вы были дѣятельнымъ участ-

никомъ въ выраженіи драгоцѣннаго для насъ содѣйствія морского министерства и его комиссіи, вы лично привлекли многихъ полезныхъ сотрудниковъ и почтенныхъ дѣятелей къ участію въ осуществленіи предпріятія, и потому общество поручило мнѣ не только въ лицѣ вашемъ благодарить все морское министерство и морскую комиссію, но и выразить вамъ лично его искреннюю и глубокую благодарность».

Я сидѣлъ, какъ на угольяхъ. Совершенная неприготовленность, чтобъ отвѣчать въ стѣнахъ университета посреди профессоровъ и москвичей, которые не имѣютъ обыкновенія относиться особенно снисходительно къ С. Петербургскимъ «умникамъ», особенно, если этотъ «умникъ» довольно быстро пробилъ себѣ дорогу и занимаетъ довольно видное мѣсто въ администраціи, все это дѣлало положеніе мое не изъ легкихъ. Тутъ-то поблагодарилъ я мысленно Грейга, что онъ заставилъ меня дебютировать въ области краснорѣчія на обѣдѣ общества садоводства. Но, дѣлать нечего, надо было отвѣчать. Петръ Великій и техника вотъ смыслъ выставки, думалъ я, и о нихъ будемъ говорить, а тамъ, что Богъ дастъ, и, собравшись съ духомъ, я поднялся съ своего мѣста. Экспромтъ мой въ общихъ чертахъ заключался въ слѣдующемъ: «Совершенно неожиданно удостоился я чести выслушать столь лестныя для меня слова г. вице-президента, въ которыхъ моему личному участію въ дѣлѣ устройства морского отдѣла выставки приписано такъ много значенія. Собраніе не можетъ сомнѣваться въ моемъ горячемъ сочувствіи прекрасному предпріятію тѣмъ болѣе, что я, какъ воспитанникъ московскаго университета и москвичъ, не могъ уже поэтому не сочувствовать ему. Но содѣйствіе мое, если угодно было признать его полезнымъ, стало возможнымъ лишь при томъ сильномъ сочувствіи, какимъ пользуется политехническая выставка у Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала и у г. Управляющаго Морскимъ Министерствомъ генералъ-адъютанта Краббе. Имъ достаточно было узнать, что предпріятіе посвящено памяти Петра Великаго, и что оно въ то же время техническое, дабы вниманіе и сочувствіе ихъ обратилось на это дѣло, и только благодаря выраженному Великимъ Княземъ согласію на участіе морского вѣдомства и мѣрамъ, принятымъ г. Управляющимъ министерствомъ, я получилъ возможность внести и мое посильное содѣйствіе на пользу общей задачи».

«Находясь проѣздомъ въ Москвѣ и не ожидая, что буду имѣть честь присутствовать въ собраніи комитета, я, къ сожалѣнію, не приготовилъ отчета о дѣйствіяхъ комиссіи морского дѣла, и мнѣ трудно представить полный очеркъ ея занятій, но я постараюсь сообщить комитету тѣ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ онъ будетъ имѣть по крайней мѣрѣ возможность отвѣтить на вопросъ, не опоздалъ ли морской отдѣлъ сравнительно съ другими отдѣлами выставки?...»

Съ этими словами я вышелъ ,такъ сказать, въ моемъ экспромитѣ на большую дорогу. Далѣе говорить было легко, такъ какъ дѣло заключалось уже не въ болѣе или менѣе громкихъ фразахъ, а въ фактахъ, которые я хорошо зналъ. Разсказавъ, чѣмъ будетъ представлена историческая часть морского дѣла на выставкѣ, я перешелъ къ технической части, къ ея современному значенію въ морскомъ дѣлѣ. «Вся исторія морской техники», сказалъ я, «представляетъ почти непрерывный рядъ переходовъ отъ однихъ усовершенствованій къ другимъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ торжествомъ науки и быстрыми успѣхами являются неразлучныя неудачи и напрасныя усилія, заставляющія изыскивать новыя рѣшенія, добиваться новыхъ успѣховъ. Разница въ результатахъ недавняго времени и тѣхъ, которыхъ мы достигаемъ теперь, громадна. Достаточно указать для примѣра на сооружаемый нынѣ мониторъ (впослѣдствіи корабль «Петръ Великій»), вооруженіе котораго состоитъ лишь изъ четырехъ пушекъ, при чемъ, однако, одинъ залпъ этого монитора по силѣ дѣйствія можетъ равняться двумъ залпамъ прежняго стопушечнаго корабля. При такихъ успѣхахъ въ то же время мы видѣли ожесточенную борьбу между двумя частями морского дѣла, каковы кораблестроеніе и артиллерія: въ то время, когда артиллерія изобрѣтаетъ разрушительныя орудія и быстро усиливаетъ ихъ дѣйствіе, кораблестроитель находитъ новыя средства и способы защищать судно отъ грозящей ему опасности. Успѣхъ одной изъ этихъ спеціальностей составляетъ пораженіе другой и даетъ этому безконечному конкуренту новую пищу. Въ настоящее время всѣ наши суда, всѣ самые сложные механизмы къ нимъ строятся у насъ, всѣ наши артиллерійскія орудія изготовляются также на нашихъ заводахъ, и мы не зависимъ отъ заграницы, пользуясь какъ русскими матеріалами, такъ и трудомъ внутри Россіи. Тѣмъ не менѣе техника морского вѣдомства составляетъ только часть цѣлаго. Техника коммерческаго судостроенія и судоходства представляютъ поэтому не только желательное, но и крайне необходимое дополненіе. Морское вѣдомство сознаетъ возможность и необходимость для Россіи коммерческаго флота, но организація его подвигается медленнѣе, чѣмъ было бы желательно. Политехническая выставка представляетъ удобный случай, чтобы привлечь сочувствіе русскаго коммерческаго міра къ этому важному дѣлу...»

Я такъ увлекся, что и позабылъ, что говорю въ незнакомомъ мнѣ обществѣ. Слушали, повидимому, съ большимъ интересомъ, и общее впечатлѣніе было такъ удачно, что черезъ два-три дня «Московскія Вѣдомости» напечатали даже передовую статью по поводу рѣчи и на тему высказанной мною мысли о необходимости развитія у насъ коммерческаго флота.

Выставка прошла прекрасно. Великій князь Константинъ Николаевичъ пробылъ въ Москвѣ долгое время и катался какъ сыръ въ

маслѣ. Его ласковость и доступность, его умъ и знанія сильно расположили къ нему москвичей, и онъ сдѣлался чрезвычайно популяренъ. Выставку посѣтилъ Государь, и, какъ обыкновенно, пріѣздъ его въ Москву былъ для нея большимъ праздникомъ. Все лѣто Москва была оживлена, толпы пріѣзжихъ смѣнялись однѣ другими, и слово «техника» перестало быть синонимомъ какого-то несуразнаго чудовища, какимъ она до тѣхъ поръ представлялась! Наконецъ результатами выставки явились: обширный политехническій музей и общество содѣйствія торговому мореплаванію. Воспоминаніе о выставкѣ составляетъ одно изъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни, и съ этимъ воспоминаніемъ всегда соединяется представленіе о Барановѣ. Онъ много содѣйствовалъ ея успѣху и оставилъ по себѣ въ Москвѣ и въ тѣхъ лицахъ, которыя прикасались къ выставкѣ, отличное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ очень умномъ, способномъ, любезномъ и для подчиненныхъ добрымъ.

Путиловъ за выставку получилъ Станиславскую звѣзду и былъ очень доволенъ. Честолюбіе его было удовлетворено. Онъ могъ бы получить и матеріальныя выгоды отъ своего пожертвованія на это дѣло, потому что оно еще болѣе, чѣмъ прежде сблизило его съ Великимъ Княземъ и открыло ему свободный доступъ къ Посьету, который вскорѣ былъ назначенъ министромъ путей сообщенія. Но Николай Ивановичъ никогда и ни въ чемъ не умѣлъ останавливаться. Деньги, полученныя на какое-нибудь предпріятіе, только увеличивали его аппетитъ на полученіе новыхъ сотенъ тысячъ и даже милліоновъ рублей; они обыкновенно шли не по прямому назначенію, но отчасти на уплату прежнихъ долговъ, отчасти на новыя затѣи. Такимъ образомъ чугунный, желѣзнодѣлательный, сталелитейный, рельсовый заводы обобраны для устройства при устьѣ Невы коммерческаго порта, въ которомъ океанскія суда обмѣнивались бы товарами съ рѣчными, волжскими, а портъ обобранъ для сооруженія желѣзной дороги и для разныхъ другихъ проектовъ и затѣй. Все начиналось, и ничего не оканчивалось. Такимъ Путиловъ остался и до конца своей жизни. Онъ умеръ въ 1879 году, оставивъ $2^1/_2$ милліона долга и дѣла въ такомъ положеніи, что вдова его не рѣшалась вступить въ права наслѣдства.

XIV.

Московская консерваторія.—С. Т. Аполлонская.—Н. Г. Рубинштейнъ.—Хлопоты К. А. Манна о консерваторіи.

Къ числу благодѣтельныхъ результатовъ политехнической выставки надлежитъ отнести также упроченіе въ Москвѣ музыкальной консерваторіи. Ходъ этого дѣла очень курьезенъ. С.-Петербургская музыкальная консерваторія, возникшая стараніями великой княгини Елены Павловны и знаменитаго нашего композитора и вир-

туоза Антона Григорьевича Рубинштейна, уже процвѣтала въ началѣ 70-хъ годовъ. Частныя пожертвованія, казенныя субсидіи, сборы отъ концертовъ совершенно обезпечивали ея существованіе, и она даже богатѣла. Въ Москвѣ, въ небольшомъ кружкѣ любителей, возникла мысль устроить тамъ такое же учрежденіе, но путь былъ труднѣе, такъ какъ правительство не являлось на помощь. Но усердіе кружка любителей, во главѣ котораго стоялъ братъ Антона Рубинштейна—Николай Рубинштейнъ, въ достиженіи предположенной цѣли не ослабѣвало. При помощи концертовъ сколотили въ 6 лѣтъ нѣсколько тысченокъ и рѣшились открыть на нихъ консерваторію не на счетъ процентовъ, которыхъ было бы слишкомъ мало, но, расходуя самый капиталъ, въ надеждѣ, па будущія блага:—авось не обанкротимся, авось прійдетъ на помощь или частная благотворительность, когда появятся результаты дѣятельности общества, или, можетъ быть, правительство поможетъ субсидіей. Консерваторія открыта была въ 1866 году.

Я болѣе или менѣе зналъ, что происходило въ средѣ музыкальнаго общества черезъ двухъ членовъ его, которые принимали дѣла общества очень близко къ сердцу. Объ одномъ изъ этихъ членовъ, о Василіи Михайловичѣ Лосевѣ, московскомъ городовомъ секретарѣ, я уже упомянулъ выше, разсказывая о началѣ политехнической выставки. О другомъ стоитъ упомянуть здѣсь не только по вліянію, которое эта дѣвушка имѣла на обезпеченіе матеріальнаго положенія дѣлъ Московской консерваторіи, но и какъ о примѣрѣ того, что можетъ сдѣлать энергія и настойчивость.

Въ 1860 году, въ пріѣздъ мой въ Москву по командировкѣ моей отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для осмотра Московской адресной конторы, я получилъ приглашеніе отъ моей сестры къ ней на музыкальный, квартетный вечеръ. Зять мой Павелъ Давыдовичъ Бражниковъ, служившій въ то время въ канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора, сдѣлалъ замѣчательный музыкальный талантъ жены средствомъ привлекать къ себѣ въ домъ разныхъ лицъ, связи съ которыми ему были полезны на службѣ или посѣщеніе которыхъ льстило его узкому, мелкому самолюбію. Благодаря этому замѣчательному музыкальному таланту жены, ея уму и радушію онъ, при помощи различныхъ заискиваній и хорошихъ ужиновъ привлекъ къ этимъ вечерамъ лучшихъ артистовъ того времени, находившихся въ Москвѣ, и составлялъ квартеты на рѣдкость, ничего не платя артистамъ. Эти квартеты служили приманкою для людей «нужныхъ», а обильные, вкусные ужины, иногда же и позднія карты вознаграждали тѣхъ изъ гостей, которымъ приходилось скучать отъ бетховенской музыки. Все это стоило очень дорого и очень не соотвѣтствовало небольшимъ въ то время средствамъ моего зятя, но очень льстило его самолюбію.

Я засталъ у сестры довольно многочисленное общество. Нѣсколь-

ко почетныхъ и «нужныхъ» людей съ супругами, нѣсколько профессоровъ, нѣсколько артистовъ, нѣсколько лицъ, не знавшихъ, куда дѣваться вечеромъ. Все это очень мало интересовалось музыкой, а еще менѣе понимало ее. Хозяинъ лѣзъ изъ кожи вонъ: угощалъ гостей, любезничалъ съ ними, хвалилъ сыгранную пьесу и нисколько не слушалъ музыку. Артисты, играя даромъ, старались дать почувствовать, что они самые дорогіе гости и оказываютъ одолженіе. Все это производило на меня далеко не отрадное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что я не могъ не сознавать, что хозяйка, играя на фортепіано и исполняя роль любезной хозяйки, дѣйствуетъ тутъ не по своей охотѣ, а въ угоду мужу, что сердце ея въ дѣтской у малютокъ-дѣтей, что ее не можетъ не угнетать сознаніе, какое тяжелое вліяніе эти угощенія многочисленныхъ и совершенно постороннихъ лицъ должны имѣть на ея крошечныя домашнія средства.

Въ теченіе вечера я замѣтилъ немолодую дѣвушку, которая составляла исключеніе въ равнодушной и самоувѣренной массѣ гостей. Крайне некрасивая, худая, блѣдная, съ выдающимися неровными зубами, и рѣдкими волосами, она садилась въ углу, поодаль отъ другихъ, какъ только начиналась музыка, и, видимо, наслаждалась ею. «Софья Тимоѳеевна Аполонская»,—сказала мнѣ сестра въ одинъ изъ антрактовъ, представляя меня ей.—Мой искренній другъ и большая любительница музыки». На другой день я попросилъ сестру дать мнѣ о ней болѣе подробныя свѣдѣнія. «Это очень хорошая и добрая дѣвушка»,—объясняла она мнѣ.—Она сестра очень богатой женщины, Жеребцовой, бывшей классной дамой въ одномъ изъ институтовъ и вышедшей замужъ за богатаго идіота. Софья Тимоѳеевна живетъ теперь у сестры, такъ какъ не имѣетъ куска хлѣба и ведетъ прежалкую жизнь. Сестра ея завела себѣ любовника и то и дѣло рожаетъ отъ него дѣтей, не стѣсняясь присутствіемъ мужа, который совершенный идіотъ; любовникъ даже потѣшается надъ нимъ. Софья Тимоѳеевна одна заботится о несчастномъ и онъ чуть-чуть на нее не молится. Она очень любитъ музыку, и я даю ей теперь по дружбѣ уроки, но, къ сожалѣнію, у ней очень мало способностей, хотя усердія и не оберешься»...

Вскорѣ послѣ того зять съ семействомъ переѣхалъ на службу въ С.-Петербургъ, а Софья Тимоѳеевна поступила въ число ученицъ консерваторіи, чтобы изучать гармонію и пріемы преподаванія. Чрезъ нѣсколько времени она получила какіе-то грошевые уроки музыки, и это дало ей возможность ежегодно пріѣзжать въ С-Петербургъ гостить къ моей сестрѣ. Ея беззавѣтная привязанность къ моей сестрѣ и безграничная любовь къ музыкѣ сблизили меня съ чею, и каждый разъ, когда я пріѣзжалъ въ Москву, я непремѣнно заѣзжалъ къ ней.

По бывшимъ примѣрамъ и въ пріѣздъ въ Москву, незадолго до открытія выставки, я заѣхалъ къ ней. «А у насъ большое горе»,

сказала она мнѣ между прочимъ. «Наша консерваторія доживаетъ послѣдніе дни за неимѣніемъ средствъ къ дальнѣйшему существованію. Весь свой собранный капиталъ она издержала и несмотря на то, что образованіе идетъ въ ней превосходно, что желающихъ учиться очень много, средствъ не хватаетъ. Рубинштейнъ и другіе директора хлопочутъ насчетъ увеличенія средствъ, но изъ этого ничего не выходитъ, и на дняхъ будетъ объявлено, что консерваторія закрывается. Для Москвы это большая потеря. Помогите ей, Константинъ Александровичъ».—«Что вы, Софья Тимоѳеевна! Да что я могу дѣлать? Я не имѣю никакого отношенія къ этому дѣлу, а своихъ капиталовъ у меня нѣтъ».—«Не знаю, какъ это сдѣлать, но нужно помочь полезному учрежденію. Всѣ говорятъ, что вы такъ много сдѣлали для выставки; если захотите, сдѣлаете и здѣсь. Прошу васъ именемъ музыки, которую вы такъ любите, именемъ той молодежи, которая начала въ консерваторіи свое музыкальное образованіе и должна теперь остановиться на полдорогѣ. Я скажу Рубинштейну, чтобы онъ къ вамъ пріѣхалъ; поговорите съ нимъ. Когда васъ застать дома?» Я сказалъ, когда буду дома, но старался увѣрить, что визитъ Рубинштейна будетъ безполезенъ, что я очень сомнѣваюсь, чтобы онъ привелъ къ какимъ-нибудь благотворнымъ для консерваторіи результатамъ.

Дня черезъ два-три Софья Тимоѳеевна явилась ко мнѣ, чтобы спросить о результатахъ моего свиданія съ Рубинштейномъ. Я сказалъ, что не видѣлъ Рубинштейна, который у меня не былъ, и что черезъ день я уѣзжаю въ С.-Петербургъ. Софья Тимоѳеевна осадила меня самыми горячими мольбами, чтобы я непремѣнно повидался съ Рубинштейномъ. «Онъ непремѣнно хотѣлъ быть у васъ; вѣроятно, его что-нибудь задержало. Онъ не знаетъ, какъ вы ему можете быть полезны, но васъ будетъ упрекать совѣсть, что вы не протянули руку помощи дорогому дѣлу въ родной Москвѣ. Съѣздите къ нему теперь же; онъ теперь дома. Какъ можно жертвовать дѣломъ ради исполненія пустой формальности: кому сдѣлать первый визитъ. Это стыдно въ общественномъ дѣлѣ и пр. и пр.».—Я защищался, сколько могъ, но, конечно, сдался и, чтобы прекратить дальнѣйшіе разговоры и споры, поѣхалъ къ Рубинштейну, съ которымъ вовсе не былъ знакомъ.

Явившись къ Рубинштейну, я объяснилъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, какъ происходило все дѣло. «Я исполняю настоятельное желаніе нашей общей доброй знакомой. Въ желаніи моемъ содѣйствовать дѣлу не сомнѣвайтесь, но весьма сомнѣваюсь, чтобы я въ состояніи былъ помочь, и я боюсь, что понапрасну отвлекаю васъ отъ дѣла моимъ визитомъ».

Рубинштейнъ съ большими подробностями и откровенностью разсказалъ мнѣ современное положеніе консерваторіи въ Москвѣ. Возникшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ почти противъ воли покро-

вительницы музыкальнаго общества, великой княгини Елены Павловны, которая считала достаточною для Россіи одной консерваторіи въ С.-Петербургѣ, она не получала никакой субсидіи отъ правительства и существовала на свои собственныя средства. Хотя число учащихся очень велико, расходы, однако, такъ значительны, что пришлось все время расходовать собранный еще до открытія консерваторіи основной капиталъ, и въ данный моментъ онъ былъ на исходѣ. «Въ предвидѣніи близкаго банкротства», сказалъ Рубинштейнъ, «мы обратились къ великой княгинѣ съ ходатайствомъ о назначеніи Московской консерваторіи субсидіи по примѣру С.-Петербургской, но она и прежде относилась равнодушно къ дѣламъ Московской консерваторіи, а теперь, когда ея дѣлами началъ завѣдывать на правахъ гофмаршала тайный совѣтникъ Квистъ, мы умремъ съ голоду прежде, чѣмъ онъ окончитъ свои соображенія и справки съ законами о помощи намъ. Мы обратились въ городскую думу съ просьбой о субсидіи изъ городскихъ суммъ. Здѣсь встрѣтили большое сочувствіе, но, какъ торгаши, они возымѣли мысль соединить такую субсидію съ собственною выгодою. Городъ, какъ извѣстно, съ давняго времени вноситъ ежегодно нѣкоторую сумму въ помощь императорскимъ театрамъ. Дума рѣшила эту сумму перевести на консерваторію, если отъ платежа ея городъ будетъ освобожденъ. По этому поводу въ «Московкихъ Вѣдомостяхъ» напечатана очень рѣзкая статья, въ которой доказывается, что сборы московскихъ театровъ покрываютъ рас ходы наихъ содержаніе, что даютъ даже барыши, и что такимъ образомъ Московская субсидія идетъ въ пользу С.-Петербурга. Это подняло цѣлую бурю въ театральной администраціи, которая защищается. Въ дѣло вмѣшался Московскій генералъ-губернаторъ и министръ двора графъ Адлербергъ, но изъ всего этого все-таки ничего не выходитъ, и мы доживаемъ наши послѣдніе дни. Дадимъ прощальный спектакль воспитанниковъ во время выставки—это дастъ намъ тысченку-другую въ кассу, чтобы расплатиться съ долгами,—и закроемъ лавочку. А очень жаль! Дѣло пошло такъ хорошо, да и таланты имѣются въ виду»...

«Ну, едва ли удастся вамъ вырвать что-нибудь изъ когтей театральной дирекціи, какъ скоро это что-нибудь попало ей въ когти», сказалъ я. «Но бросать дѣло, такимъ достойнымъ образомъ вами, москвичами, начатое и доведенное уже до недурныхъ результатовъ въ короткій срокъ, никакъ не слѣдуетъ, по моему мнѣнію. Помилуйте! Къ вамъ на дняхъ пріѣдетъ сюда великій князь Константинъ Николаевичъ, большой любитель и знатокъ музыки; черезъ нѣсколько времени потомъ прибудетъ въ Москву Государь. Покажите великому князю ваше учрежденіе, познакомьте его съ достигнутыми вами успѣхами въ вашемъ театральномъ спектаклѣ, постарайтесь заинтересовать его и упросить, чтобы онъ убѣдилъ государя пріѣхать на этотъ спектакль, и ваше дѣло будетъ выиграно. Посѣщеніе

Государя не можетъ остаться безслѣднымъ для вашего учрежденія, и онъ не допуститъ послѣ того паденія консерваторіи. Что вы приготовляете для спектакля?—«Оперу Глюка «Орфей».—«И прекрасно. Приготовьте мнѣ поскорѣе записку о вашемъ настоящемъ критическомъ финансовомъ положеніи и скажите въ ней, что безъ субсидіи отъ правительства вы не можете далѣе существовать. Я возьму ее съ собой и доложу великому князю, сказавъ ему, что вы готовите спектакль и будете просить его удостоить этотъ спектакль своимъ посѣщеніемъ; соберу свѣдѣнія о субсидіи, получаемой С.-Петербургской консерваторіей и, если великій князь разрѣшитъ, войду въ переговоры съ управляющимъ теперь министерствомъ финансовъ Грейгомъ, котораго я хорошо знаю, о согласіи его на отпускъ такой субсидіи. Такое согласіе необходимо ранѣе каждаго доклада государю о расходѣ. Все это будетъ очень неправильно, потому что этому дѣлу слѣдовало бы итти черезъ вашу покровительницу, великую княгиню, но, если удастся получить согласіе управляющаго министерствомъ финансовъ до пріѣзда Государя въ Москву, а великій князь испроситъ высочайшее повелѣніе на отпускъ такой субсидіи здѣсь, послѣ спектакля, то все обойдется какъ нельзя лучше, неправильность не будетъ бросаться въ глаза, и самъ Квистъ со всѣми его батареями законовъ не въ состояніи будетъ придраться».

Рубинштейнъ благодарилъ меня съ увлеченіемъ, сказалъ, что я воскресилъ его упавшій духъ, жалъ мнѣ руки, и, наконецъ, мы расцѣловались въ обѣ щеки.

Записка была готова къ моему отъѣзду, и я съ ней явился къ великому князю. Я откровенно разсказалъ ему все, какъ было дѣло, объяснилъ ему составленный нами планъ и просилъ разрѣшенія, по приведеніи въ извѣстность размѣра субсидіи, получаемой С.-Петербургской консерваторіей, просить его именемъ Грейга о содѣйствіи. «Хорошо», сказалъ онъ, смѣясь. «Смотри, только ты меня поссоришь съ теткой! Тогда я ей головой тебя выдамъ, а съ ней шутить плохое дѣло».

Великій князь затѣмъ уѣхалъ въ Москву для открытія выставки, а я началъ дѣйствовать. По справкѣ оказалось, что С.-Петербургская консерваторія получаетъ всего субсидіи около 19 тысячъ руб. въ годъ. Округливъ эту сумму до 20 тысячъ руб., я обратился къ Грейгу. Онъ нѣкоторое время откладывалъ отвѣтъ, ожидая возвращенія министра финансовъ Рейтерна, отсутствовавшаго изъ С.-Петербурга. Но такъ какъ срокъ поѣздки государя въ Москву приближался, да и мнѣ надлежало туда ѣхать съ докладомъ къ великому князю по дѣламъ морского министерства, то я началъ настаивать. Наконецъ мнѣ удалось получить предварительное, словесное отъ него согласіе на отпускъ 20 тысячъ руб. въ годъ на условіяхъ, которыя будутъ указаны Рейтерномъ, если послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе. Немедленно же я полетѣлъ въ Москву.

Тамъ я уже засталъ великаго князя расположеннымъ наилучшимъ образомъ къ консерваторіи. Онъ уже осмотрѣлъ ее въ подробности, ознакомился съ успѣхами учениковъ и учениць и обѣщалъ доложить государю о готовившемся спектаклѣ. Разучиваніе «Орфея» шло самымъ дѣятельнымъ образомъ. Великій князь былъ очень доволенъ, что привезъ предварительное согласіе Грейга на субсидію. Наконецъ пріѣхалъ государь. Его высочество доложилъ ему о спектаклѣ, и о хорошемъ впечатлѣніи, которое производитъ консерваторія. Государь обѣщалъ быть на спектаклѣ и назначилъ для этого день. Никогда я не забуду этого спектакля. Сцена была устроена въ большой залѣ Благороднаго собранія. Въ оперѣ, можно сказать, почти одна роль Орфея (контральто), и она была раздѣлена между двумя ученицами: Эйбоженко и Кадминой, такъ что въ I и II актахъ была одна, въ III актѣ—другая. Хоры и оркестры состояли изъ учениковъ и учениць; Рубинштейнъ дирижировалъ. Зала, убранная цвѣтами и залитая огнями, была биткомъ набита самой избранной московской публикой. Интересъ былъ возбужденъ въ высшей степени и ученическимъ спектаклемъ, составлявшимъ въ то время совершенную новость, и ожидавшимся посѣщеніемъ государя; все было построено самымъ торжественнымъ образомъ. Государь пріѣхалъ ко II акту.—Исполненіе гимна встрѣтило восторженные крики ура! Опера шла очень хорошо; публика слушала ее съ затаеннымъ дыханіемъ, внутренно вознося пожеланія объ успѣхѣ и хорошемъ впечатлѣніи. Государь остался такъ доволенъ, что великій князь доложилъ ему до окончанія акта о критическомъ положеніи консерваторіи и о предварительномъ согласіи управляющаго министерствомъ финансовъ на субсидію въ 20 тысячъ руб. въ годъ. Государь тутъ же поздравилъ директоровъ съ пожалованіемъ этой субсидіи. Вѣсть эта тотчасъ же перешла въ залу, распространяясь между лицами, причастными къ консерваторіи и публикой. Восторгъ и увлеченіе были всеобщіе.

На другой день я пріѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ съ докладомъ къ великому князю. Въ пріемной меня окружили депутаты Московскаго музыкальнаго общества и директоръ консерваторіи, которые пріѣхали во дворецъ благодарить великаго князя за дарованную консерваторіи милость. «Вотъ первый виновникъ», сказалъ Рубинштейнъ, «полученнаго консерваторіей благодѣянія. Принесемте ему благодарность отъ всей музыкальной Москвы и попросимъ его о принятіи званія почетнаго члена Московскаго музыкальнаго общества». Бывшіе въ пріемной довольно многочисленныя постороннія лица также стѣснились вокругъ меня и я не успѣвалъ пожимать протягивавшіяся мнѣ руки. Поблагодаривъ за избраніе въ почетные члены, я прибавилъ Рубинштейну на ухо: «Не позабудьте, что первымъ началомъ въ этомъ удачномъ дѣлѣ была Софья Тимоѳеевна». «Нѣтъ, нѣтъ», отвѣчалъ Рубинштейнъ, смѣясь. «Ей

навсегда свободный входъ не только въ консерваторію, но и въ наши сердца; мы никогда не забудемъ ея услугъ!» Дѣйствительно, она получила чрезъ посредство консерваторіи такъ много уроковъ для приготовленія начинающихъ обучаться музыкѣ, что не только сдѣлалась совершенно независимой отъ своей сестры, но ежегодно уѣзжала лѣтомъ за границу, и даже, когда сестра ея, вслѣдствіе разныхъ безумныхъ спекуляцій, разорилась, сдѣлалась поддержкою всей семьи.

К. А. Маннъ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).